

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

105

ДРЕВНОСТИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

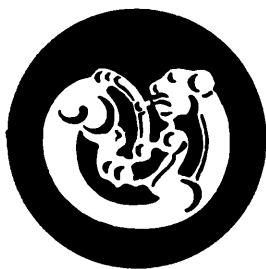
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

105

ДРЕВНОСТИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарева,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

И. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Т. С. ПАССЕК

ИСТОРИЯ ПЛЕМЕН В V—III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВИИ

В результате планомерных археологических исследований памятников неолита и энеолита на территории Молдавии, начатых в послевоенные годы, были достигнуты заметные успехи. Ведь еще совсем недавно состояние изученности этих периодов позволяло лишь затрагивать проблему культуры и экономики трипольских племен¹. В настоящее же время значительно полнее и глубже могут быть освещены многие вопросы из истории племен V—III тыс. до н. э. на юго-западе Восточной Европы. На территории Молдавии открыты более древние памятники дотрипольского времени, оставленные среднеевропейскими и балкано-дунайскими племенами. Особое значение приобрели поиски в Поднестровье древней неолитической культуры. Эта важная задача была выполнена В. И. Маркевичем, открывшим на Среднем Днестре древнейшую неолитическую культуру, названную буго-днестровской².

Все полученные в процессе раскопок новые материалы и стратиграфические наблюдения по буго-днестровской культуре позволили В. И. Маркевичу сравнить исследованные стоянки на Днестре с южнобугскими (раскопки В. Н. Даниленко) поселениями и выделить пять хронологических фаз раннего неолита: древнейшая (I), относящаяся к периоду докерамического неолита, и последующие (II—V) — к основным этапам южнобугского неолита, начиная с соколецкого этапа (II), через печерский (III) и самчинский (IV) к савранскому (V) (по периодизации В. Н. Даниленко).

После открытия в бассейне Южного Буга и на Днестре памятников неолитического дотрипольского времени можно с уверенностью говорить о том, что буго-днестровская культура³ выявила ту ступень развития раннеземледельческого неолита, которая соответствует по времени неолитической культуре балкано-дунайского круга Кёреш, датирующейся началом V тыс. до н. э. Раннеземледельческая культура Кёреш в V тыс. до н. э. занимает огромные пространства к северу от нижнего течения

¹ Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. — КСИИМК, вып. 56, 1954.

² В. И. Маркевич. Материалы к карте неолитических памятников Пруто-Днестровья. — КС ОГАМ 1962 г Одесса, 1964; он же. Неолитическая стоянка Сороки — Трифауцкий лес I. — «Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР». Кишинев, 1964; он же. Исследования неолита на Среднем Днестре. — См. наст. выпуск.

³ T. P a s s e k. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale á l'époque néolithique. — «Atti del VI Congresso internazionale della scienze preistoriche e protostoriche», vol. 1. Relazioni generali. Roma, 1962.

Дуная, а на юге граничит с более древней культурой Старчево. Одно-временны ей известны в Болгарии культура Кремиковцы и Каранова I и II, в Румынии — культура Кёреш.

Таким образом, открытая в последние годы на Днестре на территории Молдавии и в бассейне Южного Буга на Украине местная своеобразная неолитическая буго-днестровская культура позволяет прийти к важному историческому выводу, что в междуречье Южного Буга, Днестра и Прута, в Северном Причерноморье, начатки земледелия и животноводства могут быть зафиксированы уже в V тыс. до н. э. Это тот период, когда и приручение домашних животных, и начало воздвигания культурных растений стало распространяться с юга и юго-востока в Дунайские страны. По уровню развития культура местных буго-днестровских ранне-неолитических племен соответствовала северобалканским племенам того же времени.

Другой не менее интересной задачей в области первобытной археологии было изучение на территории Молдавии памятников культуры линейно-ленточной керамики. До недавнего времени на столь южной территории, как Молдавия, поселения неолитических земледельческих племен Центральной Европы совершенно не были известны. Распространившись от берегов Марны на западе до Среднего Днестра на востоке, в начале IV тыс. до н. э. племена эти продвинулись и на территорию Молдавии. Их поселения открыты здесь лишь в последние годы более чем в десяти пунктах: у селений Флорешты, Цыра, Маркулешты, Путинешты, Новые Русешты и др. Наиболее крупные раскопки были произведены в течение пяти сезонов у с. Флорешты⁴. Эти раскопки позволили получить достаточно полное представление о характере поселения и о земледельческо-скотоводческом хозяйстве племен культуры линейно-ленточной керамики. На поселениях обнаружены овалы вытянутые и состоящие из нескольких частей большие землянки с очагами на дне глубоких ям, схожие с жилищами неолитических племен Центральной Европы.

Характерная керамика этой культуры представлена во Флорештах толстостенными кухонными сосудами, вылепленными из массы с растительной примесью и бедно орнаментированными ямками и налпными бугорками. Другую группу керамики во Флорештах составляют серые тонкостенные хорошо лощеные глубокие миски округлых форм, орнаментированные тонкими резными линиями и ямками, образующими так называемый нотный орнамент.

Среди орудий — кремневые отбойники, скребки, вкладыши серпов, орудия микролитической формы, пластины из обсидиана, костяные шилья, лопаточки и характерные для культуры линейно-ленточной керамики сланцевые долота в форме «башмачной колодки».

По общему мнению, эта земледельческая культура распространилась с территории Верхнего Подунавья в Центральную Европу, по Рейну, Одру, Эльбе и Висле. С верховьев Вислы памятники с линейно-ленточной керамикой распространились по Западному Бугу на Горынь и в верховьях Днестра, а затем вниз по Днестру и его притокам. Раскопками у с. Флорешты (на р. Реут, левом притоке Днестра) установлено, что жизнь поселения культуры линейно-ленточной керамики прекратилась в начальный период формирования здесь раннетрипольских племен в связи с распространением последних на Средний Днестр и продвижением сюда в IV тыс. из Подунавья племен неолитической культуры типа Боян⁵.

При сравнении поселений культуры линейно-ленточной керамики территории СССР с поселениями соседних территорий выявляется их боль-

⁴ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. — МИА, № 84, 1961.

⁵ Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. — САИ, Б-1-11, 1963.

шое сходство с группой, известной в Румынии, где открыты также стоянки с линейно-ленточной керамикой. Здесь сделаны важные наблюдения (у с. Перieni на Пруте): культурные слои с линейно-ленточной керамикой залегают выше слоев, относящихся к раннеолитической культуре Кёреш⁶. В дополнение к этой относительной датировке мы располагаем и некоторыми данными об абсолютных датах. Так, по радиоуглеродному анализу С-14 для наиболее древней группы памятников культуры линейно-ленточной керамики в Центральной Европе определена дата — конец V тыс. до н. э. (4250 ± 200 — Вестергелън), а для более поздней группы — начало IV тыс. до н. э. (3970 ± 120 — Цвенкау).

Однако в Поднестровье и Попрутье не удалось проследить, как в Центральной Европе, всех звеньев развития культуры линейно-ленточной керамики.

На многослойном поселении Флорешты над нижним слоем с линейно-ленточной керамикой залегал слой энеолитического времени, относящийся к нижнедунайской земледельческой культуре типа Боян. Во Флорештах, таким образом, впервые удалось проследить стратиграфию поселений этих двух культур, еще очень близких по уровню развития. В инвентаре племен культуры типа Боян прослежены неолитические черты и вместе с тем имеются совершенно новые признаки земледельческих культур раннего Триполья. К этим признакам в первую очередь относятся наземные жилища с глинобитными площадками возле очагов, открытые во Флорештах. Появление в культуре Боян площадок следует рассматривать как начальную ступень в развитии глинобитных трипольских жилищ.

В наземных жилищах и в землянках культуры типа Боян на поселении Флорешты обнаружен характерный для этой культуры комплекс находок⁷. Грубые кухонные сосуды сохраняют сходство с неолитической керамикой Кёреш. Другую группу составляют сосуды, украшенные глубоким резным орнаментом, часто затертым белой пастой. В этой группе наблюдается большое разнообразие форм. Некоторые из них удалось реконструировать, в том числе открытые плоские миски на полых высоких подставках. Назначение сосудов с поддоном, видимо, культовое.

Наряду с этими группами керамики в слое культуры Боян обнаружены тонкостенные сосуды с хорошо лощеной и каннелированной поверхностью.

В результате многолетних исследований на территории Молдавии памятников буго-днестровских племен, племен культуры линейно-ленточной керамики и боянских племен появились новые данные для решения проблемы происхождения трипольской культуры. Установлено, что ранне-трипольские племена впитали многие черты, характерные для их предшественников.

Открытые в 1961 г. на юге Молдавии и в Нижнем Подунавье поселения дунайской культуры ранней Гумельницы показывают тесные взаимоотношения раннего Триполья с культурой Гумельница⁸. Все это позволяет существенно расширить наши представления об уровне развития и о степени культурно-исторической близости трипольских племен к древне-земледельческим племенам Балканского полуострова (культура Гумельница, Каранов V, VI).

Трипольские племена, как теперь установлено, на ранних этапах развития формируются на территории, издавна населенной местными неולי-

⁶ M. Petrescu-Dîmbovita. Sondajul stratigrafic de la Perieni. — МСА, т. III, 1957.

⁷ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья; она же. Раскопки на поселении у с. Флорешты в 1958 г. — КСИА, вып. 84, 1961.

⁸ Т. С. Пассек и Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельницы в СССР. — КСИА, вып. 100, 1965.

тическими племенами буго-днестровской культуры, которые явились, как можно полагать, одним из компонентов в сложении Триполья. Помимо буго-днестровской культуры в сложении культуры Триполья известную роль сыграли и позднебояновские племена. В результате взаимоотношения с ними, а немного позднее — с раннегумельницкими племенами культура раннего Триполья приобрела крайне своеобразный и монолитный характер.

Вместе с тем культура раннего Триполья испытывала немалое влияние и со стороны племен, обитавших в Западных Карпатах, и более южных энеолитических культур типа Винча, Тордош, Тиса. Трипольские племена на территории Молдавии жили начиная с рубежа IV—III тыс. до н. э. и до рубежа III и II тыс. до н. э. В Молдавии обнаружены наиболее южные границы распространения трипольских племен — поселения у с. Голерканы на Днестре, Карбуна и Новые Русешты — южнее Кишинева. Они датируются временем раннего Триполья, переходным периодом к его расцвету.

Новые исследования сильно изменили прежние представления об уровне развития раннетрипольских племен. Исторически сложившиеся взаимоотношения местных племен буго-днестровской культуры с западными балкано-дунайскими племенами в раннем неолите продолжают и в более позднее время. Это объясняется тем, что Триполье входит в балкано-дунайскую культурно-историческую общность. Одним из примеров связей с более южными культурами Балкано-Дунайского района могут служить изделия из металла. Теперь, после раскопок в Молдавии, количество изделий из меди настолько увеличилось, что возможно характеризовать их по различным этапам, широко используя данные спектрального (Е. Н. Черных)⁹ и металлографического (Н. В. Рындина)¹⁰ анализов.

Трипольские металлические изделия на протяжении всех трех этапов развития изготовлялись из чистой меди, как предполагается, балкано-карпатского происхождения. Анализ типов металлических изделий Триполья указывает на теснейший контакт трипольских племен с южными племенами Балкано-Дунайских стран и стран Восточного Средиземноморья. Достаточное обилие изделий из меди уже в ранний период и в период расцвета, а также появление литья на позднем этапе позволяет видеть в Триполье культуру, пережившую новый подъем в системе производительных сил, и считать ее передовой среди раннеметаллических культур Дунайско-Балканского района.

Этот подъем обусловил широкое развитие земледелия и животноводства, значительное расселение племен на северо-восток — на Средний Днепр и на юг — к побережью Черного моря, а также усиление межплеменного обмена с соседними странами и сделал возможным накопление общинных богатств¹¹. Это подтверждается находками кладов, в состав которых входили и изделия из меди. Открытие клада в с. Карбуна в Молдавии¹² и сопоставление металлических изделий из него с известными из других трипольских поселений свидетельствуют о хорошем знакомстве трипольского населения с начатками металлургии. На Балканах известны клады золотых вещей, например клад из Хотница в Болгарии времени Караново VI (по Г. Георгиеву), включавший 44 золотых предмета¹³.

⁹ Е. Н. Черных. К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореферат канд. дисс. М., 1963.

¹⁰ Н. В. Рындина. К вопросу о технике обработки трипольского металла. Приложение 1. — МИА, № 84, 1961.

¹¹ Т. С. Пассек. Новое из истории трипольских племен Днепро-Днестровского междуречья. Доклад на VII МКАЭН в Москве. М., 1964.

¹² Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. — СА, 1963, № 1.

¹³ Н. Ангелов. Златного съкровище от Хотница. — «Археология», год. 1, кн. 1—2. София, 1959, рис. 20.

Трипольские клады известны из Хэбэшести¹⁴, Ариушда¹⁵, Городницы¹⁶, из Цвикловцев.

Наиболее ранним и поэтому наиболее интересным из них является Карбунский клад. Типы вещей из Карбунского клада — яркий пример межплеменных связей между трипольскими и энеолитическими племенами Балкано-Дунайских стран. Изделия из Карбуны, как и медные изделия в раннетрипольских поселениях, сделаны из чистой меди, выкованы в горячую. По типам вещей клад из Карбуны близок ккладам из Хэбэшести и Ариушда, из района Восточного Прикарпатья. Крупные изделия из меди в кладе Карбуны, как и на раннетрипольских поселениях, встречены в единичном количестве. В Карбунском кладе преобладают небольшие по размерам украшения и медные предметы культа.

О культовом назначении медных антропоморфных амулетов клада Карбуны можно судить, привлекая находки подобных предметов из глины и кости, широко известных на трипольских поселениях¹⁷.

Металлические бусы из Карбунского клада поражают своим количеством (357 шт.). Но нам известны глиняные антропоморфные фигурки, на которых рельефно изображено ожерелье из трех ниток бус. Например, на фигурке из Трушешти (этапе В I) передано ожерелье в три ряда, спускающееся до пояса. Следует предполагать, что карбунское ожерелье носили таким же образом.

Антропоморфные амулеты из кости, найденные во Флорештах, аналогичны амулетам из раскопок на территории Румынии и Болгарии у племен культуры Гумельница и Караново. Появление их на Среднем Днестре (Флорешты), в Южном Побужье (Сабатиновка) и на юге Молдавии (Карбуна) может быть объяснено лишь постоянными взаимоотношениями раннетрипольских и раннегумельницких племен¹⁸.

Расцвет культуры трипольских племен на территории Молдавии приходится на III тыс. до н. э. Для этого времени характерны большие родовые поселки, например Журы, Солончены II и др., с очень прочными глинобитными наземными большими домами. В этот период расцвета (В I и В II) дальнейшее развитие получают земледелие и скотоводство, трипольские племена входят в тесные взаимоотношения с племенами днепро-донецкой культуры на востоке, о чем свидетельствуют находки фрагментов трипольской керамики с полихромной росписью (этапа В I) на стоянке Среднего Стога II на Днестре. Вместе с тем близкая керамика типа Средний Стог II найдена на трипольском поселении Солончены II (этапа В I) на Днестре¹⁹. Продолжают сохраняться связи с соседним населением на западе. В это время начинает проследиваться все большее и большее влияние Триполья на соседние племена, например на племена культуры Гумельница на Нижнем Дунае.

На стадии перехода к позднему Триполью намечается дальнейший прогресс в развитии трипольских племен на территории Молдавии. Еще большее значение приобретает скотоводство, осваивается техника литья металла, появляются сплавы, улучшается техника обработки кремня. Среди поселений этого времени на территории Молдавии следует отметить трипольское поселение у с. Варваровка Флорештского района (раскопки В. И. Маркевича), дающее много нового для истории трипольских пле-

¹⁴ Vl. Dumitrescu. Hăbășești. București, 1954, рис. 36, 1, 2, 12 и др.

¹⁵ F. Laszlo. Dolgozatok Kolozsvár, 1911; 1914.

¹⁶ T. Sulimirski. Copper Hoard from Horodnica on the Dniestr. — «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien». XCI, 1961.

¹⁷ Т. С. Пассек. Костяные амулеты из Флорешт. Новое в археологии. М., 1965.

¹⁸ Т. С. Пассек. Новое из истории трипольских племен Днепро-Днестровского междуречья.

¹⁹ Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. — СА, 1961, № 2.

мен²⁰. По количеству находок, по стилю расписных сосудов с зооморфными изображениями Варваровку можно сравнить с известными поселениями у с. Петрены около г. Бельцы²¹ и у с. Шипеницы близ г. Черновицы²².

Недавно в Румынии раскопано аналогичное поселение у Валяй-Лупулуй (р-н Тыргу — Окна Подей, область Бэкау), по времени оно близко к концу этапа расцвета Триполья (этап В II — С I) и схоже с Варваровкой. На основе радиоуглеродного анализа С-14 поселение у Валяй-Лупулуй датируется временем 2750 ± 60 , т. е. серединой, точнее первой четвертью III тыс. до н. э.²³

В позднетрипольское время избыток продуктов земледелия и скотоводства способствовал выделению родо-племенной верхушки. Наиболее ранние признаки этого явления прослежены в Выхватинском могильнике на Днестре, где был раскопан бескурганый могильник с каменными кромlechами, окружавшими погребения. Среди 60 погребений обнаружены рядовые захоронения и захоронение вождя²⁴. Как показали большие раскопки у с. Выхватинцы и ряда других позднетрипольских поселений, открытых на Днестре, позднетрипольские племена и их культура генетически связаны с предшествующими этапами развития. Нет данных, указывающих на принадлежность позднего Триполья к культуре племени иного, не трипольского происхождения.

Большой материал по первобытной археологии дали раскопки на территории Молдавии, проводившиеся Молдавской экспедицией начиная с 1961 г. в придунайской области Северного Причерноморья совместно с Одесским археологическим музеем. Здесь были открыты поселения культуры Гумельница, известные до сих пор на территории Румынии.

При раскопках некоторых поселений у г. Болграда, у селений Вулканешты и Озерное собран большой археологический материал. Комплекс находок при сопоставлении с одновременными памятниками в Румынии характеризует эти поселения как принадлежащие культуре ранней Гумельницы («облика Алдень II») ²⁵. Самое значительное в этих раскопках то, что в поселениях культуры ранней Гумельницы обнаружены некоторые черты, свойственные памятникам трипольской культуры. Во всех трех поселениях были обнаружены большие наземные глинобитные дома. Однако тип наземных домов своеобразен и отличается от хорошо изученных трипольских жилищ. Открытые в Нижнем Подунавье и на юге Молдавии жилища должны быть сопоставлены с жилищами культуры поздней Гумельницы, недавно раскопанными в Румынии на острове Островел, около дер. Кэсчиоареле²⁶. Жилища Болграда и Вулканешт строились из дерева и глины, пол выкладывался очень крупными вальками глины с растительной примесью и хорошо обжигался. Вся основная масса керамических находок — черная, желтовато-коричневая лощеная посуда, орнаментированная графитным узором, белой и красной краской, четырехугольные сосуды на ножках, алтари, статуэтки и др. — принадлежат культуре ранней Гумельницы. Лишь отдельные сосуды с углубленным орнаментом находят аналогии в трипольских материалах. Все черты, близкие к трипольским,

²⁰ Коллекция не издана и хранится в Археологическом музее Академии наук Молд. ССР.

²¹ Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. — «Труды XIII АС», т. 1, 1907.

²² G. Childе. Schipenitz. — «Journal of the Royal Anthropological Institute», t. 53. London, 1923.

²³ T. Pассек. Relations entre l'Europe Occidentale. . .

²⁴ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена в Поднестровье, стр. 149.

²⁵ E. Comşa. Unele probleme ale aspectului Cultural Aldeni II. — SCIV, 1963, N 1.

²⁶ Vt. Dumitrescu. Principalele rezultate ale primelor două campanii de Săpături din asezarea neolitică de la Căscioarele. SCJV, 1965, № 2.

возникли на этой территории, безусловно, под непосредственным влиянием живших по близости трипольских племен. В свою очередь население Гумельницы оказало воздействие на характер материальной культуры соседних трипольских поселений.

Именно через территорию Северо-Западного Причерноморья, занятую племенами Гумельницы, как и в раннем неолите, проникали к трипольскому населению наиболее ценные культурные достижения из Балкано-Дунайских стран; последние в то же время являлись связующим звеном для Северного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем.

Как показывают новые исследования, носители трипольской культуры, даже на первых этапах ее развития, обладали значительно более высоким уровнем культуры, чем это представлялось до сих пор. Племена, создавшие эту монолитную культуру, на протяжении всего своего развития сохранили большое единство. Даже расселившись по обширной территории и приобретя в различных районах локальные особенности, трипольские племена сохраняют тесную связь между собой.

Изучение антропологического материала из поздне трипольского могильника у с. Выхватинцы позволяет говорить о средиземноморском антропологическом типе населения. Черепа из трипольских погребений Траян (Румыния) также носят черты средиземноморского антропологического типа с динароидными элементами. Череп из погребения у Незвиско позволяет предполагать наличие арменоидного антропологического типа в составе трипольского населения.

Таким образом, данные антропологии указывают, что состав трипольского населения был смешанным: в него входили средиземноморцы (Вахвatinцы, Траян), арменоиды (Незвиско), а в раннетрипольском погребении у Солончены II был обнаружен череп местного неолитического типа с кроманьонскими чертами²⁷.

Исследованиями, проводившимися в последнее десятилетие на территории Молдавии, установлен очень высокий уровень развития всех энеолитических культур, связанных с балкано-дунайской культурно-исторической общностью. Развитие племен, населявших территорию Молдавии начиная со времени раннего неолита, шло схожими путями с развитием населения Балкано-Дунайских стран, темп их развития был чрезвычайно близок, поэтому уровень культур, открытых на территории Молдавии, был значительно выше, чем у соседних лесных и лесостепных культур. Новые раскопки на территории Молдавии вписали новые страницы в историю энеолитических племен всей Юго-Восточной Европы. Без учета этих новых источников невозможно дальнейшее изучение истории племен, живших на территории Польши, Чехословакии, Румынии и Болгарии.

Изучение многослойных поселений у Флорешты, Солончены II, Мерешовки, Новые Русешты и др. позволяет на твердой стратиграфической основе углубить и развить созданную ранее относительную периодизацию культур неолита и энеолита в Днепро-Дунайском междуречье для V—III тыс. до н. э.

²⁷ Т. С. Пассек. Новое из истории трипольских племен Днепро-Днестровского междуречья.

Н. Я. МЕРПЕРТ

О СВЯЗЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И БАЛКАН В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

В последние годы при изучении древнейших культур юга и юго-запада нашей страны все большее внимание уделяется попыткам исторического синтеза их роли в древнейшей истории Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Особое значение приобретает проблема связей Северного Причерноморья с узловыми территориями, находившимися на стыке различных культурно-исторических областей и соединявших глубинные районы Европы с центрами древнейших цивилизаций Восточного Средиземноморья и Передней Азии. Важнейшей из таких территорий являлся, безусловно, север Балканского полуострова.

Без всестороннего и тщательного изучения северобалканского материала не может быть решен такой коренной вопрос экономической и культурной истории, как появление и распространение в Европе производящих видов хозяйства, т. е. отражение здесь важнейшего процесса, не без оснований названного В. Г. Чайлдом «неолитической революцией».

Между тем вплоть до последнего времени связи Северного Причерноморья и Балкан были изучены далеко не достаточно. Одни исследователи, рассматривая судьбы населения и культуры Балкано-Дунайского района, игнорировали роль Северного Причерноморья, учитывая лишь два этнокультурных элемента: местный — автохтонный и эгейско-анатолийский. Другие же искали в Северном Причерноморье корни всех тех сложных явлений, которые не получили еще должного объяснения и не укладывались в рамки традиционных балкано-анатолийских связей. Исследователи Балкан исходили из балканских материалов, сопоставляли их с анатолийскими, исследователи Анатолии исходили из анатолийского материала, сопоставляли его с балканскими, а все неизвестное и те и другие относили за счет Северного Причерноморья. При этом северопричерноморским племенам отводилась в ряде случаев в основном негативная историческая роль. С ними связывался конец ряда раннеземледельческих культур Балкано-Дунайского и даже Анатолийского районов, разрушение многих сотен поселений, заметный культурный упадок. Вместе с тем вторжения северопричерноморских племен рассматриваются как причина смены населения указанных областей, приведшая к коренным этническим изменениям. Известный английский исследователь Восточного Средиземноморья Джемс Меллаарт определенно указывает, что «степные элементы обусловили конец» таких значительных раннеземледельческих культур, как Гумель-

ница и Караново¹. Это те самые элементы, пишет он, которые всеми признаются ныне как индоевропейские. Если их южное движение, определившее конец Гумельницы и Каранова V², имело место где-то в конце Трои II, т. е. около 2300 г. до н. э., тогда мы можем оправдать связь его с разрушением Трои II, Бейзесултана XIII, Тарса, Касуры и т. д., т. е. связь этих фактов с волной страшного разрушения, которая пронеслась через Западную и Южную Анатолию. Меллаарт определенно пишет о «катастрофическом вторжении», которое он считает наиболее значительным историческим событием III тыс. до н. э., несравненным по своим масштабам даже с перемещениями конца бронзового века. Только в Анатолии, по подсчетам Меллаарта, было уничтожено до 350 поселений. Целые области ее, указывает он, после тысячелетий оседлого земледельческого хозяйства перешли к кочевому скотоводству, а развитие раннего бронзового века этих областей было пресечено³.

Итак, само появление северопричерноморских племен на авансцене древнейшей истории Меллаарт представил как неожиданное и спонтанное явление, не связанное с предшествующей историей Восточного Средиземноморья и, более того, нарушившее закономерное ее течение. Соответственно и появление элементов материальной культуры северопричерноморских племен на Балканах и в Анатолии оказывается отнесенным к весьма краткому историческому периоду — концу третьей четверти III тыс. до н. э. — и представленным как однозначный процесс, явившийся результатом «катастрофического вторжения».

С близкими построениями мы встречаемся и в ряде интересных работ Марии Гимбутас⁴, в которых представлена широкая картина миграции, связанной с распространением «курганного народа» и приведшей к «индоевропеизации» большей части Европы. В качестве первой зафиксированной до сего времени территории «курганного народа» автор называет Предкавказье, где в свою очередь этот народ появился «неожиданно и не имея предшественников»⁵ с юго-востока и востока. Северопонтийские степи рассматриваются как коридор для дальнейшей диффузии, происходившей двумя основными путями — к югу и к северу от Карпат. М. Гимбутас считает самое распространение этого «народа» единым и сравнительно кратковременным процессом, относящимся к началу II тыс. до н. э.⁶

Иначе подошел к рассматриваемой проблеме Милутин Гарашанин. В нескольких специальных работах он детально рассмотрел северопричерноморские культурные элементы, встреченные в Балкано-Дунайской области. Он справедливо указывает на необходимость отличать «... комплексы, полностью являющиеся отражением понтийско-степной культуры и связанные с проникновением подвижных этнических групп из степей Северного Причерноморья, от единичных проявлений степных влияний

¹ James Mellaart. *Anatolia and the Balkans*. — «Antiquity», XXXIV, N 136, 1960, стр. 276.

² Имеется в виду Караново V, по старой классификации В. Микова, т. е. Караново VII, по новой классификации Г. Ил. Георгиева, которой я буду следовать при упоминании карановского материала в настоящей статье. См. G. Il. Georgiev. *Kulturgruppen der Jungstein und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien)*. — «L'Europe à la fin de l'âge de la pierre». Praha, 1961, стр. 45—100.

³ J. Mellaart. Указ. соч., стр. 276.

⁴ Marija Gimbutas. *The Prehistory of Eastern Europe*. Cambridge—Mass., 1956, стр. 91, сл.; она же. *Culture Change in Europe at the Start of the Second Millennium B. C. A. Contribution to the indoeuropean Problem*. — «Selected papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Science». Philadelphia, September 1—9, 1956, стр. 540, 552.

⁵ M. Gimbutas. *Culture Change in Europe...*, стр. 342. Самый термин «курганный народ» вызывает решительные возражения, тем более что под ним объединены столь различные явления, как майкопская и древнеямная культуры.

⁶ Там же, карта 2.

в отдельных произведениях материальной культуры»⁷. Не менее важен учет Гарашаниным внутренних причин культурной модификации — изменений в экономике и социальном строе, которые не учитываются сторонниками схематичных построений. Наконец, рассматривая сами передвижения, вторжения и пр., Гарашанин справедливо стремится определить их причины, среди которых известную роль он отводит стремлению к овладению источниками металлов. Совершенно закономерно, что основной вывод, к которому приходит Гарашанин, гораздо осторожнее и вместе с тем историчнее приведенных выше выводов Меллаарта. «Ныне еще невозможно детально осветить ход проникновения новых элементов, — пишет он. — Во всяком случае представляется, что это сложный процесс, протекавший в течение нескольких веков и периодов непосредственно до и после 2000 г. до н. э., начиная с завершения балкано-анатолийского комплекса позднего неолита (Лендель, Гумельница II, Тисаполгар и вне этого комплекса — Кукутени А и АВ) до начала эпохи бронзы в среднеевропейском смысле (период А I по Рейнеке, Шнекенберг, Бубани — Хум III, Белотич — Бела Црква)»⁸.

Эти выводы Гарашанина могут быть признаны достаточно аргументированными. Однако и здесь взаимодействие населения и культуры этого района и Северного Причерноморья отнесены к определенному периоду, уже не к моменту, как полагал Меллаарт, а к периоду длительному, но ограниченному все же несколькими веками. Кроме того, с этим периодом Гарашанин связывает единый процесс распространения понтийско-степных влияний, признавая тем самым этническое и культурное переформление Восточной и Юго-Восточной Европы на грани энеолита и бронзового века. «Я думаю, — пишет он, — что в это самое время отдельные движения, возможно из русской степи, играли выдающуюся роль вместе с элементами, которые являлись важным вкладом в индоевропеизацию Юго-Востока. Предполагаемый процесс точнее датировать около 2000 г. до н. э.»⁹

К сожалению, сам северопричерноморский материал используется Гарашаниным весьма суммарно. Основным для него все время остается балканский материал (так же, как для Меллаарта анатолийский).

Поэтому представляется целесообразным пересмотр некоторых сторон рассматриваемой проблемы с более детальным привлечением северопричерноморских материалов. При этом основное внимание необходимо уделить вопросу о времени появления, длительности и характере северопричерноморских влияний на Балкано-Дунайскую область, т. е. вопросу о том, можно ли связывать эти влияния с единым, более или менее кратковременным процессом.

Основным предметом рассмотрения в настоящей статье будут материалы, связанные со степными культурами энеолита и бронзового века (главным образом раннего его периода) и синхронными им северобалканскими культурами.

Однако, прежде чем переходить к ним, отмечу, что взаимные влияния Северного Причерноморья и Балкано-Дунайской области начались значительно ранее, что подчеркивалось уже неоднократно. Но рассматривались эти связи односторонне: лишь как распространение на север населения и культуры южных областей. Ныне, с открытием замечательных неолитических культур Побужья и Поднестровья¹⁰, положение заметно усложни-

⁷ Dr. Milutin Garašanin. Pontski i stepski uticali u Donjem Podunavlju i na Balkanu na prelazu iz neolitskog u metalno doba. — «Glasnik zemaljskog Muzeja u Sarajevu». N. s., sveska XV—XVI. Sarajivo, 1961, стр. 11.

⁸ Там же, стр. 22.

⁹ M. V. Garašanin. The Neolithic in Anatolia and the Balkans. — «Antiquity», XXXV, N 140, 1961, стр. 280.

¹⁰ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі. — «Археологія», т. X. Київ, 1957; он же. Неолит Побужья и вопрос о сложении три-

лось даже для наиболее древних периодов. В. Н. Даниленко справедливо отмечает несомненную связь керамики наиболее ранней фазы буго-днестровского неолита (скибинецкой) с древнейшим керамическим комплексом Северной Греции, представленным, в частности, в поселении Неа Никомедия, датированном по С-14 концом VII тыс. до н. э.¹¹ Это весьма серьезное свидетельство в пользу существования общего ранненеолитического пласта, охватывавшего как север Балканского полуострова, так и Северо-Западное Причерноморье, в пользу сложных и разносторонних связей этих двух областей, начиная с глубочайшей древности.

Не буду специально останавливаться на процессах, охвативших поздний неолит и всю энеолитическую эпоху и обусловивших формирование в обеих областях культурно родственных раннеземледельческих очагов¹². Отмечу лишь, что эти процессы отнюдь не были односторонними: мы располагаем ныне безусловными свидетельствами заметных влияний древних земледельцев Днепро-Днестровского междуречья на своих южных и юго-западных соседей. Достаточно яркий пример здесь — домостроительство северной группы племен культуры Гумельницы. Исследованиями Т. С. Пассек и Е. К. Черныш на поселениях этой группы в Нижнем Подунавье открыты типичные трипольские площадки, заметно отличные от домов, характерных для основных территорий культуры Гумельницы и родственной ей культуры Караново VI. Воздействие трипольской культуры на северную периферию Гумельницы не вызывает здесь сомнений¹³.

В эпоху позднего неолита мы можем говорить не только о проникновении на запад и юго-запад единичных элементов северопричерноморских культур, но и о появлении там целых комплексов, безусловно свидетельствующих о продвижении туда отдельных групп населения. Особый интерес представляет здесь могильник Деча Мурешулуи в Трансильвании¹⁴. Ранее он был отнесен исследователями к локальному варианту бодрогкерестурской культуры. М. Гарашанин правильно отметил необоснованность такого заключения и показал принадлежность его к числу памятников мариупольского типа¹⁵. Последнее подтверждается и характерными чертами погребального обряда (коллективные погребения на спине с вытянутыми или согнутыми ногами, красная охра) и составом инвентаря (бусы, кремневые ножи, булавы, отсутствие керамики). Можно согласиться с заключением Гарашанина о том, что указанный памятник может рассматриваться «... как отражение проникновения носителей мариупольской культуры далеко на запад, невзирая на отсутствие посредствующих звеньев на территории Румынии, как результат очень раннего контакта ее с южнопаннонскими элементами»¹⁶.

В этой связи следует обратить внимание на некоторые коллективные погребения с вытянутыми костяками среди весьма многообразных «погребений с охрой» на территории Румынии (например, Холбока в Молдове). Можно предполагать наличие здесь некоторых реминисценций мариуполь-

польской культуры. — КСИА АН УССР, 9. Киев, 1960; В. И. Маркевич. Неолитическая стоянка Сороки — Трифауцкий лес I. — «Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР». Кишинев, 1964, стр. 91 сл.; он же. Исследования неолита на Среднем Днестре. — См. стр. 85 в наст. выпуске.

¹¹ Доклад В. Н. Даниленко на конференции ИА АН УССР 25.III 1964 г., см. R. J. Rodden. Excavations at the Early Neolithic Site at Nea Nicomedeia, Greek Macedonia (1961 season). — «Proceedings of the Prehistoric Society for 1962», t. 29. London, 1963.

¹² T. P a s s e k. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale à l'époque néolithique. — «Atti del VI Congresso internazionale della scienze preistoriche e protoistoriche». Roma, 1962.

¹³ Т. С. Пассек и Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельницы на территории СССР. — КСИА, вып. 100, 1965.

¹⁴ St. Kovacs. Cimitirul eneolitic de la Dacea Mureşului. — «Publicațiile Institutului de studii clasice». Cluj, 1928, 1932, I.

¹⁵ M. G a r a ş a n i n. Pontski i stepski uticali. ..., стр. 11.

¹⁶ Там же.

ского погребального обряда¹⁷, подобно тому, как эти реминисценции отмечаются среди памятников энеолита и раннего бронзового века Днепро-Азовского района.

Но с предложенной Гарашаниным датой могильника Деча Мурешулуи согласиться нельзя. Гарашанин пытается рассматривать все памятники как свидетельства единого процесса и, соответственно, максимально приближать их даты к 2000 г. до н. э. Поэтому и в могильнике Деча Мурешулуи он пытается выделить бодрокерестурские элементы и на их основании датировать памятник около 2000 г. до н. э.¹⁸ Однако материалов для четкого сопоставления с бодрокерестурской культурой нет (основная категория — керамика — отсутствует), приводимые формы ножей, бус и булавы имеют слишком большую амплитуду хронологического колебания. Сопоставление же и синхронность с могильниками мариупольского типа здесь безусловны. Хронология последних разработана ныне Д. Я. Телегиным достаточно убедительно. Поэтому, если даже относить могильник к наиболее поздним памятникам этой группы, его нельзя датировать позднее начала III тыс. до н. э.

В столь же раннюю эпоху прослеживается и движение на юг и юго-запад одной из групп древнейшей культурно-исторической области, раскинувшейся на огромном пространстве степной полосы от Прикаспия и Южного Приуралья до Днестра. Влияниям этих племен на Дунайско-Балканскую область посвящена уже определенная литература¹⁹, с ними связывается обычно культура (а вернее, культуры) «погребений с охрой», широко распространенная на территории Румынии, а также известная в Венгрии, Болгарии и Западной Сербии. Сведения, касающиеся основных групп подобных погребений на территории РНР, были обобщены в специальной работе Влад. Зирры²⁰. Приведенные им материалы убеждают в том, что эти сложные и весьма разнообразие памятники не могут быть отнесены к единой культурной группе. Полагаю, что их дифференциации и историческому осмыслению может способствовать рассмотрение соответствующих памятников Болгарии.

Еще в 1929 г. Рафаилом Поповым были раскопаны два кургана у с. Енджи к северо-востоку от Коларовграда²¹, в том заходящем в Болгарию степном клине, который был прямым продолжением северопричерноморских степей и тысячелетиями служил дорогой на юг. Именно в этом районе найдены наиболее ранние праболгарские памятники, скифские погребения, срубные погребения среднего бронзового века. Наиболее же ранний этап этого движения представлен курганами у Енджи, насыпанными над характерными и весьма архаичными древнейшими погребениями.

Оба кургана имели хорошо очерченные насыпи диаметром 32 и 34 м, высотой 4—5 и 8 м. Основные погребения их совершены в квадратных или прямоугольных ямах, перекрытых одинарным или двойным (продоль-

¹⁷ Şantierul Valea Jijiei. — SCIV, III, 1952, стр. 99; В. Зирра. Культура погребений с охрой в закарпатских областях РНР. — «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР». Кишинев, 1961, стр. 99, табл. 1, 4, 5.

¹⁸ M. Garaşanin. Pontski i stepski uticali..., стр. 11.

¹⁹ J. Vanner. Die Ungarn gefundenen Hockergräber. Dolgozatok, III, 1927; Z. Szekely. Contribuţii la chronologia epocii de bronz în Transilvania. — SCIV, VI, № 3—4, 1955; M. Gimbutas. The Prahistoric..., стр. 71; она же. Culture Change..., стр. 543 сл., карта 2; M. Petrescu-Dîmbovita. Date noi asupra înmormintărilor cu ocră din Moldova. — SCIV, 1950; В. Зирра. Указ. соч.; M. Garaşanin. Pontski i stepski uticali.; В. Миков. Происход на надгробнитъ могили въ България. — «Годишник на народния археологически музей», кн. VII. София, 1942.

²⁰ В. Зирра. Указ. соч.

²¹ Р. Попов. Могильникъ гробове при с. Ендже. — ИАИ, т. VI, 1932, стр. 89—116.

ным и поперечным) накатником из бревен или плах²². Погребенные лежали на спине, с вытянутыми руками и резко подогнутыми ногами, завалившимися на бок (погр. 2 кург. 1)²³ или распавшимися ромбом (погр. 3, кург. 2)²⁴. Дно ямы и костяки в обоих случаях густо посыпаны охрой. Погребенные ориентированы головой на запад или северо-запад (такая ориентировка достаточно хорошо известна среди древнеямных погребений на Среднем Днепре, на Воьльни, на Донце, на Дону, что же касается погребальных сооружений и обряда, то их «древнеямный характер» совершенно очевиден). Погребения не имеют никакой связи с местным северо-балканским культурным окружением и свидетельствуют о несомненном вклинении древнеямных племен в эту часть полуострова на сравнительно раннем этапе их развития. Проникновение древнеямных племен было значительным. Уже Р. Попов отмечает сотни курганов в долине между Мадарской, Шуменской и Тепе-Козлуджанской возвышенностями²⁵. Несколько курганов у Мадары, Кюлевча (Коларовградский р-н) и Калугерица (Ново-Пазарский р-н) были в 1932—1933 гг. раскопаны В. Миковым²⁶. Часть погребений относится здесь к среднему бронзовому веку, на них я останавлиюсь позднее. Сейчас отмечу лишь основное погребение (№ 6) кургана 3 у Мадары, близкое описанному выше и относящееся к числу древнеямных. Оно совершено в неглубокой яме (на уровне материка), перекрытой накатником. Женский костяк лежал на спине с вытянутыми руками и резко подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Костяк засыпан красной охрой, особые скопления которой отмечены у головы и кистей²⁷.

На территории Румынии также выделяется группа весьма ранних погребений, по обряду абсолютно идентичных погребениям под курганами у с. Енджи. В качестве примера укажу погребения из Борсешть и Мэгура Барбулуи (Олтения): в прямоугольных или квадратных ямах, на спине, с вытянутыми руками и подогнутыми ногами, головой на запад, с охрой и иногда накатником²⁸. Весьма ранними по своему стратиграфическому положению являются погребения, открытые Д. Берчу у Черноводы²⁹, и скорченные на спине костяки, исследованные И. Нестором у Дялул София (Добруджа)³⁰; одно из последних содержало асковидный сосуд, характерный для раннего этапа культуры Гумельницы и позволяющий относить погребение по меньшей мере к началу III тыс. до н. э. Особо следует отметить известное погребение с охрой из Касимча (Добруджа), в состав которого наряду с тремя ножевидными пластинами и пятью плоскими кремневыми топорами входило каменное навершие — «скипетр» в виде стилизованной головы животного³¹. Последняя находка закономерно привлекла к себе внимание ряда исследователей, причем был рассмотрен ряд близких ей наверший с территорий Молдавии, Румынии, Болгарии и Македонии³². После опубликования А. А. Иессеном подобного

²² Там же, рис. 80—81.

²³ Там же, рис. 77—79.

²⁴ Там же, рис. 99.

²⁵ Там же, рис. 103.

²⁶ В. Миков. Последни могили находки. — «Мадара», I, София, 1934; он же с. Стари могили гробове при Калугерица и Кюлевча. — «Мадара», II, София, 1936; он же. Происход на надгробниѣ могили въ България.

²⁷ В. Миков. Последни могили находки, стр. 429 сл., рис. 293.

²⁸ Raport asupra activității șantierului arheologic Rast-Dolj. — SCIV, II, 1, 1951, стр. 275—277; В. Зирра. Указ. соч., стр. 108, табл. 1, 1, 2.

²⁹ Р. Зирра. Указ. соч., стр. 123.

³⁰ I. Nestor. Cercetări preistorice la Cernavodă (Extras). — «Analele Dobrogei», XVIII, 1937, стр. 16—18; В. Зирра. Указ. соч., стр. 123.

³¹ D. Popescu. La tombe à ocre de Casimcea (Dobrogea). — «Dacia», VII—VIII, 1937—1940, стр. 85—91.

³² VI. Dumitrescu. Les figurines en pierre trouvée à Salcuta et à Fedeleșeni (Roumanie) et la comerce entre l'Égypte et le basseigne Danube pendant la période éné-

изваяния из Терекли-Мектеба (Чечено-Ингушская АССР)³³ большинство исследователей пришли к совершенно справедливому заключению о связи этих изделий с северопричерноморскими степями³⁴. Вполне обоснованными представляются слова М. Гагашанина о том, что их появление свидетельствует о «прямом проникновении понтийско-степного элемента еще до городско-усатовского этапа»³⁵. Полное подтверждение такой вывод получил благодаря находке И. В. Синеицыным в 1963 г. такого же стилизованного навершия в чрезвычайно архаичном древнейшем погребении в Калмыцких степях (Архаровский могильник, кург. 27, погр. 1)³⁶. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в Поволжье, на основной, «исходной» территории древнейших племен, известно еще одно навершие, тождественное калмыцкому³⁷.

Особую важность приобретает вопрос о датировке наверший. И здесь безусловный архаизм калмыцкого погребения находится в полном соответствии со стратиграфическими данными находок в Северо-Западном Причерноморье и на Балканах, В Селькуце навершие найдено в слое поселения культуры Гумельница³⁸. В Феделешени оно открыто внутри дома однослойного поселения культуры Кукутени А³⁹. В Суводоле (Македония) навершие открыто в культурном слое поселения так называемой группы Sgnobuki, представляющей реминисценцию позднего неолита и содержащей элементы известной культуры Бубани-Хум Ia⁴⁰. Все это подтверждает мнение В. Думитреску о хронологическом соответствии наверший фазе Кукутени А (конец IV—начало III тыс. до н. э.; по C-14— 3130 ± 80 до н. э.). Попытка же относить их к городско-усатовскому периоду⁴¹ представляется противоречащей фактам.

Таким образом, уже в конце IV—начале III тыс. до н. э., задолго до разрушения Трои II и Бейзесултана XIII, можно констатировать продвижение отдельных групп северопричерноморских племен на юг и юго-запад. И в дальнейшем это движение продолжалось веками, этап за этапом, то затихая, то усиливаясь, но никогда его нельзя представить единым, спонтанным, кратковременным процессом, своего рода гуннским или татаро-монгольским нашествием III тыс. до н. э. Уже в древнейшую эпоху могут быть отмечены и ряд этапов продвижения и определенные периоды жизни северопричерноморских племен в Балкано-Дунайской области. О нескольких этапах позволяет судить прежде всего стратиграфическое соотношение погребений, неоднократно отмечавшееся румынскими археологами. В качестве примера укажу хотя бы курган, раскопанный у с. Смеени к югу от Бузэу⁴², где отмечены достаточно четко стратиграфически выражен-

olitique. — «Istros», I, fasc. II, 1934, стр. 187—200; S. Andriesescu. Des survivances paleolithiques dans le milieu néolithique de la Dacie. — «Sect. Histor.», XV. București, 1929 (отд. оттиск); I. Nestor. Der Stand der Vorgeschichtsvorschungen in Rumänien. «22. Bericht d. Röm.-Germ. Kommission», 1932, стр. 45, табл. 2, 1; D. Bericiu. Arheologia preistorică a Olteniei. — «Arhivele Olteniei», VIII, № 101—103, стр. 59; он же. Zoomorphic «script» in Bulgaria. — «Dacia», N. s., VI, 1962, стр. 397 сл.; M. Gașanin. Pontski i stepski uticali. . ., стр. 15—16.

³³ А. А. Иессен. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с западом. — КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 48—53.

³⁴ М. Гагашанин. Указ. соч., стр. 16; В. Зирра. Указ. соч., стр. 107.

³⁵ М. Гагашанин. Указ. соч., стр. 16.

³⁶ И. В. Синеицын. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1962—1963 гг. — Архив ИА АН СССР, д. Р-1, № 2791, стр. 89—90, рис. 196—197.

³⁷ Коллекция Куйбышевского музея, № 75/6.

³⁸ S. Andriesescu. Указ. соч., стр. 2—4; I. Nestor. Указ. соч., стр. 45, табл. 2, 1.

³⁹ S. Andriesescu. Указ. соч., стр. 4—6; I. Nestor. Указ. соч., стр. 45, табл. 2, 2.

⁴⁰ М. Гагашанин. Pontski i stepski uticali. . ., стр. 15—16.

⁴¹ В. Зирра. Указ. соч., стр. 107.

⁴² N. I. Simache, V. Teodorescu. Săpăturile arheologice de salvare de la Smeiené. — MCA, VIII, 1962.

ные три фазы, по крайней мере две из которых относятся к различным сравнительно поздним этапам развития древнеямных племен. 19 разновременных окрашенных костяков найдены в кургане у Глэвенешти Векь (Молдова), причем древнейшие из них совершены в слое поселения Кукутени В непосредственно после гибели последнего от пожара⁴³. К этому же времени должны быть отнесены скорченные на спине окрашенные погребения первоначальных курганов из Валя-Лупулуй (Молдова)⁴⁴. Эти небольшие курганы перекрыли жилище культуры Кукутени В, сами же они были в свою очередь перекрыты большим курганом с погребениями городско-усатовского периода. Близкая картина открыта в Гурбэнешть (Мунтения), где также несколько небольших курганов были перекрыты единой насыпью⁴⁵. Весьма показательно соотношение погребений, открытых возле большого кургана в Брэилице (Мунтения). Сам курган перекрыл культурный слой поселения Гумельницы А II—В I. В кургане открыто 16 разновременных погребений, рядом с ним еще 9. Из числа последних древнейшее (№ 21, детское) перекрыто погребением 20 с типичным усатовским сосудом, которое в свою очередь перекрыто более поздними погребениями⁴⁶. У Хаманджии (Добруджа) вновь встречены два первоначальных малых кургана со скорченными на спине костяками⁴⁷, перекрытые позднее большим курганом с менгиром (?)⁴⁸.

На позднем этапе «культуры погребений с охрой» приобретают особую сложность. Потомки древнеямных племен в результате длительной жизни в Балкано-Дунайской области — в новом для себя культурном окружении — воспринимают целый ряд черт местных культур, что достаточно четко документируется инвентарем погребений (укажу в этой связи хотя бы асковидные сосуды). К древнеямным и местным культурным элементам прибавляются усатовские, наиболее ярко представленные в упоминавшемся уже погребении 20 из Брэилицы. Это позволяет говорить о продвижении на юго-запад еще одной группы северопричерноморских племен во второй половине III тыс. до н. э. Положение еще больше усложняется распространением в Балкано-Дунайской области группы племен, видимо, близких племенам волыно-подольской мегалитической культуры. Во всяком случае в ряде районов Румынии (главным образом на севере ее) отмечены погребения в каменных ящиках с типичными шаровидными амфорами, перекрывающие иногда древнеямные погребения⁴⁹.

Смешение различных групп населения документируется и палеоантропологическими материалами. Исследование черепов из Брэилицы, Глэвенешти, Карлэтени, Стойкани и других мест позволяет говорить о смешении людей средиземноморского антропологического типа с протоевропеоидами, близкими по своим показателям основному компоненту степных племен Северного Причерноморья⁵⁰.

Еще раз подчеркну справедливость указания М. Гарашанина на необходимость отличать явления комплексного порядка от единичных проявлений влияния степных культур. Рассмотренные выше комплексные явления связаны с целым рядом этапов движения степных племен (периоды,

⁴³ SCIV, I, 1950, стр. 27—30.

⁴⁴ Cercetări în movilă de la Valea Lupului din 1956. — МСА, 1959; В. Зирра. Указ. соч., стр. 101.

⁴⁵ В. Зирра. Указ. соч., стр. 103.

⁴⁶ N. Hartuichi și I. T. Dragomir. Raport preliminar al săpăturilor de la Brăi-lița. — МСА, III, 1957, стр. 139—144.

⁴⁷ «Șantierul Histria». — SCIV, 1—2, 1953, стр. 126—127.

⁴⁸ В. Зирра. Указ. соч., стр. 106.

⁴⁹ M. Dinu. Șantierul arheologic de la Valea Lupului. — МСА, VI, 1959, стр. 203—211; он же. Sondajul arheologic de la Dolheștii Mari. — Там же, стр. 213—220; он же. Șantierul arheologic Dolheștii Mari. — МСА, VII, 1960, стр. 121 сл.

⁵⁰ Olga Necrasova, Maria Cristescu. Contribuție la studiul antropological scheletelor din complexul mormintelor cu ocră de la Brăi-lița. — SCIV, 1—4, 1957.

соответствующие Кукутени А, Кукутени В, Усатову и т. д.) и распределяются на протяжении значительного хронологического отрезка — с конца IV до рубежа III и II тыс. до н. э. И с этим вполне согласуется распределение единичных явлений, отмеченных Гарашаниным. Они констатируются и в таких древних культурах, как лендельская и тисаполгарская (большие кремневые ножи на пластинах с ретушью, известные и в Деча Мурешулуи, некоторые детали обряда, антропологическое смешение)⁵¹, и в бодрогкерстурской, баденской и вучедольской группах второй половины III тыс. до н. э. (погребальный обряд с древнеямыми и катакомбными чертами, специфические ожерелья из зубов животных, повозки и модельки их, знакомство с одомашненной лошадей, находки отдельных сосудов, перекликающиеся с древнеямыми и катакомбными формами и т. д.)⁵².

В это же время получают определенное распространение на Балканах характерные формы каменных проушных и боевых топоров, а также шнуровая орнаментация сосудов. В Болгарии оба элемента представлены в слоях Каранова VII, Михалича, Быкова и особенно поселения у с. Езеро (Дипсийская могила)⁵³. На последнем поселении шнуровая орнаментация вместе с «боевыми топорами» появляется в нижней части слоя раннего бронзового века (в горизонте, соответствующем Трое I); они обильно представлены во всех девяти строительных горизонтах этого слоя. Весьма характерно, что шнуровая орнаментация встречена здесь на обычных местных формах сосудов балкано-анатолийского бронзового века. Это безусловно свидетельствует о том, что данный прием украшения сосудов, превратившись в своего рода «моду», распространился на огромной территории у самых различных племен вне связи с каким-либо единым «нашествием» и этнокультурной сменой. Тем не менее, здесь отнюдь не исключена определенная роль влияния степных племен⁵⁴, чрезвычайно раннее распространение шнуровой орнаментации у которых получило весьма серьезные подтверждения в результате исследований последних лет⁵⁵.

Совершенно естественно, что эти влияния ранее всего распространились на северную часть Балканского полуострова: пути сюда, как было показано выше, были известны с глубочайшей древности. Здесь — на территориях Румынии и Болгарии — можно говорить о массовом распространении шнуровой орнаментации. Южнее и юго-западнее известны лишь отдельные ее проявления. На третьей фазе раннеэладского периода она появляется в Греции⁵⁶, примерно в тот же период — в Югославии, где соответствующие находки крайне редки и представлены прежде всего весьма оригинальным сосудом из кургана с сожжением в Srpski Krstur (Северная Сербия)⁵⁷.

⁵¹ M. Garašanin. Pontski i stepski uticali..., стр. 14.

⁵² Там же, стр. 16—18.

⁵³ Н. Я. Мерперт. Первый год работ Советско-Болгарской экспедиции. — КСИА, вып. 93; он же. Археологические исследования в Южной Болгарии в 1963 г. — КСИА, вып. 100, 1965; G. П. Georgiev. Указ. соч.; Г. Ил. Георгиев и М. Я. Мерперт. Раскопки многослойного поселения у с. Езеро близ г. Нова Загора в 1963 г. — «Известия на Археологически институт», XXVIII. София, 1965.

⁵⁴ M. Garašanin. Pontski i sterski uticali..., стр. 20.

⁵⁵ Я имею здесь в виду раскопки Д. Я. Телегиным замечательного неолитического поселения у с. Деревки в устье р. Омельник (правый приток Днепра) в Кировоградской обл. (Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. — КСИА АН УССР, вып. 12. Киев, 1962, стр. 13—17). В богатой коллекции керамического материала этого поселения, относящегося к додревнеявному времени лесостепной Украины, шнуровая орнаментация представлена очень обильно и многообразно. Этот комплекс по праву может считаться древнейшим из известных комплексов «шнуровой керамики» Европы.

⁵⁶ Wl. Milojević. Zur Frage der Schnurkeramik in Griechenland. — «Germania», 33, 1955, стр. 151.

⁵⁷ M. V. Garašanin. Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonien. — «Bericht der Römisch-Germanischen Kommission», N 39, 1958, стр. 51—53, табл. 6, 1; он же. Pontski i stepski uticali..., стр. 20—21.

Изменилось ли положение на грани III и II тыс. до н. э., которая столь постоянно привлекает к себе внимание указанных выше и многих других исследователей? Имеющиеся ныне материалы ни о каких принципиальных изменениях говорить не позволяют. В уже упомянутых мною курганах у Енджи, Мадары, Кюлевча и Калугерица помимо древнеянных открыты и погребения развитого бронзового века. Большинство их впущено в древние курганные насыпи так же, как и в курганах каспийско-черноморских степей. Погребения достаточно характерны. Обряд их — скорченное положение на левом или правом боку, с кистями перед лицом, наличие охры⁵⁸, следы деревянных конструкций, наконец, находки — сосуды с раздутыми боками и насечкой вдоль венчика и дна⁵⁹, серебряные колечки в полтора оборота⁶⁰ и пр. — позволяют смело сопоставлять эти погребения с погребениями раннего или развитого этапа срубной культурно-исторической области, особенно западного ее варианта, закономерно выделяемого ныне в собатиновскую группу. В связи с этим особый интерес приобретает находка Г. Ф. Чеботаренко сосуда, весьма близкого мадарским, в катакомбном (?) погребении у Калфы (Молдавская ССР)⁶¹.

Далее подобные сосуды известны на территории Румынии, где найдены и другие типичные формы срубной керамики⁶². Они сопровождали достаточно характерные скорченные на боку погребения, абсолютно идентичные как болгарским, так и погребениям основной территории срубных племен⁶³. Весьма важна находка такой же керамики в культурном слое поселения у Долхешти Мари. Слой этот отнесен М. Дину к раннему бронзовому веку⁶⁴, погребения же, судя по стратиграфическому их соотношению, относятся к различным его периодам⁶⁵.

Таким образом, выявляются промежуточные звенья, документирующие еще ряд этапов движения степных племен на юг уже на протяжении II тыс. до н. э.

Я не буду касаться позднего бронзового века, когда взаимодействие степных племен с балкано-дунайским населением и продвижения отдельных племенных групп на юг продолжались не менее активно. Последнее время это взаимодействие подробно и правильно освещалось с привлечением большого нового материала как советскими⁶⁶, так и румынскими⁶⁷ исследователями в связи с проблемой культуры Ноа.

Этапы движения северопричерноморских племен в Балкано-Дунайскую область пока могут быть намечены лишь в самых общих чертах. Заметное уточнение и обогащение намеченной схемы требует накопления новых материалов на обеих территориях и прежде всего целенаправленных

⁵⁸ Р. Попов. Указ. соч., рис. 98; В. Миков. Последни могили находки..., рис. 287 и др.

⁵⁹ В. Миков. Указ. соч., рис. 296.

⁶⁰ Там же, рис. 289.

⁶¹ См. статью Г. Ф. Чеботаренко в настоящем сборнике.

⁶² В. Зирра. Указ. соч., табл. III, 1—3, 5, 7, 8.

⁶³ Там же, табл. II, 1, 4, 6—8.

⁶⁴ M. Dinu. Şantierul arheologic Dolheştii Mari, стр. 121—128, рис. 3.

⁶⁵ Т. Д. Златковская склонна отнести мадарские погребения к позднесрубному времени, основываясь на отдельных типологических особенностях сосудов («К вопросу об этногенезе фракийских племен». — СЭ, 1961, № 5, стр. 85). Однако указанные находки в Молдавии и Румынии не подтверждают такое предположение. С другой стороны, представляется совершенно правильным указание Т. Д. Златковской на распространение на севере Балканского п-ва в конце бронзового века грубой серой керамики баночных форм с налепными валиками и на возможность связи этих форм с позднесрубными (там же, стр. 86).

⁶⁶ А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. — МИА, № 96, 1961, стр. 5—34.

⁶⁷ A. Florescu. Contribuţii la cunoaşterea culturii Noua. — «Arheologia Moldovei», II—III. Iaşi, 1964; M. Petrescu-Dimbovita. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. — «Dacia», N. s., IV, 1960.

исследований в зоне их стыка — в Прутско-Днестровском междуречье, изученном пока в интересующем нас аспекте крайне слабо. Но уже сейчас можно с достаточными основаниями отрицать теории единой грандиозной миграции степных групп на юг на грани раннего бронзового века, спонтанной миграции, преобразившей культуру значительных областей Юго-Восточной Европы. Выше я пытался показать, что передвижения северо-причерноморских племен в область раннеземледельческих культур Балкан и Подунавья имели место в самые различные периоды энеолита и раннебронзового века. В них принимали участие различные группы древнеямных, усатовских, срубных и других племен. Не было ни единой миграции, ни единого периода миграций. На протяжении нескольких тысячелетий большие и малые передвижения являлись одним из закономерных проявлений связей между двумя культурными областями. Естественно, они сыграли определенную роль в экономическом, культурном и этническом развитии Юго-Восточной Европы. Но, несмотря на безусловную значимость таких миграций, не они, а активное и многостороннее взаимодействие, культурные связи и ассимиляция являлись основными факторами в истории больших племенных групп Балкан и Северного Причерноморья в бронзовом веке. Значительную роль указанные факторы сыграли и в дальнейшем культурном и этническом сближении населения этих областей.

Г. Б. ФЕДОРОВ

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ ЮГО-ЗАПАДА СССР

Планомерное изучение древнеславянских памятников на территории Юго-Запада СССР, в частности на территории Молдавии, было начато в 1950 г. работами Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции и продолжается по настоящее время. Накопленный за это время значительный материал позволяет осветить основные этапы развития древнеславянской материальной культуры в междуречье Прута и Днестра.

По указаниям византийских историков, земли Поднестровья в VI в. н. э. находились в самом центре славянских территорий. В период, непосредственно предшествующий образованию древнерусского государства, и в пору его создания здесь, по вполне определенным указаниям летописцев, жили два восточнославянских племени, а в период существования и расцвета древнерусского государства эти земли были его юго-западным форпостом. Судя по письменным и археологическим источникам, и после распада древнерусского государства здесь находилось значительное славянское население. Известно, что славянские военные дружины в конце первой четверти XIII в. на тысяче ладей совершили поход по Днестру, Черному морю и Днепру, в район Хортицы, где вошли в состав русского войска, выступившего против татаро-монгол¹.

Изучение древнеславянской материальной культуры в Прутско-Днестровском междуречье имеет большое значение для истории молдавского народа. Даже в XIV в. в письменных источниках упоминаются русские города на Днестре и Пруте, а в самый начальный период образования Молдавского государства, по свидетельству молдавских летописей, на территории Молдавии пришельцы волохи застали славян. О том, что связи начались в весьма отдаленные времена и были очень тесными, помимо археологических и письменных источников, говорят и топонимические, и лингвистические данные, например большое количество (свыше 30%) славянских слов в молдавском языке, в том числе слов, относящихся к таким основным и древнейшим занятиям, как земледелие². Все это позволяет считать славян одним из важных компонентов при формировании молдавского народа.

¹ Воскресенская летопись под 1223 г. — ПСРЛ, VIII, СПб., 1856.

² История Молдавии, т. I. Кишинев, 1951, стр. 91; Н. А. Мохов. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, стр. 94—98; Р. Г. Пиотровский. Молдавский язык и вопросы славяно-молдавских отношений в эпоху раннего средневековья. — «Октябрь», № 6, Кишинев, 1961, стр. 80 и сл.

Исследование славянской материальной культуры в Прутско-Днестровском междуречье имеет немалое значение и для определения вклада славян в формирование государственности и культуры молдавского народа.

Изучение этих важнейших проблем возможно только при комплексном рассмотрении и анализе всех видов источников: письменных, лингвистических, антропологических, этнографических и археологических. Археологические источники, дающие представление о материальной культуре, характере и уровне развития производительных сил и их эволюции, являются важнейшими.

В Румынии в период существования монархического буржуазно-помещичьего режима изучение древнеславянской материальной культуры не проводилось в целях фальсификации истории в угоду правящим классам, стремившимся скрыть от народа те древние и тесные связи, которые существовали между восточнороманскими народами и славянами на протяжении их многовековой истории. Ряд буржуазных румынских историков объявлял румын (существование молдаван как народа вообще отрицалось) прямыми потомками «чистокровных» римлян. Согласно «теориям» этих историков, в период римской оккупации части территории Румынии во II—III вв. н. э. местное фракийское население было рассеяно и уничтожено и с тех пор потомки оккупантов — «избранный чистый романский народ», прямой наследник средиземноморских цивилизаций — существовал как остров среди варварского славянского моря³. Такая совершенно чуждая науке картина формирования и истории восточнороманских народов и их связей с другими народами была типичным примером националистической, расистской фальсификации истории в определенных политических целях.

Следует отметить, что ряд прогрессивных историков буржуазной Румынии, такие, как И. Богдан, И. Филиппиде и др., не разделяли этих взглядов. Они указывали на большую роль славян в истории Румынии.

В послевоенный период советскими учеными и учеными Румынской Народной Республики проделана большая работа по подлинно научному изучению сложнейших вопросов этногенеза румынского и молдавского народов, их конкретной культурной и этнической истории, их взаимосвязей с другими народами, в частности со славянами. Определенную роль в этом сыграли и работы Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции. Ниже кратко излагаются итоги работы экспедиции по проблеме изучения древнеславянской материальной культуры на территории Прутско-Днестровского междуречья.

С начала нашей эры до великого переселения народов можно лишь предполагать проникновение на территорию Прутско-Днестровского междуречья отдельных славянских элементов. Об этом как будто бы свидетельствуют найденные на различных поселениях этого времени зарубинецкие и пшеворские элементы в керамике (например, могильник Малаешты). Может быть, появление на указанной территории этих элементов в керамике находит свое объяснение в свидетельстве Тацита о том, что славяне веныды совершали свои набеги до певкинов, которые в этот период занимали территорию Нижнего Подунавья. Однако о наличии в Молдавии славянских элементов в то время можно говорить лишь предположительно, материальная культура Молдавии была прежде всего фракийской — гетской⁴.

Вполне определенно о появлении славян в Нижнем Подунавье в Южной Бессарабии в III в. н. э. свидетельствуют Певтингеровы дорожные

³ Școala ardeleană. Ed. E. Boldan. București, 1959, стр. 21—22; I. Nistor. Istoria Basarabiei. Cernăuți, 1923.

⁴ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. — МИА, № 89, 1960, стр. 56.

таблицы, в которых венеды показаны между Днестром и Дунаем. Нельзя исключить Прутско-Днестровское междуречье и левобережье Нижнего Дуная и из тех территорий, на которых, по свидетельству Иордана, вел в IV в. н. э. войну с готами славянский — антский вождь Бож, и из тех территорий, по которым, по свидетельству Евнапия, в IV в. н. э. проходили варвары, в том числе и славяне, во время походов на Рим.

Вполне определенные сведения Певтингеровых таблиц о существовании в III в. на рассматриваемой территории славян находят свое подтверждение в археологических данных. На ряде черняховских памятников в Молдавии обнаружены, хотя и в небольшом количестве, железные наконечники копий, части щитов и другие виды оружия и доспехов славянского — пшеворского типов (сделанные на основе переработанной кельтской схемы), а также сосуды с элементами зарубинецкой и пшеворской керамики. В то же время в небольшом количестве встречаются на черняховских памятниках и сосуды, близкие к славянской лепной керамике начала второй половины VI в. н. э.⁵ На многих черняховских корчагах имеются полосы линейно-волнистого орнамента, столь характерного для славянской керамики VIII—XIII вв., есть и трехбусинные височные кольца, по форме и размерам также близкие к славянским киевским височным кольцам IX—XI вв. Правда, между этими двумя категориями изделий в черняховской и славянской культурах имеется большой хронологический разрыв: черняховская культура прекращает свое существование в конце IV, может быть, частично в начале V в. н. э., а линейно-волнистый орнамент на славянской посуде мы знаем лишь с VIII—IX вв. Однако может быть еще недостаточно изучены и открыты славянская орнаментика и керамика VI—VIII вв. Может быть, хронологический разрыв между раннеславянской и черняховской культурами меньше, чем до сих пор предполагается. Об этом говорят материалы, полученные при раскопках раннеславянского селища у с. Ханска⁶ на территории Молдавии.

Было бы неправильно игнорировать черты сходства между славянской и черняховской культурами, хотя они и не настолько значительны, чтобы можно было говорить о наличии генетической связи между ними. Однако в этой области предстоит еще проделать значительную работу. В частности, необходимо провести детальнейший анализ лепной керамики черняховской культуры, так как именно по лепной керамике и можно будет надежнее всего определить этническую принадлежность носителей этой культуры. В этой керамике на территории Прутско-Днестровского междуречья наряду с пшеворскими элементами прослеживаются и местные гетские.

V век на указанной территории не изучен ни по письменным, ни по археологическим источникам. Поэтому важнейшей задачей является открытие и изучение памятников V в. н. э. Памятники черняховской культуры исчезают в конце IV—может быть, начале V в., славянские памятники появляются в VI—может быть, в конце V в. Древнейшие гетские племена — одно из важнейших слагаемых при формировании восточно-романских народов — уже в первой половине I тыс. н. э., вероятно, находились в контакте со славянскими племенами, судя по данным археологических, письменных и этнографических источников. Об этом говорят славянские черты в материальной культуре местного населения в первой половине I тыс. н. э., свидетельства Певтингеровых таблиц о пребывании славян в III в. на изучаемой территории, упоминание в «Слове о полку Игореве», в «Молении Даниила Заточника» Траяна — одной из центральных фигур гето-дакийской истории и эпоса, включение в русский народ-

⁵ Э. А. Рикман. Могилиник первых столетий н. э. у с. Будешты в Молдавии. — СА, 1958, № 1, стр. 198, сл., рис. 4, 2, 13.

⁶ Поселение открыто экспедицией в 1960 г., раскопки начаты отрядом ПДЭ под руководством И. А. Рафаловича в 1964 г.

ный орнамент дако-сарматских элементов (дако-сарматский контакт существовал не позже V в. н. э., когда сарматы полностью растворились среди местных земледельческих племен), некоторые изображения на метопах на Трофеум Траяни, в которых ряд ученых видит славян, наконец, то обстоятельство, что византийские историки VI—начала VII в. н. э., например Феофилакт Симокатта, называли славян гетами⁷ и т. д. Анализ древних сооружений, керамических и других материалов поможет установить характер взаимоотношений между этими племенами.

С VI в. н. э. Прутско-Днестровское междуречье было основной территорией расселения славянских племен, о чем говорят как письменные, так и археологические источники. Самое раннее упоминание византийцев (историка VI в. Иордана) о славянах в Северном Причерноморье относится к IV в. н. э., самое позднее — к концу VIII в. (летопись Феофана). Сообщения историков VI в. Прокопия и Иордана о том, что Днестр находился в центре расселения славянских племен, проанализировано в ряде работ советских историков⁸. По сведениям византийских историков, анты в низовьях Дуная известны по обеим берегам этой реки. Невольно вспоминается при этом сообщение русской летописи о том, что восточно-славянского племени уличей и тиверцев жили по Днестру и «присядаху к Дунаеви». Академик А. А. Шахматов писал в связи с этим: «Прародиной русского народа была территория антов, занимавших пространство между Прутом и Днестром»⁹. Прорыв славянами в VI в. византийской границы на Дунае, широкое расселение их по Дунаю и на других территориях привели к тому, что Прутско-Днестровское междуречье оказалось в этот период в глубоком славянском тылу.

За последние годы открыто свыше 100 славянских поселений VI—начала IX в. в Прутско-Днестровском междуречье. На некоторых из них (Хуча, Ханска, Алчедар VII—Одая, Лопатна и др.) проведены значительные раскопки. Однако далеко не все вопросы славянской археологии VI—IX вв. на указанной территории разработаны. До сих пор не открыт ни один могильник этого времени. Можно предполагать, что исходным пунктом славянского заселения территории Молдавии было Верхнее Поднестровье. Не совсем ясны хронологические этапы заселения славянами этой территории, эволюция раннеславянской культуры и ее локальные варианты на изучаемой территории. Наиболее ранние славянские поселения, хорошо документированные керамикой пражского типа и византийскими монетами, появились здесь в VI в. Многие из поселений существовали в течение ряда столетий, другие — лишь в VI—VII вв., третьи были основаны не ранее VIII в. и существовали длительное время. Возможно, что это соответствует нескольким волнам заселения. Можно предположить и то, что на разных поселениях в силу различных причин жизнь была более или менее продолжительной, а от ранних поселений впоследствии выделились другие. Бедность этих поселений находками пока не позволяет дать развернутую характеристику славянской материальной культуры в VI—IX вв., однако находки домниц (Алчедар и др.) говорят о значительном развитии ремесленной черной металлургии уже в это время.

Славяне, заселив в VI в. Прутско-Днестровское междуречье и ассимилировав местное неславянское население, на длительное время принесли прочную хозяйственную, культурную и этническую стабилизацию. Эта стабилизация способствовала прогрессу в развитии сельского хозяйства, выделении и развитии ряда ремесел, росте торговли, расцвете материальной культуры, увеличении количества поселений и создании густо заселен-

⁷ Феофилакт Симокатта, III, 4, 7; VII, 2, 5.

⁸ Г. Б. Федоров. Указ. соч., гл. III.

⁹ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916, стр. 46.

ных районов, зарождении городов, ускорении формирования феодального общества.

Предстоит еще изучить конкретный процесс культурной и этнической ассимиляции славянами неславянского населения и тот вклад, который это население внесло в славянскую материальную культуру. После распада антского межплеменного союза на отдельные восточнославянские племенные союзы такие союзы, безусловно, существовали и на территории Прутско-Днестровского междуречья. Летописные славяне, жившие на этой территории, — тиверцы и пришедшие в середине X в. уличи — видимо, представляли собой объединение нескольких микроплемен, о чем говорит хотя бы гнездовое расположение их поселений¹⁰. Необходимо выделить те специфические черты, которые характеризуют каждое из таких гнезд поселений. Немалое значение имеет и изучение экономических, культурных и других связей и взаимоотношений славян Прутско-Днестровского междуречья в VI — первой половине IX в. с их соседями, особенно с западными и с восточными.

Со следующим этапом истории древнеславянской материальной культуры на территории Прутско-Днестровского междуречья (конец IX — первая половина XII в.) связано свыше 200 поселений и могильников. Расцвет материальной культуры в этот период был подготовлен предшествующим развитием славянской культуры, когда в результате этнической и культурной стабилизации, роста производительных сил, социального и имущественного неравенства постепенно менялась социальная и экономическая структура славянского общества.

Военная демократия уступает место все более усиливавшейся власти племенных вождей, большие, но непрочные межплеменные объединения, из которых постепенно выростали отдельные княжества, превращаются в феодальные центры. Этот процесс, начавшийся уже в VI в., продолжался на протяжении всей второй половины I тыс. н. э. и привел на рубеже IX и X вв. к изменению материальной культуры, социальной и экономической структуры славянского общества в Прутско-Днестровском междуречье.

Судя по летописи, здесь обитало одно из восточнославянских племенных объединений — тиверцы. Тиверцы в летописи упоминаются именно как восточнославянское племя и только в связи с этой территорией. В период, непосредственно предшествующий созданию древнерусского государства, и в начальную пору его создания (конец IX — середина X в.), когда ближайшими соседями тиверцев стали уличи, переселившиеся с низовьев Днепра в междуречье Днестра и Буга, тиверцы расселились до берегов Черного моря и по соседству с Дунаем. Упоминаются уличи и тиверцы не только в русских летописях, но и в других письменных источниках: сочинении анонимного баварского географа второй половины IX в., где они характеризуются как свирепейший народ, имеющий множество городов, а также в трактате византийского императора Константина Багрянородного. Города их, которые, по свидетельству летописца, существовали еще и в начале XII в., открыты и археологически, причем многие из них существовали в центральной и северной областях Прутско-Днестровского междуречья с конца IX и до начала XII в., а иные в северной зоне и позже. Любопытно происхождение названия «тиверцы». Слово «тиверцы» имеет чисто славянское звучание и находит свое объяснение (смысловое) в славянском, в частности в древнерусском, языке. «Твердь» на этом языке значит укрепление, укрепленное поселение, что явствует из многих прямых указаний летописных текстов. Твердью называлось не только временное поле-

¹⁰ Г. Б. Федоров. Население Юго-Запада СССР в I—начале II тыс. н. э. — СЭ, 1961, № 5, стр. 94—95.

вое укрепление¹¹, но и постоянное укрепленное поселение¹². В различных летописях тиверцы назывались по-разному: тиверцы, тверьце, тюверцы, тивирицы, тивирици и т. д., очень часто тиверичи¹³, т. е. именно так, как назывались жители города Твери — тиверичи, тиверичи. Далее, слово «тиверский» не раз встречается в летописи именно для обозначения, названия укрепленных пунктов или городов. Так, например, не раз упоминаются обращенные к Литве «тиверские» пригороды Новгорода¹⁴, взять которые боем было не так просто; в известном «Списке городов русских дальних и ближних» среди Залесских городов упоминается город под названием «Тиверский»¹⁵ и т. д. Такое истолкование происхождения племенного названия союза «тиверцы—тиверичи» по местам обитания совпадает с принципом наименования ряда других восточнославянских племен, как, например, древляне, поляне и т. д.: тиверцы—тиверичи — жители укрепленных поселений. О наличии же у тиверцев многих городов, как уже отмечалось выше, свидетельствует и русский летописец («и суть грады их до сего дне»), и баварский аноним IX в. («они держали 148 городов»), и само место обитания тиверцев — на юго-западной границе восточнославянского мира, а позже и древнерусского государства. В южнославянских языках, сохранивших много древних, еще склавинских слов «Тwierdza» значит крепость, укрепление, город. Жители таких городов назывались «twierdzy», т. е. «твиердцы», «тиверцы» — горожане, градожители.

Летописец называет улочей и тиверцев именно среди восточнославянских племен — предков русского, украинского и белорусского народов, четко отделяя от них западнославянские и южнославянские племена, как, например, болгар. Самое раннее упоминание о тиверцах восходит к IX в., самое позднее — к началу XII в., но уже с середины X в. тиверцы и улочи как самостоятельные племена или племенные союзы, подобно ряду других восточнославянских племен, обитавших на юго-западе Руси, исчезают со страниц летописей. Это отражало слияние восточнославянских племен в древнерусскую народность. Письменные источники, рассказывающие о подчинении тиверцев киевскому князю, их участию в общерусских походах на Константинополь и т. д., не раз анализировались в работах различных историков¹⁶. Восточнославянский облик материальной культуры славян Поднестровья также уже достаточно убедительно доказан в опубликованных работах. Сохраняя некоторые специфические черты в керамике, фортификации, украшениях, в целом материальная культура славян Прутско-Днестровского междуречья имела ярко выраженный восточнославянский характер, а после образования древнерусского государства — древнерусский. Антропологические материалы, подтверждающие бесспорный восточнославянский облик населения центральных и северных районов изучаемой территории в X—XI вв., получены при раскопках Бранештского могильника (Оргеевский р-н МССР)¹⁷. На запад и юго-запад восточнославянские поселения выходили далеко за пределы Прутско-Днестровского междуречья. Они были довольно широко распространены на территории Румынии, в том числе по обоим берегам нижнего течения Дуная, что соответствует и свидетельствам письменных источников. Именно восточным

¹¹ «Ту бо бяху вышли суждальци пълкомь и угощили около себе твердь, и че съмеша ти пълку» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 36).

¹² ПСРЛ, IX. СПб., 1862, стр. 191.

¹³ Например, ПСРЛ, XV. СПб., 1863, стр. 34, стр. 23 и др.

¹⁴ ПСРЛ, т. 28. М., 1963, стр. 93, 258; Устюженский летописец. М., 1950, стр. 70; Новгородская первая летопись, стр. 402.

¹⁵ Новгородская первая летопись, стр. 407.

¹⁶ Г. Б. Федоров. Тиверцы. — ВДИ, 1952, № 2.

¹⁷ М. С. Великанова. К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья. — СЭ, 1964, № 6.

славянам принадлежат такие памятники второй половины I тыс. н. э., как могильник Сэрата Монтероу, поселения Шипот, Хлинча I и др. Восточнославянские группы населения жили в румынской Молдове и после X в., например в Хлинча II и др.

Как и в предшествующий период, в IX—начале XII в. славянские поселения в Прутско-Днестровском междуречье были расположены гнездами. Часть из них выросла на базе более ранних поселений, иногда путем слияния нескольких поселений в одно. От гнезд более раннего времени гнезда IX—начала XII в. отличаются большим количеством поселений, наличием внутри гнезд более мелких локальных групп поселений, в центре каждого из которых находилось хорошо укрепленное городище. В настоящее время в Прутско-Днестровском междуречье открыто пять таких восточнославянских гнезд поселений, каждое из которых первоначально представляло собой, видимо, племенную группу внутри межплеменного союза тиверцев, а позже часть из них превратилась в феодальные центры. Если же считать, по Л. Нидерле, что городище и несколько (до 20) прилегающих к нему неукрепленных поселений составляют территорию микроплемена, то можно предполагать, что таких территорий микроплемен в Прутско-Днестровском междуречье было около двух десятков. Гнезда поселений, включающие в себя территории микроплемен, частично образовавшиеся еще в VI—VIII вв., были неодинаковы и по количеству входящих в них поселений, и по размерам. С конца IX—начала X в. в степную зону изучаемой территории проникали все новые и новые волны кочевников и борьба с ними становилась решающим фактором жизни славянского населения Прутско-Днестровского междуречья. В 915 г. пришли на Русь и продвинулись к Дунаю печенеги. Первым под их ударами прекратило свое существование самое южное степное и самое малочисленное гнездо поселений (находящееся в низовьях Днестра): Олнешты, Раскайцы, Тудорово и др.

Очень важно определить специфические особенности материальной культуры микроплемен Прутско-Днестровского междуречья. С начала X в. восточнославянские, древнерусские поселения локализуются в центральных и северных районах Прутско-Днестровского междуречья, в лесостепной зоне. Судя по материальной культуре, с этого времени в связи с укреплением Первого Болгарского царства, вступившего в борьбу с кочевниками, а также и в связи с поляризацией славянства южная степная зона изучаемой территории вошла в состав Первого Болгарского царства, просуществовавшего до начала XI в. В настоящее время в этой степной зоне открыт уже ряд неукрепленных поселений и одно городище — Калфа (Бендерский р-н МССР, граница степной и лесостепной зон), имеющих ярко выраженную специфику в керамике: сочетание типичной славянской керамики с линейно-волнистым орнаментом (от 80 до 90% на поселениях) с серой керамикой, украшенной лощеным орнаментом салтовского типа (от 10 до 20% на поселениях). Таким образом, в керамике нашел отражение процесс этногенеза болгарского народа: слияние славян севера Балканского полуострова с пришельцами — тюрками-болгарами и ассимиляция последних славянами. Как и следовало ожидать, этот керамический комплекс появился на территории Болгарии, хотя раньше всего он сложился гораздо восточнее — в южных степных зонах Приднепровья и еще восточнее.

Не менее важно и изучение взаимоотношений с кочевниками оседлого восточнославянского и южнославянского населения. Область распространения южнославянской болгарской культуры весьма велика. Она занимает всю территорию Болгарии, почти всю территорию Румынии, часть территории Сербии, южную часть Прутско-Днестровского междуречья, т. е. область распространения не только славянского, но и романизованного населения бывших римских провинций. Поэтому для ее обозначения

в археологии применяется условный (правда, неудачный) термин: «балкано-дунайская». Необходимо продолжать изучение памятников балкано-дунайской культуры в Прутско-Днестровском междуречье, определение ее ареала, ее характерных особенностей, которые можно будет связать с различными этническими общностями, в том числе и с романизированным населением. При этом, разумеется, важнейшее значение имеет весь облик культуры в комплексе, а не отдельные ее черты, которые могут быть результатом заимствований и связей, а также сопоставление данных археологии с данными письменных источников, этнографии, антропологии и т. д.

Собственно балкано-дунайская культура прекращает свое существование с начала XI в., с падением Первого Болгарского царства. Изучение памятников балкано-дунайской культуры в Прутско-Днестровском междуречье было начато экспедицией в 1956 г., когда было открыто поселение этой культуры у с. Криничное (Болградский р-н Одесской обл. УССР). Оно расположено вдоль восточного берега оз. Ялпух, длина его приблизительно 500 м, ширина около 200 м. В 1957 г. произведены раскопки на этом поселении. Вскрыто около 200 кв. м площади, открыты полуземлянка с глинобитной печью, хозяйственные ямы, свыше 1500 фрагментов южнославянской керамики обеих основных категорий, железный и керамический шлаки, кости домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот), железный нож с прямой спинкой, керамические биконические пряслица, черные и синие бусины из стеклянной пасты.

В радиусе 10 км от селища Криничное открыто еще шесть южнославянских поселений. Эти поселения распространены в южной степной части Прутско-Днестровского междуречья.

Центральная и северная части Прутско-Днестровского междуречья продолжали оставаться зоной восточнославянской культуры. К середине X в. эта территория вошла в границы древнерусского государства, а ее население — в состав древнерусской народности. На этой территории открыто четыре крупных гнезда поселений: Реутское, Припрутское, Центральное (в междуречье Днестра и р. Черны) и наиболее многочисленное — северное, смыкающееся со славянскими поселениями Северной Буковины. В каждое из этих гнезд входило несколько городищ, они в свою очередь являлись центрами более мелких гнезд, которые были окружены неукрепленными поселениями. На рубеже IX и X вв. на базе дальнейшего роста производительных сил разрослись и достигли больших размеров поселения. В центре гнезд поселений возводились хорошо укрепленные городища — «тверди», происходило выделение различных ремесел, развитие обмена. Патриархальная семья уступала место патронимной и индивидуальной, родовая община — соседской, племенные объединения — феодальным княжествам. На протяжении X в. в Прутско-Днестровском междуречье происходило дальнейшее формирование и укрепление феодальных отношений. На базе развития ремесел и товарного производства ряд крупных поселений превратился в раннефеодальные города, основной сутью которых становилось товарное производство. Такими городами были Алчедар (территория около 100 га), Екимауцы (территория около 40 га), Пояна-Кунича, Лукашевка и др. Население крупнейших из этих городов составляло несколько тысяч человек. Так, примерно на одной четверти территории Алчедара (видимо, летописного города Черна) было открыто свыше 200 жилищ (из них около 70 раскопано). Количество поселений увеличилось в несколько раз по сравнению с предшествующим периодом. В городах прослеживается четкая социальная топография, отражающая классовое расслоение; развивались и крепились торговые и обменные отношения со славянскими землями Поднепровья, с западными и южными славянами, с Византией и Востоком. В социальную верхушку общества проникло и все больше распространялось христианство — религия, характерная для классового общества. Все эти процессы нашли яркое

отражение в материальной культуре, в структуре поселений, в обряде погребений (переход от языческого трупосожжения к христианскому трупоположению, различие в инвентаре погребений и т. д.). Особенно большое значение для развития производительных сил и материальной культуры имело создание специализированных ремесленных, прежде всего металлургических центров на посадах городов, а также появление денежного обращения (обычные для Руси того времени русские гривенки — рубли и среднеазиатские диргемы). На протяжении X, XI и первой четверти XII в. древнерусская культура Прутско-Днестровского междуречья достигла блестящего развития во всех областях хозяйства, строительстве оборонительных сооружений. Вместе с тем все ярче проявлялось различие в имущественном и социальном положении населения. В цитаделях жила знать, воины, а также ювелиры, оружейники и ремесленники высококвалифицированных обрабатывающих специальностей, на посадах — ремесленники добывающих специальностей, прежде всего металлургии. Здесь найдены десятки домниц для плавки железа, сотни сопел, железный шлак, руда. Территория Прутско-Днестровского междуречья была в этот период одним из цветущих центров древней Руси.

Распад древнерусского государства на отдельные княжества, разгром Первого Болгарского царства византийцами и кочевниками, наступление кочевников, начавшееся уже в X в. и все более усиливавшееся, привели к упадку славянской культуры в Прутско-Днестровском междуречье, которое было окраинной территорией как для Болгарского царства (включавшего помимо собственно Болгарии и значительную часть территории современной Румынии и, видимо, южную часть Прутско-Днестровского междуречья), так и для древнерусского государства. Южная степная часть Прутско-Днестровского междуречья была занята кочевниками, разрушившими славянскую культуру повсюду, за исключением нескольких центров. В центральной и северной частях Прутско-Днестровского междуречья с начала XI и до первой четверти XII в. прежде всего пострадали города.

Яркую картину трагических битв с кочевниками и разрушения древнерусских городов открыли раскопки Екимауцкого поселения. Однако жизнь на ряде поселений продолжалась. Часть населения отступила к северу, под защиту лесных массивов Кодр, другая часть — еще севернее, под защиту Галицкого княжества. Однако и из Прутско-Днестровского междуречья славянское население полностью не исчезло. Материальная культура на этой территории и в XII—XIII вв. вплоть до XIV в. при наличии отдельных восточнороманских и восточных (аланских, половецких) черт продолжала сохранять прежде всего славянский облик. Славянское население междуречья, как показывают археологические материалы (поселения Бранешты XIII и другие со специфической галицкой керамикой) даже пополнялось за счет выходцев из Галицкого княжества, летописных «галицких выгонцев». В XIV в. происходило интенсивное продвижение на территорию Прутско-Днестровского междуречья волохов — романизованного населения бывших римских провинций Дакии и Нижней Мезии. В этот период материальная культура населения Прутско-Днестровского междуречья начала приобретать все более четко выраженный восточнороманский характер, хотя в ней стойко сохранялись и дошли до наших дней заметные и яркие славянские черты, причем не только во всех областях материальной культуры, но и в языке, топонимике и т. д. С данными археологических материалов в этом отношении полностью согласуются и письменные источники. Хорошо известно по летописям, что в 1116 г. на Нижнем Дунае сидели русские посадники киевского великого князя Владимира Мономаха¹⁸; упомянутые уже «выгонцы галицкие», в 1223 г. на тысяче ладей спустившиеся по Днестру до Черного моря и затем поднявшиеся по

¹⁸ ПВЛ, ч. 1. М., 1950, стр. 201.

Днепру до Хортицы, свидетельствуют не только о том, что в первой четверти XIII в. славянское население Поднестровья имело большое и грозное войско во главе со славянскими вождями Юрием Доморечичем и Держикраем Володиславичем¹⁹, но и само это население было весьма многочисленным. В обычные морские ладьи (а ладьи поднестровских славян не могли быть иными, иначе они не смогли бы проделать путь по Черному морю) помещалось до 60 воинов. Однако даже если считать, что в каждой ладье было всего 10 воинов, то в войске было не менее десяти тысяч человек, а значит общее количество славянского населения Поднестровья составляло несколько десятков тысяч человек: ведь у воинов, ушедших в поход, оставались семьи, часть войска неизбежно должна была быть оставлена для охраны поселений и т. д. Разумеется, татарское нашествие привело в XIII—XIV вв. к отливу славянского населения, особенно из степной полосы Нижнего Подунавья и Прутско-Днестровского междуречья, однако и в XIV в. ряд русских городов упоминался на Нижнем Дунае, Днестре и Пруте²⁰, а в рассказе Молдавской летописи о продвижении первого молдавского воеводы Драгоша в 1359 г. с Карпат в Молдову, в район Сучавы, единственным местным аборигеном назван русский — пасечник Ецко²¹.

Одной из задач является проследить время и пути продвижения волохов на территорию Прутско-Днестровского междуречья, процесс ассимиляции ими славянского населения и вклад славян в формирование молдавского народа и его культуры.

Как показывают исследования румынских археологов и историков, восточнороманская народность сформировалась на территории бывших римских провинций (нынешняя территория Румынии) из трех основных элементов: фракийских племен даков и гетов, которые подверглись романизации, и славян, ассимилированных романизированными фракийцами. Этот процесс завершился в X в. н. э., хотя вплоть до XIII в. на территории Румынии были отдельные славянские поселения²². В XIV в. началось массовое заселение восточными романцами — волохами территории Прутско-Днестровского междуречья. Было бы, однако, грубой ошибкой механически переносить те процессы, которые происходили на территории бывшей римской провинции Дакии, на территорию Прутско-Днестровского междуречья. На территории Дакии процесс романизации начался и происходил во II—III вв. н. э., когда на территории Прутско-Днестровского междуречья не было ни романского населения, ни романизации. На протяжении второй половины I тыс. н. э., когда на территории нынешней Румынии происходил процесс романизации, в том числе ассимиляции романизированным населением славян, в результате чего и образовалась восточнороманская народность, или волохи, на территории Прутско-Днестровского междуречья господствовала славянская культура, а с середины X в. и до начала XII в. территория междуречья входила в границы древнерусского государства.

На самой территории Румынии, в частности в Западной Молдове, румынские археологи фиксируют существование компактных групп славянского населения еще в XI—XII вв. и считают, что даже в Трансильвании

¹⁹ ПСРЛ, VIII, стр. 130.

²⁰ Список городов русских, дальних и ближних. — Новгородская первая летопись, стр. 475.

²¹ Letopisetul Țării Moldovei până La Anton Vodă întocmit de Grigorie Ureche și Simeon Dascălul. Ediție acantata de Giurescu, ed. III, Craiova, стр. 10.

²² C. Daicou, Em. Petrovici, Gh. Stefan. La formation du peuple roumain et sa langue. Bucarest, 1963; М. Кишваси-Комша. Некоторые исторические выводы в связи с несколькими археологическими памятниками VI—XII вв. н. э. на территории РНР. — «Dacia», N. s., I, 1957, стр. 325: «Ассимиляция славянского элемента (в Трансильвании. — Г. Ф.) древнерумынским и древненевгерским населением кончилась в XII в.».

процесс романизации закончился полностью лишь в XII в. Естественно, что на территории Прутско-Днестровского междуречья, где восточнороманская народность не формировалась и была пришлой, этот процесс закончился еще позже. Волохи, в своем первоначальном формировании образовавшиеся из слияния романизированных фракийцев и славян, придя на территорию Прутско-Днестровского междуречья, на которой в течение многих столетий жило компактное славянское население и господствовала славянская культура, вступили здесь еще раз уже во вторичный контакт со славянами. Здесь славянский элемент — одно из слагаемых восточнороманской народности — был, таким образом, усилен. В этом заключается одна из особенностей формирования молдавского народа, отличающая его от других восточнороманских народов, в частности от румын. Эта особенность — большое славянское влияние на протяжении веков и до наших дней — отчетливо прослеживается во всех областях материальной и духовной культуры молдавского народа, в его языке, обычаях. В ближайшие годы Прутско-Днестровская экспедиция будет занята изучением на конкретном археологическом материале путей формирования молдавского народа и вклада славян в формирование его материальной культуры.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. И. МЕЛЮКОВА

СКИФСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ГЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В течение последних пятнадцати лет на юге Румынии, в Добрудже, и в Северной Болгарии производились систематические исследования могильников и некоторых поселений VI—III вв. до н. э., значительно обогатившие науку новыми данными о материальной культуре гетских племен. В румынской исследовательской литературе появились работы, в которых по-новому освещаются история гетов и их взаимоотношения с соседними племенами и греками — обитателями городов Западного Причерноморья¹. Тем не менее вопрос о роли скифов в истории гетов и их материальной культуре все еще слабо разработан. До некоторой степени это можно объяснить недостаточной изученностью археологических памятников между Карпатами на севере и Балканскими горами на юге. Однако имеющиеся уже в настоящее время археологические материалы далеко не полно использованы румынскими исследователями для решения проблемы о гето-скифских связях.

Не имея возможности в пределах настоящей статьи осветить эту проблему целиком, я ограничусь выявлением скифских элементов в гетских памятниках на территории их распространения между Карпатами и Балканскими горами. Вместе с тем постараюсь выяснить, когда и в результате каких причин скифские элементы появились и распространились в гетской среде.

Д. Берчу считает, что «скифский фактор» на Нижнем Дунае появляется лишь в конце VI в. до н. э.² Однако некоторые материалы позволяют говорить о том, что знакомство местных племен со скифским миром Северного Причерноморья относится к гораздо более раннему времени. На поселениях Пояна Текуч в Южной Молдове³ и у с. Басараби в Олтении⁴ были найдены бронзовые наконечники стрел с плоской ромбической головкой и длинной втулкой, которые относятся к VIII—VII вв. до н. э.

¹ Istoria Romîniei, I. Editura Academiei RPR, 1960, стр. 155—160, 223—231; D. Berchiu. A propos de la genèse de la civilisation Latène chez les Gêto-Daces. — «Dacia», N. s., I, 1957, стр. 133 сл.; Д. Берчу. Фрако-скифский меч-эмблема из Меджидии. — «Dacia», N. s., II, 1958, стр. 83—124; Д. Попеску. Скифский вопрос на территории РНР. Доклад, прочитанный в октябре 1963 г. на румыно-советском семинаре по проблемам первобытной археологии в Бухаресте; Т. С. Пассек. Румыно-советский семинар по проблемам первобытной археологии. — СА, 1963, № 3, стр. 294.

² D. Berchiu. Указ. соч., стр. 137.

³ R. Vulpe, Ec. Vulpe etc. Activitatea şantierului arheologic Poiana-Tecuci. 1950. — SCIV, II, № 1, 1951, стр. 213, рис. 28, 11.

⁴ Не изданы, хранятся в музее Института археологии Академии РНР.

К середине VII в. до н. э. принадлежит погребение у с. Царевброд (б. Енджа) в Северной Болгарии⁵. Покойник был положен в яме прямоугольной формы в насыпи кургана эпохи бронзы на спине, с вытянутыми руками и ногами, головой на северо-запад. Его сопровождали два больших сосуда гальштатского типа, 52 бронзовых наконечника стрел, железный наконечник копья и кинжал, бронзовые удила с псалиями и крючок, золотая диадема. По обряду и большинству сопровождавших покойника вещей этот памятник резко отличается от гетских и прочих фракийских погребений. Вместе с тем он близок к наиболее ранним впускным скифским погребениям Северного Причерноморья⁶. Это заставляет меня присоединиться к мнению Р. Попова и считать погребение принадлежавшим скифскому воину. Находки в нем вещей, не имеющих аналогий среди скифских древностей, таких, как гальштатские сосуды, золотая диадема и железный кинжал, скорее всего свидетельствуют о влиянии местной среды на пришельца из Северного Причерноморья.

Возможно, что также из скифского погребения происходит комплекс (22 экз.) бронзовых наконечников стрел VII—VI вв. до н. э., найденный у с. Князево Провадийско.⁷ Это позволяет предположить, что в гетских погребениях не встречаются целые комплексы скифских стрел.

Описанные памятники указывают на то, что фракийское население Нижнего Дуная и Северной Болгарии познакомилось со скифами на раннем этапе скифской истории. Погребение у с. Царевброд позволяет говорить о первых скифских походах за Дунай в середине VII в. до н. э. Однако в это время мы не можем проследить активного участия скифов в формировании и развитии гетской культуры. Гетские памятники VII—III вв. до н. э. по своему происхождению связаны с памятниками, относящимися к культуре дунайского гальштата, и непосредственно следуют за памятниками его поздней фазы, типа Бессарабии⁸. В конструкциях погребальных сооружений, погребальном обряде, керамике и украшениях сохраняются местные традиции. Вместе с тем прослеживается также близость с фракийскими памятниками других территорий и сильное влияние культуры одрисов Центральной и Южной Болгарии. Это относится не только к ранним гетским памятникам, но и к более поздним, датированным IV—III вв. до н. э. Только в могильнике IV—III вв. до н. э. у с. Браничево в Северной Болгарии в одном из курганов была обнаружена катакомба, сделанная по скифскому образцу⁹. Содержавшееся в нем погребение женщины было совершено по фракийскому, а не скифскому обряду.

Скифская керамика была чужда гетским и другим фракийским племенам. Наряду с гетскими формами она встречается в небольшом количестве только на восточных окраинах гетских земель, на правобережье Нижнего Днестра и Днестровского лимана¹⁰. Далее на юго-запад находки скифской керамики известны лишь в архаическом слое Истрии и на поселении второй половины VI в. до н. э. у с. Тариверди близ этого города¹¹. Э. Кондураки причисляет ее к обычной гетской посуде. Однако по форме и отделке поверхности она отличается от найденной там же гетской керамики¹² и вместе с тем близка к степной скифской посуде VI—III вв. до н. э.¹³

⁵ Р. Попов. Могилнит гробове при с. Енджа. — ИАИ, VI, 1932, стр. 89 сл.

⁶ И. В. Яценко. Скифия VII—VI вв. до н. э. М., 1959, стр. 39 сл.

⁷ Хранится в Коларовградском музее, не издан.

⁸ *Istoria Rumaniei*, I, стр. 143.

⁹ Цв. Дремсизова. Могильник некропол при с. Браничево (Коларовградско). — ИАИ, XXV, 1962, стр. 175.

¹⁰ А. И. Мелюкова. К вопросу о границе между скифами и гетами. Доклад, прочитанный на секторе скифо-сарматской археологии в апреле 1964 г.

¹¹ Em. Condurachi și colaboratori. Șantierul arheologic Histria. — Materiale, IV, 1957, стр. 81 сл., рис. 60, 1, 2.

¹² D. Berciu și C. Preda. Săpăturile de la Tariverde. — Materiale, VII, 1962, рис. 4.

¹³ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. — МИА, № 36, 1954, рис. 10.

Возможно, появление скифской керамики в Истрии и поблизости от нее можно объяснить присутствием здесь скифов из войска, преследовавшего Дария после изгнания персов из Скифии, или из числа тех скифов, которые совершили в 496—495 гг. до н. э. поход до Херсонеса фракийского. Для подтверждения этого предположения можно привести вывод Э. Кондураки, который связывает со скифами разрушение северо-западного квартала Истрии в конце VI в. до н. э.¹⁴ Т. В. Блаватская на основании анализа письменных источников приходит к заключению, что вследствие похода 496—495 гг. скифы на некоторое время подчинили себе часть Северной Добруджи, распространив свою власть до земель, граничивших с Истрией¹⁵.

Может быть, пребыванием скифов в Добрудже в конце VI в. до н. э. нужно объяснять находки лишь в Истрии и в Тариверде скифских костяных псалий, оформленных в зверином стиле¹⁶. По-видимому, скифская система конской узды не имела широкого применения у гетов. Удила и псалии, изредка встречающиеся в гетских погребениях VI—V и IV—III вв. до н. э., не имеют аналогий в Северном Причерноморье¹⁷.

Из Фукидида известно, что геты имели сходное со скифами вооружение¹⁸.

Выше уже говорилось о том, что геты познакомились со скифским оружием еще в эпоху сложения скифской культуры. Однако до сих пор мы не можем установить, сколь широко в VI—III вв. до н. э. оно было распространено у гетов. Это объясняется тем, что гетам, как и многим другим фракийским племенам, не был свойствен обычай обязательно класть с покойником его вооружение. В большинстве известных к настоящему времени могильников оружие совсем не представлено. В некоторых могильниках различные виды его встречаются только в отдельных могилах. Судя по этим немногочисленным данным из погребений, а также по находкам на поселениях и случайным находкам, мы можем говорить о том, что геты заимствовали у скифов только лук со стрелами и мечи-акинаки, а найденные в ряде случаев предметы вооружения, не имеющие аналогий в Северном Причерноморье, свидетельствуют о том, что, кроме скифского оружия, геты употребляли и другое.

Бронзовые наконечники стрел никогда не бывают представлены в гетских погребениях большим количеством экземпляров, как это обычно в скифских курганах. Самый крупный комплекс, известный в настоящее время, состоит из 20 наконечников. Он происходит из кургана IV—III вв. до н. э. у с. Зимнич на левом берегу Дуная¹⁹. Всего 11 бронзовых наконечников найдено в одном из самых богатых гетских курганов у с. Юруклер в Северной Болгарии²⁰. По несколько (количество не указано) экземпляров обнаружено в некоторых могилах VI—V вв. до н. э. у с. Бырешти в Южной Молдове²¹ и в двух-трех погребениях из 55 в могильнике IV—III вв. до н. э. у с. Муригёл в Добрудже²². По одному

¹⁴ E. Condurachi. Contribuții la studiul epocii arhaice la Histria. — «Omăgiu lui C. Daicovicu». București, 1960, стр. 115.

¹⁵ Т. В. Блаватская. Греки и скифы в Западном Причерноморье. — ВДИ, 1948, № 1, стр. 206, сл.

¹⁶ Istoria României, I, стр. 171, рис. 33, 1, 11.

¹⁷ Al. Vulpe. Săpăturile de la Costești-Ferigele 1957. — Materiale, VI, 1959, стр. 244, рис. 6, 2; Ив. Венедиков. Тракийската юзда. — ИАИ, XXI, 1957, стр. 156 сл.

¹⁸ Фукидид. О Пелопонесской войне, 96. — ВДИ, 1947, № 2, стр. 293.

¹⁹ I. Nestor. Raport sumar asupra campaniei de săpături dela Zimnicea. — SCIV, I, 1950, стр. 95.

²⁰ Ив. Велков. Нови могилни находки. — ИАИ, V, 1929, рис. 64.

²¹ С. Моринц. Новая гальштатская группа в Молдове. — «Dacia», N. s., I, 1957, стр. 131, рис. 6, 7.

²² Э. Бужор. О гето-дакийской культуре в Муригэле. — «Dacia», N. s., II, 1958, стр. 136.

бронзовому наконечнику было найдено в кургане VI в. до н. э. у с. Баново²³ и в кургане IV—III вв. до н. э. у с. Янково в Северной Болгарии²⁴.

Находки бронзовых наконечников стрел только скифских типов на поселениях Тариверде²⁵, Пояна²⁶, Зимничи²⁷ и отсутствие в погребениях вместе со скифскими других форм позволяют считать, что геты широко пользовались скифскими луком и стрелами.

Косвенным свидетельством в пользу этого предположения является употребление у фракийцев, в том числе и гетов, в VI—V вв. до н. э. монет в форме скифских наконечников стрел²⁸. Правда, в могильнике у с. Фериджеле найдены железные наконечники стрел своеобразной формы²⁹. Но, поскольку подобные им формы неизвестны в других памятниках Румынии и Болгарии, можно думать, что такие наконечники стрел не имели сколько-нибудь широкого распространения.

Найденная в районе г. Коларовграда форма для отливки бронзовых двулопастных наконечников стрел раннескифского типа³⁰ позволяет предполагать существование у гетов местного производства бронзовых наконечников стрел.

Скифские короткие мечи-акинаки известны только по нескольким находкам, в основном из гетских могильников Южной Румынии. По четыре акинака VI—V вв. до н. э. было найдено в курганах у с. Бырсешти в Южной Молдове³¹ и у с. Фериджеле в Олтении³². Железные акинаки из первого могильника ничем не отличаются от одновременных акинаков из Северного Причерноморья. В противоположность им все четыре экземпляра из могильника в Фериджеле, хотя и восходят к скифским образцам, сделаны в местной мастерской и имеют свои особенности как в форме отдельных деталей, так и в характере орнаментации рукоятей. Отличается от обычных мечей и кинжалов из Северного Причерноморья кинжал из гетского погребения, случайно обнаруженного между селами Тудорово и Паланка Каушанского района МССР³³. Он имеет навершие в виде небольших волют, весьма своеобразно орнаментированных, и клинок, по форме напоминающий клинки бронзовых гальштатских мечей. По-видимому, этот кинжал также был сделан в какой-то западной мастерской.

Короткий железный меч из могильника IV—III вв. до н. э. в Муригёле в Добрудже принадлежит к числу форм, редко встречающихся в Скифии³⁴. Второй меч из Муригёла представлен только обломком однолезвийного клинка, о форме меча судить трудно³⁵.

²³ Ара Маргос. Тракийски погребения при с. Баново Варненско. — «Археология», III, кн. 3. София, 1961, стр. 54, рис. 16.

²⁴ Цв. Дремсизова. Надгробни могили при с. Янково. — ИАИ, XIX, 1955, стр. 62.

²⁵ D. Berciu și C. Preda. Указ. соч., рис. 5, 1.

²⁶ R. Vulpe. Es. Vulpe etc. Указ. соч., рис. 28, 1—6.

²⁷ Не изданы, хранятся в музее Института археологии Академии СРР.

²⁸ G. Ștefan. Șantierul arheologic Histria. — SCIV, 1954, 1—2, стр. 105 сл., рис. 23.

²⁹ Al. Vulpe. Указ. соч., рис. 7, 1.

³⁰ Не издана, хранится в музее г. Коларовграда.

³¹ Издано три из них: С. Моринц. Указ. соч., рис. 4; S. Morintz. Săpăturile de la Bîrsești. — Materiale, IV, 1959, рис. 3; он же. Săpăturile de la Bîrsești. — Materiale, VII, 1962, рис. 2.

³² Издан только один из них: Al. Vulpe. Cimitir din prima erocă a fierului la Ferigele. — Materiale, V, 1959, рис. 5. Остальные не изданы, хранятся в музее Института археологии Академии СРР.

³³ Г. П. Сергеев. Скифский кинжал из Олонештского района Молдавской ССР. — ЗОАО, т. 1. Одесса, 1960, стр. 262, рис. 1.

³⁴ Э. Бужор. Указ. соч., рис. 8, 4.

³⁵ Там же, рис. 8, 5.

Из Северной Болгарии известно всего три находки плохо сохранившихся акинаков. Один из них относится к V в. до н. э. и происходит из могильника у с. Равна близ Варны³⁶, второй — к V—IV вв. до н. э., случайно найден у с. Гозница³⁷, третий происходит из богатого кургана у с. Юруклер IV—III вв. до н. э.³⁸ Все они ничем не отличаются от одновременных им мечей и кинжалов Северного Причерноморья.

Мечи скифского типа не были единственной известной гетам формой оружия этого вида. В ряде гетских памятников найдены однолезвийные ножи-кинжалы, широко применявшиеся иллирийцами и, очевидно, от них заимствованные гетами. Больше всего таких ножей-кинжалов происходит из могильника у с. Фериджеле³⁹, в котором сильнее, чем в других гетских памятниках, прослеживается иллирийское влияние. Такие же ножи-кинжалы были найдены в некоторых могильниках Северной Болгарии⁴⁰.

Копья и дротики характерных скифских форм, столь многочисленных в скифских памятниках, почти не представлены у гетов. Один наконечник копья скифской формы V—IV вв. до н. э. был найден вместе с кинжалом в гетском погребении между Тудорово и Паланка в МССР⁴¹.

Все остальные железные наконечники копий из гетских памятников по форме и пропорциям отличаются от скифских и могут быть связаны по происхождению с иллирийским миром⁴².

К числу фрако-иллирийских форм, не известных в скифских курганах, относятся и двулезвийные секиры, находки которых известны в двух гетских могильниках VI—V вв. до н. э. у с. Фериджеле и у с. Бырсешти⁴³. По железной однолезвийной секире с длинным обушком из погребения у с. Бырсешти⁴⁴ мы можем предполагать, что гетскому населению Южной Молдовы были известны секиры, употреблявшиеся главным образом лесостепными племенами Северного Причерноморья. По всей вероятности, эта форма оружия проникла в Южную Молдову из Западной Подолии, население которой в VI—V вв. до н. э. широко использовало железные секиры⁴⁵. Связи между Южной Молдовой и территорией Верхнего Поднестровья прослеживаются С. Моринцем также по ряду других находок⁴⁶.

До сих пор на гетской территории не встречено остатков скифского защитного вооружения. Находки в богатых курганах Северной Болгарии у сел Аязляр и Юруклер⁴⁷ греческих бронзовых панцирей, шлемов халкидского типа в курганах у с. Юруклер⁴⁸ и кургана X у с. Браничево⁴⁹ и аттического типа в кургане у с. Зимнич⁵⁰ свидетельствуют о том, что гетская аристократия пользовалась греческим защитным вооружением.

³⁶ М. Мирчев. Раннотракийский могилен некропол при с. Равна. — ИАИ XXV, 1962, табл. XXX, 1.

³⁷ Р. Попов. Новооткрити памятници от жельзна епоха в Българиа. — ИАИ, V, 1929, рис. 143.

³⁸ Ив. Велков. Указ. соч., рис. 67.

³⁹ Al. Vulpe. Săpăturile..., стр. 243, рис. 5, 2—4.

⁴⁰ Например, два ножа-кинжала происходят из курганов у с. Надежда Ловчанско: В. Миков. Могилни некрополи от Ловчанско и Тетевенско. — ИАИ, VI, 1932, стр. 160, рис. 141, 6; нож-кинжал — из могильника у с. Столат Севлиево; Ат. Милчев. Археологическо проучване в Севлиево и Троянско. — ГСУ ИФФ, т. L, кн. 1, 1956, рис. 10.

⁴¹ Г. П. Сергеев. Указ. соч., стр. 263, рис. 2—3.

⁴² Al. Vulpe. Săpăturile..., стр. 243, рис. 5, 1; он же. Cimitir..., стр. 369, рис. 6, 1—3; В. Миков. Указ. соч., рис. 141а; 146; М. Мирчев. Указ. соч., табл. XXXIV, 1а.

⁴³ Al. Vulpe. Cimitir..., рис. 6, 2; С. Моринц. Указ. соч., стр. 127, рис. 4.

⁴⁴ S. Morintz. Săpăturile de la Birsești—Materiale, VI, 1959, стр. 234, рис. 4.

⁴⁵ T. Sulimirski. Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwów, 1936, табл. IX, 6;

XI, 1 г.

⁴⁶ С. Моринц. Указ. соч., стр. 117—132.

⁴⁷ Ив. Велков. Указ. соч., рис. 55—57 и 72.

⁴⁸ Там же, рис. 58.

⁴⁹ Цв. Дремсизова. Могилният..., стр. 174, рис. 11.

⁵⁰ Не издан. Хранится в музее Института археологии Академии СРР.

Своеобразные серебряные шлем и поножи происходят из кургана у с. Хаджигёл в Добрудже⁵¹. В основе их форм лежат греческие образцы, но орнаментация предметов говорит о том, что они были изготовлены во фракийской мастерской. К шлему из Хаджигёля по форме и стилю орнаментации близок серебряный шлем из Пояны Коцофени⁵².

Скифским влиянием объясняют исследователи находки в некоторых гетских погребениях бронзовых зеркал. Не отрицая возможной связи со скифами обычая класть в могилу бронзовые зеркала, отмечу, что попадали они к гетам скорее всего не от скифов, а от агафирсов, из Трансильвании.

Благодаря работе М. Пардуца в настоящее время устанавливается трансильванский центр производства бронзовых зеркал, прототипами которых служили зеркала из Северного Причерноморья⁵³. Зеркала из погребения у Чернаводы в Добрудже⁵⁴ и из кургана X в Браничеве⁵⁵, имеющие железные ручки с небольшими волютами на конце, не знают прямых аналогий среди зеркал из Северного Причерноморья. Вместе с тем зеркало, весьма близкое к первому из них по форме диска и ручки, найдено в Трансильвании⁵⁶. Из фракийского погребения конца VI в. до н. э. в Истрии происходит железная ручка еще одного зеркала. Она украшена косыми насечками и заканчивается головкой грифона⁵⁷. Близких к ней ручек зеркал не известно ни в Северном Причерноморье, ни в Трансильвании. Все же можно предполагать, что и это зеркало вышло из трансильванской мастерской. На Потисье, в областях, снабжавшихся изделиями этого производственного центра, были найдены меч и нож, рукояти которых, подобно ручке зеркала из Истрии, заканчивались головкой грифона⁵⁸.

Зеркало с ручкой, заканчивающейся плоским диском, очень близкое к обычным скифским зеркалам IV—III вв. до н. э., было найдено у с. Нунташь в Добрудже⁵⁹.

Особую группу памятников, тесно связанных со скифским миром Северного Причерноморья, составляют произведения искусства, известные главным образом по отдельным случайным находкам икладам и изредка встречающиеся в курганах.

Из Добруджи происходят три каменных изваяния, чрезвычайно близких во всех деталях к скифским каменным статуям из Северного Причерноморья. Особенно интересно одно из них, происходящее из с. Сибиоара близ Констанцы⁶⁰. Судя по форме изображенного на фигуре акинака и другим деталям, изваяние относится к числу наиболее ранних, пока еще немногочисленных на территории Скифии произведений этого рода VI—

⁵¹ Не издан. Хранится там же.

⁵² Em. Condurachi. Rumanian archeology in the 20th century. Bucharest, 1964, табл. VI.

⁵³ M. Párducz. Skytian Mirrors in the Carpathian Basin. — «Swiatowit», t. XXIII. Warszawa, 1960, стр. 523 сл.

⁵⁴ D. Berciu. Descoperirile getice de la Cernavodă (1954) și unele aspecte ale începutului formării culturii latene geto-dace în Dunărea de Jos. — Materiale, IV, 1957, рис. 9, 10.

⁵⁵ Цв. Дремсизова. Могилият..., рис. 18, 1. Однако Цв. Дремсизова неправильно восстановила зеркало. Ромбическое расширение, которым на рис. 18, 1 заканчивается ручка зеркала, должно находиться на диске. Для закрепления с диском служила заклепка, след от которой в настоящее время хорошо виден в центре ромбического расширения. Ручка заканчивается небольшими волютами.

⁵⁶ M. Párducz. Указ. соч., табл. XXVII.

⁵⁷ P. Alexandrescu et V. Eftime. Tombes thraces d'époque archaïque. — «Dacia», III, 1959, рис. 10.

⁵⁸ M. Párducz. La cimitière halestattien de Szentes-Vekerzag III. — AArch, VI, 1955, стр. 7, рис. 3.

⁵⁹ A. Bădulescu. Noi mărturii arheologice din epoca elenistică la Nuntași. — SCIV, 1961, N 2, стр. 388, рис. 1.

⁶⁰ V. Canarache. Considerații asupra unei statui inedite din Dobrogea. — SCIV, 1953, N 3—4, стр. 717 сл.

V вв. до н. э.⁶¹ Два других (одно — из с. Ступица, второе неизвестного происхождения) скорее всего могут быть датированы IV—III вв. до н. э.⁶²

Румынские исследователи считают каменные статуи Добруджи фрако-скифскими и объясняют их появление происхождением из общего для скифов и фракийцев источника, уходящего своими корнями в доскифскую эпоху⁶³. Однако манера исполнения и совпадение всех деталей изображений на статуях из Добруджи с теми, которые характерны для каменных скифских статуй, не позволяет присоединиться к мнению румынских ученых. Скорее всего эти статуи были выполнены скифскими мастерами, возможно, для скифских заказчиков. Вполне вероятно, что в Добрудже, как и в Северном Причерноморье, каменные статуи были установлены первоначально на курганах скифских военачальников, погибших на гетской земле и пока еще не найденных археологами.

С конца VI в. до н. э. у гетов появляются предметы, выполненные в зверином стиле. Только немногие из них находят прямые аналогии среди вещей собственно скифского звериного стиля из Северного Причерноморья. Большинство изделий, хотя и близки к скифским, выполнены в особой манере и отличаются большим своеобразием, что позволяет именовать их скифо-фракийскими или фрако-скифскими.

Кроме уже отмеченных выше костяных псалій из Истрии, к числу предметов собственно скифского звериного стиля относится крестообразная бляха VI—V вв. до н. э. из могильника у с. Бырсешти в Южной Молдове⁶⁴. Последняя принадлежит к изделиям ольвийского производства, отличается от подобных предметов, сделанных в Трансильвании по ольвийским образцам⁶⁵. Интересно заметить, что, получив широкое распространение в Прикарпатских областях, в Трансильвании, на Потисье, в Средней и Северной Молдове, крестообразные бляхи ольвийского образца совершенно не были известны в районах к югу от Дуная.

Тема скифо-фракийского звериного стиля пока слабо разработана и требует специального исследования. Остановлюсь лишь на отдельных вопросах. В настоящее время довольно определенно можно говорить о существовании двух групп скифо-фракийского звериного стиля, одна из которых локализуется в Прикарпатских областях и, по всей вероятности, связана с трансильванским производственным центром, вторая охватывает Карпато-Балканский район и одинаково характерна для гетов и одрисов. В то время как в Прикарпатье вещи, украшенные в зверином стиле, датируются главным образом VI—V вв. до н. э.⁶⁶, изделия второй группы особенно характерны для эпохи со второй половины V до середины III в. до н. э.

Из предметов скифо-фракийского стиля, найденных на интересующей нас территории, к трансильванскому производственному центру можно

⁶¹ Наиболее близка к статуе из Сибиоары каменная статуя из с. Надежда в Крыму: П. Н. Шульц. Каменные изваяния скифов. Доклад на XII конференции ИА АН УССР в апреле 1964 г.

⁶² Al. Alexandrescu. Două statui traco-scitice din Dobrogea. — SCIV, 1958, N 2, стр. 291.

⁶³ Al. Alexandrescu. Указ. соч.; V. Sanagache. Указ. соч.; Д. Берчу. Указ. соч., стр. 124. Д. Берчу для доказательства положения о фракийском характере статуи из Сибиоары разбирает имеющееся на ней изображение топора, трактуя его как двулезвийную фрако-илирийскую секиру. Однако это изображение не отличается от схематических изображений секиры с длинным обухом, известных на скифских статуях из Ждановского музея и из с. Ольховчик (А. И. Мелюкова. Каменная фигура скифа-воина. — КСИИМК, вып. 48, 1952, стр. 126, рис. 39; О. К. Тахтай. Скифська статуя з с. Ольховчик Донецької обл. — КСИА АН УССР, XVII. Київ, 1964, стр. 205, рис. 1—2).

⁶⁴ С. Моринц. Указ. соч., стр. 118.

⁶⁵ К. Хоредт. Скифские находки в Комлоде. — «Dacia», IV, 1960, стр. 433 сл.

⁶⁶ Там же, стр. 435 сл.

относить только упомянутое выше зеркало с грифоньей головкой на конце ручки из гетского погребения в Истрии.

А. П. Манцевич предлагает связывать с Трансильванией по происхождению бронзовую пластину-матрицу из с. Гарчиново в Северной Болгарии, датированную большинством исследователей концом VI в. до н. э.⁶⁷ Однако этот предмет по стилистическим особенностям близок к изображениям в скифо-фракийском стиле на бронзовом вотивном акинаке из Меджиджи в Добрудже второй половины V в. до н. э.⁶⁸, а также на бронзовом навершии начала или первой половины V в. до н. э. из с. Раскайцы в Молдавской ССР⁶⁹. Д. Берчу считает их изделиями южнофракийских мастерских, в которых одновременно действовали три «фактора»: скифский, греческий и фракийский⁷⁰.

В настоящее время мы не располагаем достаточными основаниями для точного определения места производства этой группы вещей. Отсутствие прямых аналогий для перечисленных находок в Северном Причерноморье говорит о том, что скифы не имели прямого отношения к появлению их на гетской территории. Они могли попасть сюда либо от агафирсов Трансильвании, либо от одрисов с юга Фракии.

Болгарские исследователи пытаются объяснить происхождение фрако-скифского звериного стиля этническим и культурным родством скифских и фракийских племен, близким уровнем их социального и экономического развития, связями тех и других с греческим миром и таким образом отрицают прямую зависимость фракийского искусства от скифского⁷¹. Однако эта точка зрения едва ли может быть принята нами. На всей обширной территории обитания фракийских племен не найдено вещей звериного стиля VII—VI вв. до н. э., которые можно было бы рассматривать как прототипы более поздних произведений. В Скифии они представлены в достаточном количестве. Объяснить происхождение фрако-скифского искусства родством фракийцев и скифов невозможно еще и потому, что для племен Северного Причерноморья доскифского периода, действительно, возможно, родственных фракийцам, но ассимилированных скифами, прообразы скифского звериного стиля не были известны. В Северном Причерноморье скифский звериный стиль не имеет местных корней и складывается вместе со всем комплексом скифской культуры только в VII—VI вв. до н. э. Таким образом, возникновение скифо-фракийского звериного стиля скорее всего следует объяснять влиянием скифского искусства на фракийское.

Займствовав определенные образы скифского звериного стиля, местные мастера придавали своим произведениям ряд особенностей, которые хорошо заметны в передаче деталей и дополнительном орнаменте. Это касается как ранних изделий скифо-фракийского стиля, упомянутых выше, так и более поздних, относящихся к концу V—III в. до н. э. Вместе с тем, по-видимому, происходил и другой процесс: фракийское искусство влияло на скифское и на произведения, сделанные для скифов греческими мастерами Северного Причерноморья. В результате этих процессов во

⁶⁷ А. П. Манцевич. Золотой венец из кургана на р. Калитве. — ИАИ, XXII, 1959, стр. 72.

⁶⁸ Д. Берчу. Указ. соч., рис. 1—2.

⁶⁹ Г. А. Нудельман и Э. А. Рикман. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии. — ИМФАН, № 4 (31) Кишинев, 1956, стр. 129, табл. 1; Г. П. Сергеев. Бронзовое навершие из с. Раскайцы Молдавской ССР. — КС ОГАМ за 1961 г. Одесса, 1963, стр. 68.

⁷⁰ Д. Берчу. Указ. соч., стр. 119.

⁷¹ Впервые эта мысль была высказана Б. Филовым: Б. Ф и л о в. Паметници на тракийското изкуство. — ИБАД, VI, 1919, стр. 35. Недавно ее повторил Д. Димитров: Д. Д и м и т р о в. Материалната култура и изкуството на траките през ранната елинистическа епоха. — «Археологически открития в България». София, 1957, стр. 66.

Фракии и Скифии появился ряд изделий звериного стиля, близких друг другу. Лучше всего это прослеживается на украшениях конской узды, к числу которых принадлежат отдельные вещи, выполненные в зверином стиле и найденные в землях не только гетов, но одрисов. Это налобники, нащечники и бляхи из серебра, иногда с позолотой, или из бронзы. Наиболее полные наборы таких украшений, найденные на гетских землях, происходят из кладов, открытых в Северной Болгарии, среди которых особенно обилён находками клад серебряных вещей из с. Луковит⁷². Лишь немногим уступает ему клад из Крайовы в Южной Румынии⁷³. Что касается гетских погребений, то набор серебряных украшений не одной узды, а нескольких был обнаружен только в богатом кургане у с. Хаджигёл в Добрудже⁷⁴. Бронзовые налобник и две нащечные бляхи происходят из разрушенного погребения у с. Тетевен⁷⁵, серебряные налобник, нащечник и бляха найдены вместе с серебряными же сосудами и гривной у с. Букьовци Ореховско⁷⁶. В кургане X у с. Браничево находилась одна бронзовая бляха⁷⁷; также одна бронзовая бляха, вероятно, нащечник, происходит из кургана у с. Торос⁷⁸. Два серебряных нащечника найдены вместе с сосудами в кладе из с. Радювене⁷⁹. Из кургана у с. Свищары Исперихско происходит серебряный налобник⁸⁰. В с. Черни връх Ломско был случайно найден бронзовый налобник⁸¹. По форме, воспроизводимым образам, стилистическим принципам, манере исполнения перечисленные украшения конской узды близки друг к другу. Все налобники одного типа: имеют скульптурное изображение орлиноголового или львиноголового грифона в центре и дополнительный орнамент на щитке. Только на налобнике из с. Свищары Исперихско изображена голова сирены. Нащечники по схеме восходят к скифским, передающим пару задних ног хищника. Бляхи главным образом свастикообразной формы, на которых вокруг рельефного круга в центре располагается по три или четыре стилизованных головы животных или, реже, растительный орнамент.

Только на бляхах из Тетевен передана сцена борьбы двух зверей: хищника кошачей породы и орлиноголового грифона.

На примере серебряных вещей клада из Крайовы К. Малкина отметила стилистические особенности скифо-фракийского искусства IV—III вв. до н. э.⁸² Находки, сделанные после выхода в свет ее работы, особенно из клада у с. Луковит и кургана у с. Хаджигёл в Добрудже, подтверждают и дополняют данные, приведенные этим исследователем.

Если правы румынские археологи относительно датировки кургана у с. Хаджигёл второй половиной V—началом IV в. до н. э., то можно считать, что комплекс украшений, представленный в кладе у с. Крайова, относящийся к IV—III вв. до н. э., сложился несколько раньше. Налобники, нащечники и свастикообразные бляхи из этого кургана по форме и

⁷² Хранится в археологическом музее в Софии. Издан лишь частично, см. Д. П. Дмитриев. Указ. соч., стр. 64—67, рис. 2, 3.

⁷³ Н. Schmidt. Skythischer Pferdegeschirrschmuck aus einem Silberdepot. — PZ, XVIII, 1927, табл. I—V.

⁷⁴ Не изданы, хранятся в музее Института археологии Академии РНР.

⁷⁵ Т. Герасимов. Две находки със скифски бронзови украси от Сев. България. — ИАИ, XVII, 1950, стр. 253.

⁷⁶ И. Велков и Хр. М. Данов. Новооткрити старини. — ИАИ, XII, 1939, стр. 435—440, рис. 223—228.

⁷⁷ Цв. Дремсизова. Могилният..., стр. 174, рис. 13, 1.

⁷⁸ Ив. Велков. Могилна гробна находка при Торосъ. — ИАИ, XII, 1939, стр. 415—418, рис. 201.

⁷⁹ Б. Филов. Указ. соч., стр. 31—34.

⁸⁰ В. Миков. Надгробните могили в България. — «Археологически открития в България». София, 1957, стр. 240.

⁸¹ Т. Герасимов. Указ. соч., стр. 256, рис. 192.

⁸² К. Malkina. Zu dem skythischen Pferdegeschirrschmuck aus Craiova. — PZ, XIX, 1928, стр. 152—185.

всем другим признакам сходны с крайовскими, с одной стороны, и близки к украшениям конской узды из царских скифских курганов IV—III вв. до н. э., таких, как Чертомлык, Огуз, Козел и Краснокутский⁸³.

И. В. Яценко, разбирая предметы звериного стиля конских уборов IV—III вв. до н. э. из Нижнего Приднепровья, установила отличие их от подобных памятников других областей Северного Причерноморья и вместе с тем близость к предметам из Фракии⁸⁴. Она объяснила эту близость проявлением влияния скифской культуры на фракийскую. Накопление новых данных о скифо-фракийском зверином стиле как будто свидетельствует о том, что в оформлении комплекса конских украшений, характерных для степных скифов, какую-то роль сыграли предметы скифо-фракийского звериного стиля, производившиеся во Фракии. Однако окончательно вопрос о взаимодействии скифского и фракийского искусства можно будет решить после издания всех источников румынскими и болгарскими учеными.

Отсутствие данных не позволяет говорить о том, в каком месте древней Фракии производились конские украшения в скифо-фракийском зверином стиле. Если правы исследователи, считающие, что они были сделаны в районах, близких к металлургическим центрам Южной Фракии, то распространение этих вещей у гетов следует объяснять существованием тесных контактов между гетами и одрисами. Влияние одрисов на духовную и материальную культуру гетов прослеживается на основании многих других источников⁸⁵. Вместе с тем следует иметь в виду, что в настоящее время наиболее выразительные комплексы украшений происходят с гетской территории, из Добруджи и Северной Болгарии. Это позволяет предполагать, что конские украшения в скифо-фракийском стиле могли производиться гетами или в греческих колониях Западного Причерноморья, соседивших с гетскими землями.

Сопоставление всех известных в настоящее время археологических материалов VII—III вв. до н. э., оставленных гетами Нижнего Дуная, в том числе Добруджи и Северной Болгарии, свидетельствует о том, что материальная культура гетов, неизменно сохранявшая самобытный фракийский характер, была обогащена рядом скифских элементов. Появлению и распространению этих элементов у гетов способствовали не только скифские походы за Дунай и другие контакты между гетами и скифами, но и связи с родственными гетам фракийскими племенами — агафирсами Трансильвании и одрисами Центральной и Южной Болгарии. Отсутствие скифских курганов VI—III вв. до н. э. на Дунае и к югу от него, небольшое количество признаков, свидетельствующих о пребывании здесь скифов, не позволяют присоединиться к мнению некоторых румынских исследователей, говорящих о массовых скифских вторжениях за Дунай⁸⁶.

По-видимому, даже для IV в. до н. э., когда при Атее скифы проникли довольно глубоко во Фракию, и в более позднее время скифское население не составляло сколько-нибудь значительной группы на гетской земле.

⁸³ N. Schmidt. Указ. соч., рис. 18, 19.

⁸⁴ И. В. Яценко. О связях степных скифов с соседними племенами. Доклад на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии 1 февраля 1952 г. Информацию о нем см.: Н. Н. Погребова. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. — ВССА, 1952, стр. 27.

⁸⁵ D. Vergiu. Sint geții traci nord Dunăreni. — SCIV, XI, 1960, N 2, стр. 261 сл.

⁸⁶ Д. Попеску. Указ. доклад.

Э. А. РИКМАН, И. А. РАФАЛОВИЧ

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ
ЧЕРНЯХОВСКОЙ И РАННЕСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУР
В ДНЕСТРОВСКО-ДУНАЙСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Интерпретация черняховской культуры является одной из наиболее насущных задач советской археологической науки и предметом острых дискуссий в течение ряда лет. Как известно, некоторые исследователи приписывали ее то германским, то фракийским, то славянским племенам. Другие считают, что эта культура охватывала разноэтническое население, подвергшееся влиянию позднеантичной культуры.

Мнение о том, что ранние славяне являются создателями черняховской культуры, которая развивается вплоть до конца VII в. и постепенно перерастает в культуру Киевской Руси, высказано в работах М. Ю. Брайчевского и Е. В. Махно¹. М. Ю. Брайчевский пишет, что в левобережном Подунавье появление памятников черняховской культуры III—IV вв. н. э. объясняется расселением в этом районе славянских племен². Это утверждение не сопровождается анализом материала черняховских памятников Подунавья. Справедливая критика взглядов на позднюю дату черняховской культуры и ее перерастание в древнеславянскую высказана Д. Т. Березовцем³. В самом деле, на памятниках черняховской культуры Днестровско-Дунайского междуречья нет керамических комплексов, которые, по мнению М. Ю. Брайчевского, относятся к позднечерняховским памятникам. Сопоставление черняховской гончарной керамики с линейно-волнистым орнаментом с керамикой эпохи Киевской Руси с аналогичным орнаментом⁴ неправомерно, так как не учитывает наличия промежуточных по времени раннеславянских памятников VI—VII вв. н. э., встречающихся на той же территории, на которых нет гончарной керамики, а на лепных сосудах нет линейно-волнистого орнамента.

М. Ю. Брайчевский пытается доказать преемственность между черняховской и древнерусской культурами и на анализе ювелирного ремесла, ссылаясь на происхождение пальчатых фибул VI—VII вв. от двупластинчатых IV в. Однако двупластинчатые, как и пальчатые фибулы, не яв-

¹ Е. В. Махно. Ягнятинська археологічна експедиція. — АП, т. III, 1952, стр. 159.

² М. Ю. Брайчевский. К истории расселения славян на византийских землях. — ВВ, XIX, 1961, стр. 123; он же. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тыс. н. э. — СА, 1957, № 3, стр. 124.

³ Д. Т. Березовец. О датировке черняховской культуры. — СА, 1963, № 3, стр. 97—111.

⁴ М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тыс. н. э., стр. 124.

ляются принадлежностью только черняховской или раннеславянской культур. Двупластинчатые фибулы территориально распространены шире черняховской культуры и являются «южнорусской—дунайской» поделкой и широко известны в Европе⁵. В частности, пальчатые фибулы были распространены у гепидов⁶ и у аваров⁷. Таким образом, даже те немногочисленные конкретные сопоставления, которые мы находим у М. Ю. Брайчевского, на наш взгляд, не подтверждают его взглядов.

Б. А. Рыбаков называет черняховцев IV в. Днестровско-Прутского междуречья «тиверцами»⁸, связывая, таким образом, черняховскую культуру неразрывно с тиверской—древнерусской.

По мнению Г. Б. Федорова, памятники Днестровско-Прутского междуречья позволяют говорить о том, что славяне начинают просачиваться на территорию карпато-дунайских земель на рубеже новой эры, а в черняховскую эпоху составляют часть населения земель между Прутом и Днестром⁹. При этом Г. Б. Федоров ссылается на ряд письменных источников, из которых, на наш взгляд, бесспорны лишь данные, содержащиеся в Певтингеровых таблицах. Так, например, свидетельство Евсевия (314—340 гг. н. э.) о славянах Подунавья представляется нам, безусловно, поздней вставкой хотя бы потому, что упоминаемые вместе со славянами авары стали известны на Дунае лишь со второй половины VI в. Остальные сведения нельзя приурочить к определенной территории.

Выявляя черты сходства между черняховской и раннеславянской культурами, Г. Б. Федоров указывает на наличие в материалах Будештского могильника группы сосудов, сходных с раннеславянскими. Однако некоторые сопоставления кажутся нам спорными. Прежде всего это относится к оружию, малочисленность которого на черняховских памятниках не позволяет делать аргументированных выводов, к единичным находкам фрагментов черняховской керамики, близким, по мнению исследователя, к пшеворским и зарубинецким типам посуды.

Неправомерным кажется нам сопоставление трехбусинных височных колец из могильника Малоешты и черняховской керамики с линейно-волнистым орнаментом с древнерусскими трехбусинными височными кольцами и керамикой, так как они не известны на славянских памятниках VI—VII вв. н. э. и появляются только на рубеже VIII—IX вв.

Правильно указав на черты сходства в топографии поселений и конструкции полуземлянок, автор едва ли прав, говоря о сходстве печей: у черняховцев, в отличие от ранних славян, основным типом жилищ были крупные наземные дома с очагами, а печи отсутствовали¹⁰.

Отметив черты сходства между черняховской и раннеславянской культурами, Г. Б. Федоров приходит к правильному выводу о наличии лишь незначительного раннеславянского этнического элемента в среде носителей черняховской культуры. Автор правильно считает, что между обеими культурами нет генетической преемственности.

Заслуживает внимания попытка сопоставления черняховской и раннеславянской культур и выяснения их взаимоотношений, которую предпринял и В. В. Кропоткин. Сопоставляя тип поселений, жилища, керамику, характер могильников и степень развития денежного обращения, автор приходит к выводу о полном отсутствии генетических связей между черня-

⁵ J. Werner. Die Fibeln der Sammlung Diergardt. Berlin, 1961, табл. 20, 90—93, стр. 26, 27.

⁶ K. Horedt. Contribuții la istoria Transilvaniei. Sec. IV—XIII. București, 1958, стр. 52, рис. 7.

⁷ Там же, рис. 13, 15.

⁸ Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. — СА, 1962, № 4, стр. 67.

⁹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. — МИА, № 89, 1960, стр. 65.

¹⁰ Г. Б. Федоров. Указ. соч., стр. 170.

ховской и раннеславянской культурами¹¹. Обратив внимание на различие в площади черняховских и раннеславянских селищ и на отличия в конструктивных особенностях жилищ, В. В. Кропоткин допускает неточность, полагая, что в отличие от неукрепленных черняховских селищ раннеславянские поселения VI—VII вв. укреплены. Укрепленные поселения появляются у славян лесостепной зоны не ранее VIII в. и характерны главным образом для роменско-боршевской культуры¹². В. В. Кропоткин не приводит развернутых доказательств в пользу выдвигаемого им мнения о различии между черняховскими и раннеславянскими общинами. Противопоставляя биритуализм черняховских могильников трупосожжениям ранних славян, автор неправ, говоря, что для ранних славян характерны небольшие могильники. Следует вспомнить о могильнике Сэрата Монтеору, где насчитывается свыше 1500 трупосожжений¹³, хотя он и находится вне пределов рассмотренной автором территории. Нельзя поддержать В. В. Кропоткина в его мнении об отсутствии иноземной монеты на раннеславянских поселениях в качестве их особенности в отличие от черняховских поселений. Как будет показано ниже, на нескольких раннеславянских поселениях на территории Юго-Запада СССР¹⁴ и СРР иноземная монета найдена, хотя данных о денежном обращении пока нет. Будучи одним из первых исследователей соотношения черняховской и раннеславянской культур, В. В. Кропоткин правильно указал на некоторые существенные черты отличия этих культур, но выявил отличия в ряде случаев общо, а моменты сходства рассматриваемых культур не учел. Отмеченные недочеты, вероятно, объясняются слабой изученностью раннеславянских памятников VI—VII вв. в период написания работы В. В. Кропоткина.

В. Д. Баран, исследуя соотношение лепной керамики черняховских и раннеславянских памятников Верхнего Поднестровья и верховьев Южного Буга, пришел к выводу о сходстве форм лепной посуды черняховцев и ранних славян, при некоторых различиях в технологии производства. Эти наблюдения не привели автора к постановке проблемы генетического соотношения сопоставляемых культур¹⁵. Исследуя поселения черняховской и раннеславянской культур у с. Стецовка в Среднем Поднепровье, В. П. Петров указал на распространение раннеславянских памятников в тех районах, где раньше имелись черняховские памятники, но отметил отличия между обеими группами памятников: в топографии поселений, приемах домостроительства, в соотношении лепной и гончарной керамики. В. П. Петров отрицает возможность перерастания черняховской культуры в древнерусскую и справедливо считает, что между ними следует поместить раннеславянские памятники VI—VIII вв., которые, по его мнению, генетически не связаны с черняховской культурой¹⁶.

Румынские исследователи не считают носителей черняховской культуры славянами и почти единодушно полагают, что последние проникли на территорию РНР не ранее VI в. н. э., а в Трансильванию — в начале VII в.¹⁷ М. Матей отмечает, что в районе Сучавы до V—VI вв. н. э.

¹¹ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. — САИ, Г.4-4, 1961, стр. 31—32.

¹² И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий в бассейне р. Ворсклы. — СА, XV, 1951, стр. 42.

¹³ Ion Nestor și Eug. Zaharia. Săpăturile de la Sărata-Monteoru. — МСА, VII, 1961, стр. 513.

¹⁴ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, стр. 38. Монета Юстиниана I из Лопатны.

¹⁵ В. Д. Баран. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу. — МДАПВ, вып. 3, Київ, 1961, стр. 86, 87.

¹⁶ В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тыс. н. э. — МИА, № 108, 1963, стр. 209—233.

¹⁷ Zoltan Szekely. Nádoby pražského typu na slovanských sídliskách v sedmohradsku. — AR, roč. XV, seš. 3, 1963, стр. 346—348.

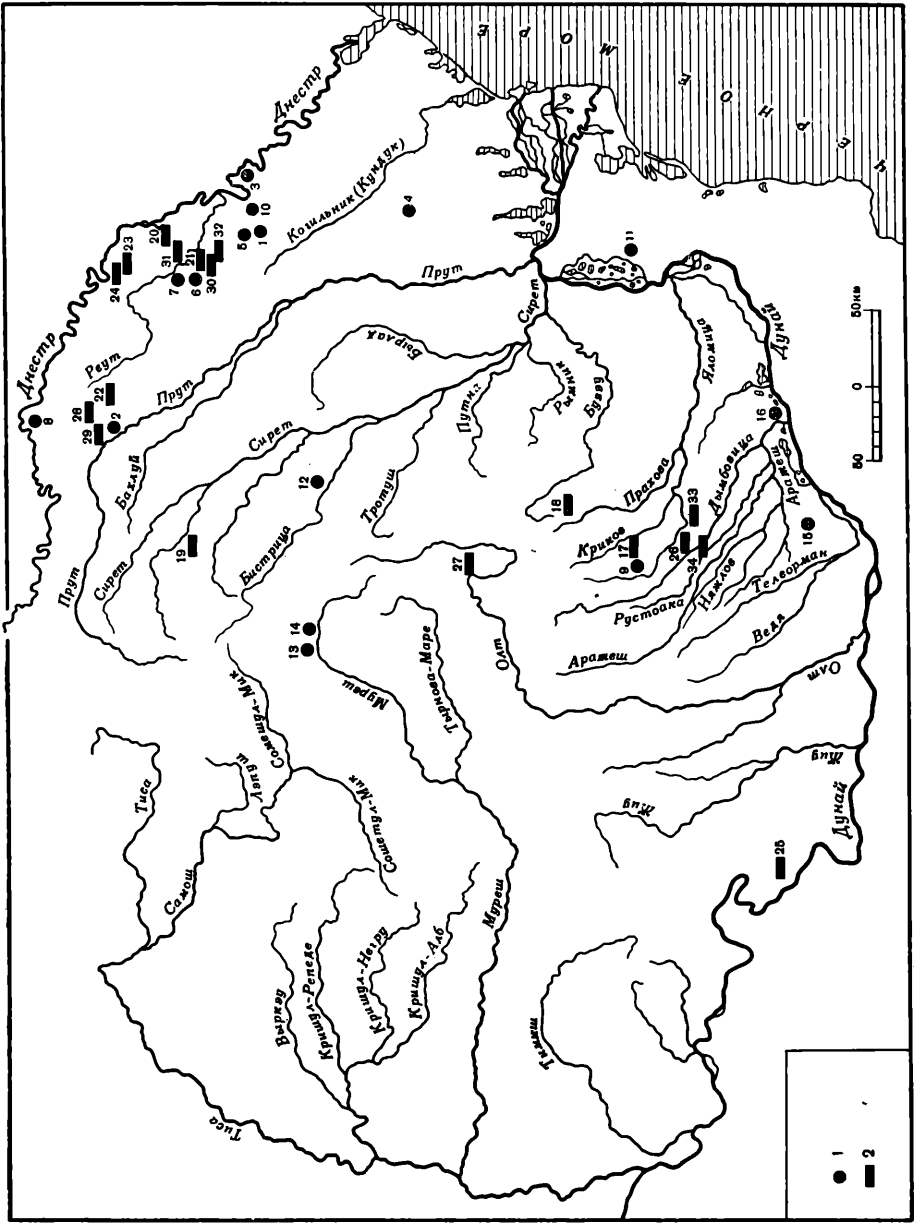

Рис. 1. Распространение памятников черняховской культуры и славян VI—VII вв. в Днестровско-Дунайском междуречье:

1 — памятники черняховской культуры; 2 — памятники славян VI—VII вв.

Памятники черняховской культуры: 1 — Будешты, 2 — Малешты, 3 — Делекау, 4 — Комрат, 5 — Загайканы, 6 — Лукшешка, 7 — Булав, 8 — Собарь, 9 — Тыршор, 10 — Балцаты, 11 — Пятра Фрикедей, 12 — Иаворе, 13 — Сягана де Муреш, 14 — Тыргу Муреш, 15 — Какалев, 16 — Сяндов

Раннеславянские памятники VI—VII вв.: 17 — Тыршор, 18 — Серата Монтеору, 19 — Сучава, 20 — Лопатна, 21 — Старый Ордей, 22 — Новае Браушаны, 23 — Алчедар, 24 — Одая, 25 — Балта Верде, 26 — Демарой, 27 — Селешур, 28 — Хуча, 29 — Старые Малешты, 30 — Браешты XIII, 31 — Скок, 32 — Браешты I

доживает керамика, близкая к черняховской, принадлежащая дакийскому населению, и что в эту эпоху местное население уже сосуществует с пришлым раннеславянским¹⁸; тем самым отрицается генетическая связь между черняховцами и славянами.

П. Аурелиан, исследовавший могильник Пятра Фрекэцей в Добрудже, отметил группу погребений, относящихся к черняховской культуре, которые датировал узким периодом от первых до пятого-шестого десятилетий IV в. н. э. Хотя этот могильник использовался непрерывно до VII в. н. э., автор раскопок не находит черняховских погребений позднее конца IV в. и не ставит вопроса о дальнейшем развитии черняховской культуры¹⁹.

Обнаруженный в последние годы материал раннеславянских памятников VI—VII вв. позволяет еще раз попытаться рассмотреть вопрос о соотношении черняховской и раннеславянской культур на территории Днестровско-Дунайского междуречья, которая до начала новой эры была колыбелью северофракийских племен. Перемещения племен в последних веках до нашей эры и в первые века нашей эры приносили в состав населения новые этнические элементы (кельты, бастарны, сарматы, германцы), но историческое развитие местного фракийского населения, как полагает ряд исследователей²⁰, не прекращалось. Днестровско-дунайские земли, в особенности Подунавье, в течение ряда столетий были местом, где разворачивались решающие исторические события, нашедшие освещение у древних авторов.

На изучаемой территории в Певтингеровых таблицах III в. н. э. отмечены венецы. Значит, археологические памятники III—IV вв. н. э., возможно, принадлежавшие и венедам, сопоставимы с последующими раннеславянскими памятниками и есть теоретическая возможность выявить в обеих группах памятников родственные черты, т. е. выявить возможный вклад славян в формировании черняховской культуры в исследуемом районе и возможные черты преемственности между черняховцами и славянами VI—VII вв. н. э.

Все изложенное выше дает основание попытаться изучить вопрос о соотношении черняховской и раннеславянской культур на материалах памятников Днестровско-Дунайского междуречья (рис. 1).

Для решения вопроса о взаимоотношении черняховской и раннеславянской культур важно правильно определить поздний рубеж черняховской культуры и начальный — раннеславянской. Одни исследователи полагают, что поздний рубеж черняховской культуры простирается до VII в., другие определяют дату возникновения раннеславянских памятников IV в. н. э. (П. И. Хавлюк)²¹ и пытаются обосновать сосуществование черняховцев и ранних славян на одних и тех же памятниках. Накопилось большое количество фактов, свидетельствующих о том, что черняховская культура Днестровско-Дунайского междуречья прекратила свое существование в конце IV или в самом начале V в. Поздний рубеж черняховских памятников отмечен находками фибул, амфор, стеклянных кубков и монет.

Так, наиболее распространенные на черняховских памятниках фибулы с подвернутой и подвзянной ножкой хронологически не выходят за рамки III—IV вв. В пределы этой даты укладываются единичные находки двупластинчатых фибул, хотя можно допустить их бытование и в начале V в. н. э. Этой же дате в основном соответствуют отдельные фибулы

¹⁸ Mircea D. Matei. Contribuții arheologice la istoria orașului Suceava. 1963, стр. 26—28.

¹⁹ Петре Аурелиан. Культура Черняхов—Сынтана де Муреш в Малой Скифии. — «Dacia», VI, 1962, стр. 235—255.

²⁰ М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. — СА, 1957, № 4, стр. 194; Г. Б. Федоров. Указ. соч., стр. 171—172; М. И. Артамонов. История хазар. М., 1962, стр. 47.

²¹ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. — МИА, № 108, 1963, стр. 341—342.

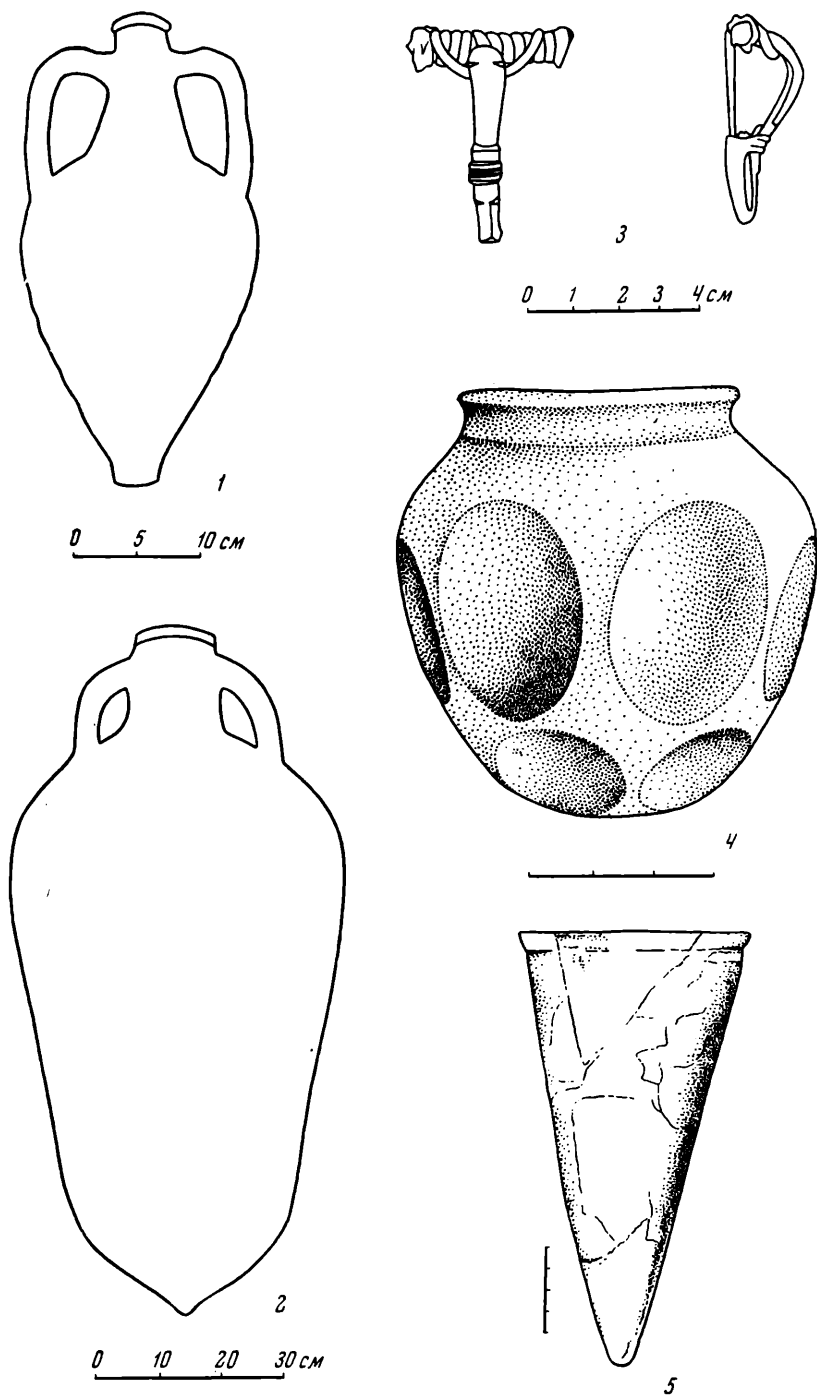

Рис. 2. Находки, датирующие памятники черняховской культуры:
 1, 2 — амфоры; 3 — фибула; 4, 5 — стеклянные сосуды. 1 — Олонешты; 2 — Делакэу;
 3 — Будешты; 4 — Елизаветовка; 5 — Малешты

с пластинчатым удлиненным приемником. Датировка их VI в. н. э., предложенная М. Ю. Смишко, представляется недоказанной²². Эти фибулы встречены на памятниках III—IV вв. н. э.

Наиболее поздний тип амфор, представленный на черняховских памятниках, из красной или желтоватой глины, с широким горлом, двумя небольшими ручками, связывающими горло и плечи, цилиндрическим туловом, переходящим в коническую ножку (Будешты, Делакеу, Комрат)²³.

Стеклянные кубки, обнаруженные на памятниках черняховской культуры, конические или цилиндрические, с полусферическим дном, украшенные вышлифованными орнаментальными овалами или шестиугольниками, также относятся к III—IV вв. н. э.²⁴ Лишь гладкие конические кубки, возможно, относятся к началу V в. н. э.²⁵ (рис. 2).

В рамки III—IV вв. н. э. укладываются находки кладов и отдельных монет на черняховских поселениях. Так, на черняховских поселениях Лукашевка и Будэй найдены клады монет второй половины IV в. н. э.²⁶ Аналогичные клады отмечены и на территории СРР²⁷. На селище Загайканы найден серебряный антониниан Гордиана III в.²⁸ На селище Лопатна найдена монета III в. Юлии Соэмии²⁹.

Материал для определения нижнего рубежа раннеславянской культуры сравнительно невелик. Я. Эйсер³⁰, Д. Бялекова³¹, Вл. Бернат³², Ю. В. Кухаренко³³, Г. Дьякону³⁴ и др. датируют раннеславянские памятники временем начиная с конца V в. Наиболее общепринятой и подтвержденной фактами датой для начала раннеславянской культуры является VI—VII вв. н. э. На ряде раннеславянских памятников (Сэрата Монтеору³⁵, Сушава³⁶ и др.) найдены пальчатые фибулы VI—VII вв. н. э. На раннеславянских памятниках найдены и крупные железные трехлопастные наконечники стрел VI—VIII вв. так называемого аварского типа (Сэрата Монтеору, Старый Орхей³⁷, Новые Братушаны III³⁸ и др.).

²² М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. — КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 78, 79, рис. 24.

²³ Наиболее близкая аналогия в позднеантичном материале см.: И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, стр. 121, табл. X, 103.

²⁴ A. Kiza. Das Glas im Altertume. Leipzig, 1868, рис. 378; H. J. Eggers. Zur absoluten Chronologie der römischen Keiserzeit in freien Germanien. — «Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums», 2 Jg. Mainz, 1955, рис. 61, В и С.

²⁵ Э. А. Сымонович. Стеклянная посуда середины I тыс. н. э. с Нижнего Днепра. — КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 25.

²⁶ В. В. Кропоткин. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. — «Нумизматика и эпиграфика», т. 1, М., 1960, стр. 215; А. А. Нудельман и Э. А. Рикман. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии. — ИМФАН, № 4 (31), 1956, стр. 147.

²⁷ B. Mitrea. Descoperiri recente de monede antice pe teritoriul Republicii Populare Romine. — SCIV, IX, N 1, 1958, стр. 154, 155.

²⁸ Э. А. Рикман. Селища первых веков н. э. у сел. Загайканы и Делакеу. — КСИА, 1962, вып. 90, стр. 65.

²⁹ Г. Б. Федоров. Указ. соч., стр. 79; В. В. Кропоткин. Клады римских монет. ..., стр. 95.

³⁰ J. Eisner. Devinska Nova Ves. Bratislava, 1952, стр. 366.

³¹ Darina Bialekova. Nové včasnoslovanské nalezky z juhozápadneho Slovenska. — «Slovenska Archeologia», X, 1, 1962, стр. 136, 137.

³² Wl. Bernat. Výzkumy objevj v zahraničí. — AR, roč. VIII, seš. 3, 1955, стр. 348—350.

³³ Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. — КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 33—38.

³⁴ Ch. Diaconu. Considerații preliminare asupra necropolei de la Tîrșor din sec. III—IV e. n. — SCIV, XI, N 1, 1960, стр. 56, рис. 4.

³⁵ I. Nestor și E. Zaharia. Указ. соч., стр. 511, рис. 1, 2, 5, 7.

³⁶ Mircea D. Matei. Die slawischen Siedlungen von Suceava. — «Slovenska Archeologia», X, № 1, 1962, стр. 157, рис. 6.

³⁷ Раскопки Г. Д. Смирнова в 1956 г.

³⁸ Хранится в археологическом Музее АН МССР.

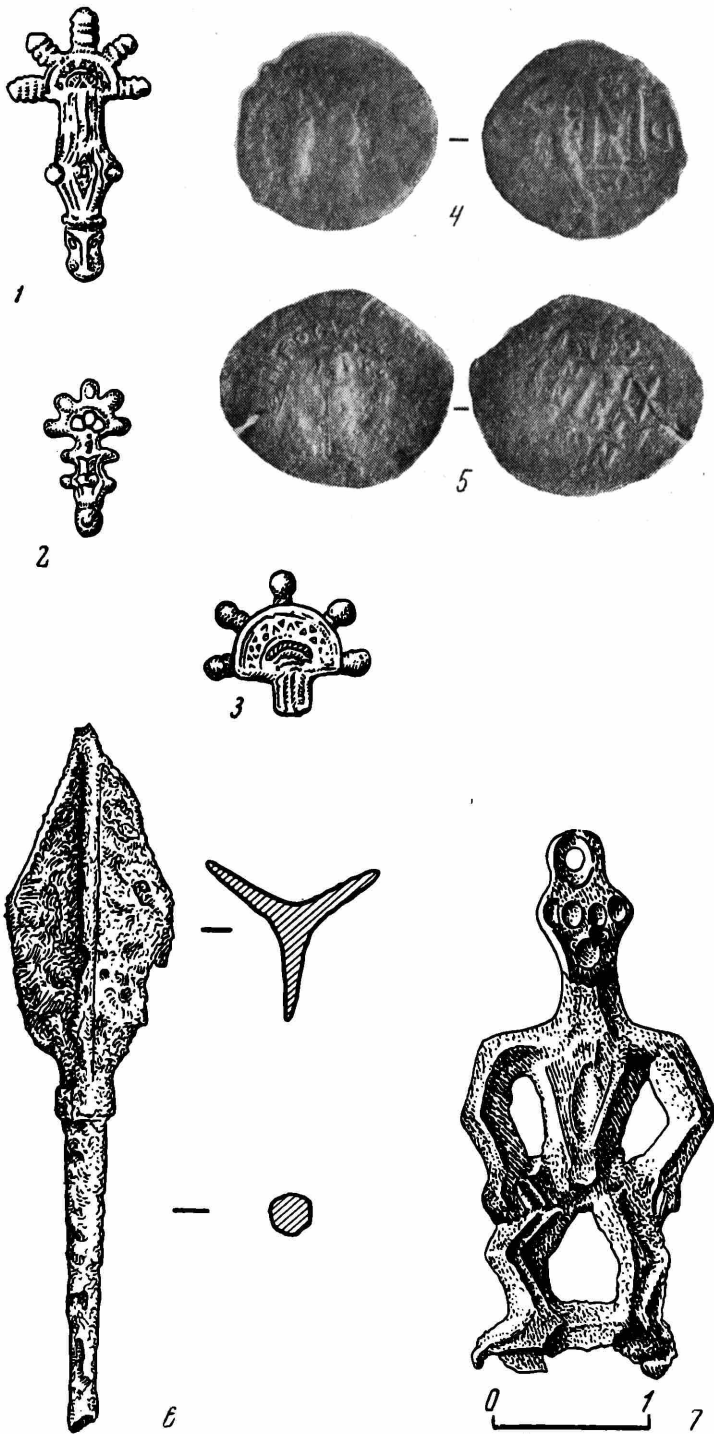

Рис. 3. Находки из раннеславянских памятников VI—VII вв.:

1—3—фибулы; 4—5—монеты; 6—наконечник стрелы; 7—антропоморфная фигурка.
 1—Дамарой; 2, 3—Сарата Монтеору; 4—Одая; 5—Алчедаг; 6—Новые Братушвалы;
 7—Старый Орхей

В раннеславянском слое городища Старый Орхей найдена бронзовая литая подвеска в виде фигурки человека³⁹, стилистически сходная с фигурками из Мартыновского клада VI—VII вв. н. э.⁴⁰ И, наконец, на поселениях Лопатна, Алчедар⁴¹, Одая, Балта Верде⁴², Дамарой, Коллентине, Николае Шэлэрь⁴³ найдены бронзовые непробитые монеты византийских императоров VI—VII вв. н. э.

На памятниках Днестровско-Дунайского междуречья (Сэрата Монтеору, Сучава, Бухарест, Балта Верде, Сэлашурь⁴⁴, Хуча, Старые Маляшты, Бранешты XIII и др.) обнаружена лепная посуда, аналогичная той, которая имеется на памятниках Чехословакии, Польши, Южной Белоруссии, Правобережной Украины, и единодушно датированная временем не позднее VII в., а главным образом VI—VII вв. н. э. В пределах изучаемого нами района на территории Карпато-Дунайских земель преобладает посуда так называемого пражского типа. В Поднестровье же наблюдается сочетание керамики типов: «пражского», «корчак» и «пеньковка», что может быть объяснено промежуточным положением Поднестровья между западно- и восточнославянскими землями.

По керамике, жилищам, украшениям раннеславянские памятники Днестровско-Дунайского междуречья входят в круг раннеславянских памятников VI—VII вв. н. э., распространенных на территории Польши, Чехословакии, Правобережной Украины и Белоруссии (рис. 3).

Таким образом, между черняховскими памятниками, которые прекращают свое существование в конце IV или в самом начале V в. н. э., и раннеславянскими памятниками, начало бытования которых относится к VI в., существует хронологическая лакуна по крайней мере в несколько десятилетий.

На территории Днестровско-Прутского междуречья открыто свыше пятисот поселений и могильников, относящихся к первым столетиям новой эры. Памятников второй половины I тыс. н. э. на этой же территории гораздо меньше: из 120 памятников VI—IX вв. только 22 могут быть отнесены к VI—VII вв. н. э. Таким образом, населенность междуречья во второй половине I тыс. н. э., на что обратил внимание Г. Б. Федоров, заметно сократилась.

И у черняховцев, и у ранних славян наблюдаются группы поселений, расположенных в непосредственной близости одно от другого («гнезда» поселений). Такие же «гнезда» отмечены для раннеславянских памятников и на территории лесостепной Украины⁴⁵. Гнездовое расположение поселений свидетельствует о сходных чертах общественного строя носителей черняховской культуры и ранних славян.

В топографии поселений черняховцев и ранних славян наблюдается целый ряд сходных черт: поселения не укреплены, расположены обычно на пологих склонах долин рядом с источниками питьевой воды, окружены удобными для земледелия пахотными землями. Благодаря этому черняховские селища бывают перекрыты раннеславянскими слоями, что отмечено на селище Лопатна⁴⁶.

Однако наблюдаются отличия в размерах поселений обеих культур. Черняховские поселения занимают обширные площади на склонах (до не-

³⁹ Раскопки Г. Д. Смирнова в 1956 г.

⁴⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 81—83, рис. 10.

⁴¹ В. В. Кропоткин. Новые находки византийских монет на территории СССР. — ВВ, XXVI, стр. 180.

⁴² D. Bergiu și Eug. Comșă. Săpăturile de la Balta Verde și Gogoși (1948 și 1960). — MCA, II, стр. 402.

⁴³ Г. Б. Федоров. Указ. соч., стр. 193 (сноска 75).

⁴⁴ Z. Székely. Указ. соч., стр. 346—348, рис. 110—111.

⁴⁵ Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясьмине. — МИА, № 108, 1963, стр. 197, рис. 22.

⁴⁶ Г. Б. Федоров. Указ. соч., стр. 285—290.

скольких га), раннеславянские поселения тяготеют к нижней части склона, иногда к пойме и площадь их незначительна (150—200 × 100 м). В то время как большое число черняховских поселений расположено на берегах крупных рек, раннеславянские селища обычно тяготеют к мелким и мельчайшим притокам этих рек и встречены на берегу Днестра только в одном случае (табл. 1).

Культурный слой на черняховских поселениях довольно значителен (до 1,6 м), а на исследованных раннеславянских памятниках VI—VII вв. н. э. культурный слой очень тонок и находки концентрируются только вблизи жилищ или в жилищах. Возможно, это различие объясняется прочной оседлостью черняховцев и подвижностью славянских племен в VI—VII вв.

Жилища черняховцев, как правило, наземные, довольно большой площади (до 150 кв. м), прямоугольные в плане, со стенами, представляющими собой глино-плетневую конструкцию. Наблюдаются характерные «большие» дома⁴⁷, делящиеся на жилую и хозяйственные камеры. Жилые помещения обогревались очагами, количество которых достигало двух (Будешты, Загайканы, Делакэу). Из общего количества исследованных жилищ первых столетий н. э. около 40 было наземных и только три — углубленных. Малое число углубленных жилищ на черняховских селищах Днестровско-Дунайского междуречья нельзя объяснить слабой изученностью этих объектов; на сводных планах ряда черняховских селищ (Будешты, Собарь, Комрат) выявлено расположение наземных жилищ, исключающее возможность представления о землянках как об основном виде жилища.

Раннеславянские жилища, известные на селищах Хуча, Малаешты, Бранешты XIII, Сучава⁴⁸, Бухарест⁴⁹, Тыргшор⁵⁰, — почти квадратной формы землянки, ориентированы обычно по странам света. Площадь не превышает 16 кв. м. В одном из углов землянок, у северной стены, находилась печь-каменка. Черняховские землянки при ряде сходных черт (площадь, форма, глубина) имеют и черты, отличающие их от раннеславянских. В землянках черняховцев пол и стены обмазаны глиной, отсутствует печь-каменка, которую заменяет очаг, находящийся в центре.

Таким образом, можно говорить о различиях между поселениями и жилищами черняховцев и ранних славян больше, чем о сходстве.

Как известно, для могильников черняховской культуры характерен биритуализм: сочетание труположений и трупосожжений. Соотношение обрядов в могильниках различно, причем процент труположений в могильниках со временем постепенно возрастает. В могильнике Будешты большинство трупосожжений концентрируется в центре могильника, а периферия его занята труположениями⁵¹. На территории карпато-дунайских земель черняховские могильники, которые румынские археологи датируют серединой III—IV в. или IV в. (Извоаре, Сынтана де Муреш, Тыргу Муреш, Какалец, Спанцов и др.), характеризуются преобладанием обряда труположений, сплошь и рядом перерастающего в моноритуализм⁵². В расположенных на той же территории раннеславянских могиль-

⁴⁷ Э. А. Рикман. К вопросу о больших домах на селищах черняховского типа. — СЭ, 1962, № 3.

⁴⁸ M. D. Matei. Contribuții. . ., стр. 28—30.

⁴⁹ S. Morintz, R. Roman, D. V. Rosetti și Gh. Cantacuzino. Săpăturile arheologice din București. — MCA, VIII, стр. 763.

⁵⁰ D. Popescu, N. Constantinescu, Gh. Diaconu și V. T. Teodorescu. Șantierul arheologic Țirgșor. — MCA, VII, стр. 640, 642, рис. 5.

⁵¹ Э. А. Рикман. Погребальные обряды Будештского могильника. — «Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР». Кишинев, 1964, рис. 1.

⁵² Ch. Diaconu. Probleme ale culturii Sintana—Cernecehov pe teritoriul R. P. R. în lumina cercetărilor din necropola de la Țirgșor. — SCIV, N 2, XII, 1961, стр. 280.

никах VI—VII вв. н. э. наблюдаются исключительно трупосожжения (Сэрата Монтеору⁵³, Балта Верде⁵⁴).

Таким образом, между черняховскими и раннеславянскими могильниками существует коренное различие. В характере трупосожжений черняховских и раннеславянских могильников наблюдаются черты сходства и различий. Черняховские и раннеславянские могильники лишены курганных насыпей или других внешних признаков. И у черняховцев и у ранних славян известны два основных типа трупосожжений: в урнах и в ямах. Вместе с тем соотношение обоих типов трупосожжений различно на черняховских и раннеславянских могильниках. Если в черняховских могильниках господствуют трупосожжения в урнах, то в раннеславянских — трупосожжения в ямах. Урны трупосожжений черняховских могильников обычно накрыты сосудами, а в раннеславянских могильниках изучаемой территории эта черта погребального обряда полностью отсутствует. Таким образом, при общем сходстве обряда наблюдаются и существенные отличия в процентном соотношении типов трупосожжений и в деталях ритуала.

Скудость материалов по одежде и украшениям из раннеславянских памятников не дает возможности широко сопоставить их с материалами черняховских памятников. Однако важность такого сопоставления заставляет нас обратиться к тем единичным предметам, которые известны из памятников указанного района.

Фибулы, широко распространенные у черняховцев, продолжали бытовать у древних славян. Как было сказано выше, пальчатые фибулы, обычные для славянских памятников VI—VII вв. н. э. (Сучава, Сэрата Монтеору), развились из дупластинчатых фибул, известных на черняховских памятниках Тыргшор⁵⁵, Малаешты⁵⁶. Надо оговориться, что пальчатые фибулы были распространены не только у древних славян, но и у германцев, аваров. Овальные пряжки, широко представленные на черняховских памятниках, сходны с одним из типов раннеславянских пряжек⁵⁷.

На некоторых черняховских памятниках (Будешты, Балцаты) найдены треугольные бронзовые и железные подвески, причем бронзовая подвеска из Балцат орнаментирована вдавленными треугольниками. Аналогичные подвески были широко распространены на раннеславянских памятниках Украины⁵⁸.

Отмеченные черты сходства в деталях одежды и украшений существуют на фоне значительных различий.

Гончарная керамика из черняховских могильников и поселений в настоящем исследовании не рассматривается потому, что на раннеславянских памятниках Днестровско-Дунайского междуречья гончарная посуда не представлена. Отдельные фрагменты гончарной посуды, найденной на раннеславянских поселениях, либо относятся к черняховским слоям поселений (Лопатна, Хуча и др.) или к более позднему периоду.

При раскопках на поселении VI—VII вв. н. э. Ханска II⁵⁹ в жилищах и окружающем культурном слое наряду с подавляющим числом фрагментов типично раннеславянской лепной посуды (горшки, сковороды, лепешницы и т. д.) найдено незначительное количество обломков гончарной посуды, относящихся к тому же комплексу и по характеру (тесто, обжиг, форма, цвет) приближающихся к одному из типов керамики памятников

⁵³ I. Nestor și E. Zaharia. Указ. соч.

⁵⁴ D. Berciu și Eug. Comșa. Указ. соч., стр. 403—405.

⁵⁵ Г. Диакону. К вопросу о культуре Сынтана—Черняхов на территории РНР в свете исследования могильника в Тыргшоре. — «Dacia», N. s., V, 1961, стр. 418.

⁵⁶ Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. — МИА, № 82, 1960, рис. 18.

⁵⁷ I. Nestor și E. Zaharia. Săpăturile dela Sărata—Monteoru. — МСА, VI, рис. 1, 4.

⁵⁸ В. В. Аулік. Матеріали з верхнього горизонту городища біля с. Зимне Волинської області. — МДАПВ, 3, Київ, 1961, рис. 5, 8.

⁵⁹ Раскопки И. А. Рафаловича в 1964 г.

черняховской культуры. М. Комша любезно сообщила авторам настоящей статьи, что подобные памятники с гончарной керамикой типа Чурел распространены в районе Бухареста и принадлежали местному неславянскому населению.

Лепная керамика для этнических определений представляет особый интерес, так как в ее производстве ярко проявляются черты этнических традиций. Сравнимые группы керамики характеризуются почти идентичной технологией: ленточная техника формовки, шамот, реже песок или толченый известняк в качестве примеси к тесту, неполный обжиг.

На черняховских памятниках Пруто-Днестровского междуречья процент лепной посуды невелик (Будешты, Делакэу, Комрат, Собарь — табл. 2), а на памятниках Карпато-Дунайских земель — ничтожен или она вообще отсутствует⁶⁰ (табл. 2). Лепная керамика черняховских памятников представлена горшками, кувшинами, мисками, бокалами. Ассортимент раннеславянской лепной посуды отличен. Кроме горшков и мисок, имеются такие характерные для раннеславянской керамики формы, как сковороды, лепешницы и жаровни.

Среди лепной керамики черняховцев и ранних славян основной формой является горшок. Набор лепных горшков на черняховских памятниках отличается большим разнообразием типов. Но сочетание этих типов меняется на разных памятниках.

В черняховской лепной керамике имеются формы, не встреченные на раннеславянских памятниках. В могильниках Будешты, Малаешты представлены формы горшков, обычно встречающиеся в сарматских могильниках. Эти горшки характеризуются небольшими размерами, яйцевидным туловом и тюльпанообразными венчиками. Не находят аналогии в раннеславянском материале горшки вытянутых пропорций, с яйцевидным туловом и загнутым вовнутрь краем. Нет в раннеславянском материале и небольших приземистых горшочков с раздутым туловом, широкими устьями и днищами, бокалообразных горшков усеченноконической формы, с широким устьем и узким массивным дном.

Но среди черняховских лепных горшков выделяются и сосуды, сходные с горшками типичных раннеславянских керамических групп, хотя тождества между ними нет (рис. 4). В первую очередь сюда относятся приземистые горшки, варьирующие по величине с широким устьем и туловом, наибольший диаметр которого приходится на середину высоты горшка. Такие сосуды встречаются, с одной стороны, в могильнике Будешты, а с другой стороны — на поселениях Хуча, Старые Малаешты, Бухарест, Тыргшор и т. д. К этому типу горшков примыкают широко представленные в могильниках Будешты и Малаешты горшки, отличающиеся от предыдущих лишь более вытянутыми пропорциями.

Среди керамики могильников Будешты и Малаешты, поселения Балабанешты встречен тип сосудов, отличающихся вытянутыми пропорциями, наибольший диаметр которых приходится на верхнюю треть тулова. Этот тип сосудов широко представлен и в раннеславянских памятниках лесостепной полосы Восточной Европы. В изучаемом районе он наблюдается в могильнике Сэрата Монтеору, на поселениях Сэлашурь, Старые Малаешты, Хуча, Бранешты XIII.

От горшков предыдущего типа отличаются сосуды с высокой горловиной и прямым венчиком, найденные в могильнике Будешты. Близких форм на поселениях VI—VII вв. не найдено, но на поселениях VIII—IX вв. этот тип горшков представлен весьма широко (Скок, Бранешты I, Одая). Для раннеславянских памятников VI—VII вв. харак-

⁶⁰ R. Vulpe. Izvoare. 1957; M. Bucur и др. Şantierul Şpauţov. — SCIV, IV, N 1—2, 1953, стр. 233.

терны горшки биконичной формы различной величины. Таких сосудов у черняховцев нет.

Миски, найденные и на черняховских (Будешты), и раннеславянских (Хуча, Незвиско)⁶¹ памятниках, сходны: они невысоки, края их обычно загнуты внутрь.

Общей чертой лепной керамики черняховских и раннеславянских памятников является отсутствие орнамента, хотя на очень незначительной части раннеславянских сосудов уже появляется орнамент в виде насечек палочкой по краю венчиков.

Особо следует остановиться на рельефной орнаментации черняховских и раннеславянских сосудов.

На трех сосудах из могильника Будешты под венчиками имеются по четыре орнаментальных выступа. Такие же сосуды отмечены неоднократно на памятниках первых веков нашей эры в карпато-днестровских и карпато-дунайских землях и рассматриваются румынскими археологами как поздняя гето-дакийская форма⁶². Орнаментальные выступы в незначительном количестве встречаются и на раннеславянских памятниках (Семенки⁶³⁻⁶⁴, Хуча).

Таким образом, несмотря на некоторые черты сходства лепной посуды черняховских и раннеславянских памятников, следует отметить различие в ассортименте лепной керамики обеих культур, тем более, что в ассортимент посуды черняховцев входит большое число форм круговой посуды. В разнообразии лепной керамики черняховских памятников, возможно, отразились влияния разноэтничного населения рассматриваемого района, о наличии которого неоднократно упоминали древние авторы.

По свидетельствам древних авторов, основную массу населения между Дунаем и Днестром в первых веках нашей эры составляли, как и в предшествующие столетия, местные фракийские гето-дакийские племена. Так, в Нижнем Поднестровье авторы I—II вв. н. э. неоднократно упоминают тирагетов (Страбон⁶⁵, Плиний Старший⁶⁶, Птолемей⁶⁷). В Карпато-Днестровских землях обитали многочисленные фракийские племена тагров и костобоков. Нижнее Подунавье занимали бессы, трибаллы, лаи и другие фракийские племена⁶⁸. На Певтингеровых таблицах, восходящих к III в. н. э., между Днестром и Дунаем показаны даки, геты и веныды и другие племена.

В первых столетиях новой эры, кроме фракийского населения, на землях между Днестром и Дунаем известны бастарны (певкины) сарматы, а затем готы, гепиды, герулы и тайфалы, которых нельзя исключить из числа носителей черняховской культуры.

По данным некоторых источников, в первые столетия новой эры в эту пеструю этническую среду проникли и славяне. Так, Тацит сообщает, что веныды «простирают свои разбойничьи набеги на все леса и горы, возвышающиеся между певкинами и финнами»⁶⁹. Учитывая то обстоятельство, что одна группа певкинов обитала в устье Дуная, а финны обитали на огромном расстоянии, районы, куда совершали набеги веныды, вряд ли можно определить с достаточной достоверностью. Кроме того, надо

⁶¹ Г. И. Смирнова. Раннеславянское поселение в с. Незвиско на Днестре. — «*Ramátky archeologické*», 1960, 1, стр. 227, 228.

⁶² Б. Митря. Могильники и погребение в с. Коконь (к вопросу о культуре Сынтана де Муреш — Черняхово). — «*Dacia*», III, 1959.

⁶³⁻⁶⁴ П. И. Хавлюк. Указ. соч., стр. 325, рис. 6, 1—7.

⁶⁵ «*География*», VII, 3, 17. — ВДИ, 1947, № 4, стр. 200.

⁶⁶ «*Естественная история*», IV, 82. — ВДИ, 1949, № 2, стр. 279.

⁶⁷ «*Географическое руководство*», III, 10, 7. — ВДИ, 1948, № 2, стр. 465.

⁶⁸ Т. Д. Златковская. Мезия в I—II вв. н. э. М., 1951.

⁶⁹ «*Германия*», 46. — В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II. Латинские писатели, вып. 1. СПб., 1904, стр. 250.

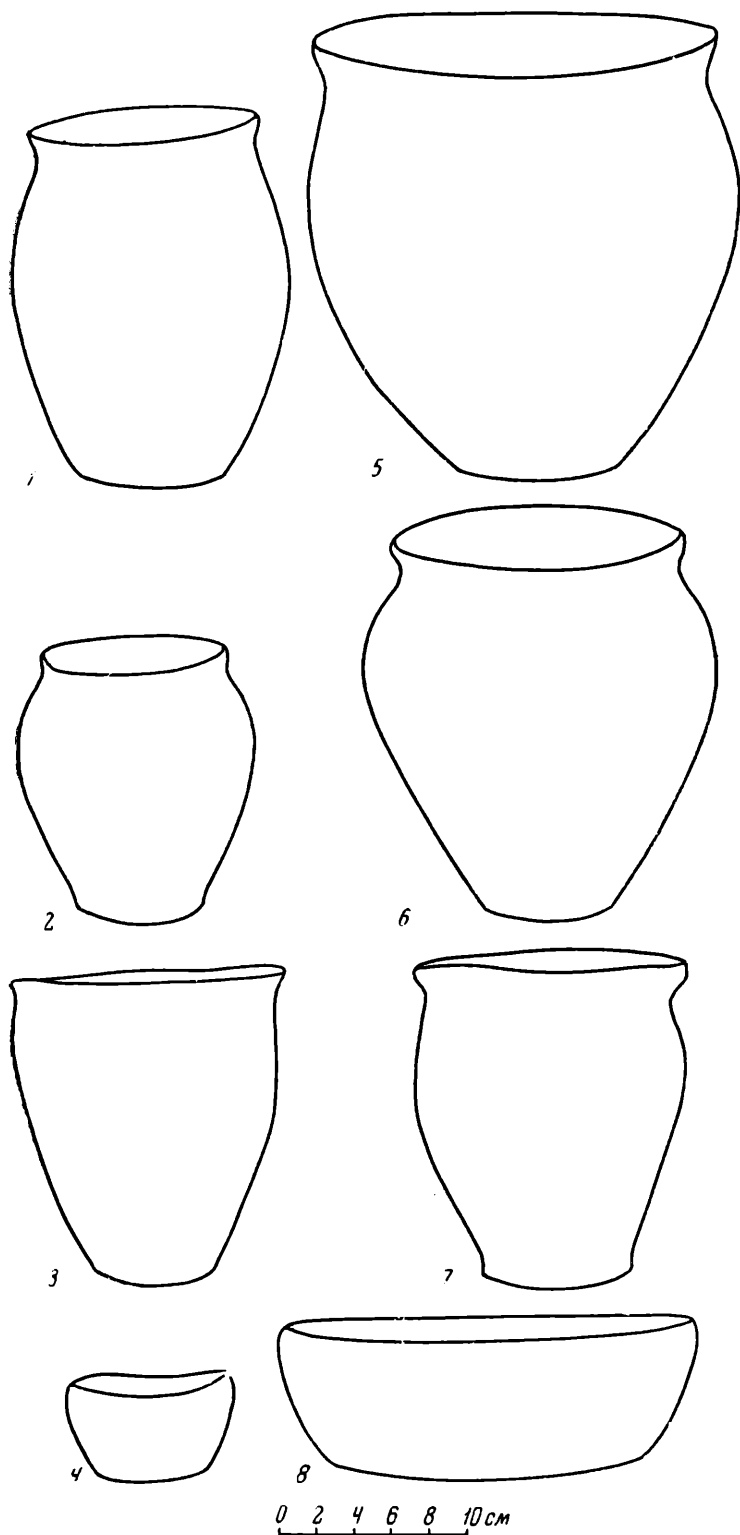

Рис. 4. Сходные формы лепной черняховской и раннеславянской посуды
 1, 2, 4 — могольвяк Будешты; 3 — селище Балабанышты; 5, 6, 8 — селище Хуча; 7 — селище Бранешты

учитывать, что, по данным Птолемея, к северу от Карпат обитала еще одна группа певкинов, и можно себе представить, что венедаы совершали свои набеги в районы между этой последней группой и финнами, что более вероятно. Более убедительны сведения, содержащиеся в Певтингеровых таблицах III в. На них между Днестром и Дунаем наряду с гетами и даками показаны венедаы.

Нет оснований для того, чтобы известие Иордана об антах IV в. и их борьбе с готами было приурочено к изучаемому району, хотя это и не исключено.

Таким образом, по крайней мере в III в. н. э. в многоплеменную массу населения, где основная роль принадлежала фракийцам, проникли и венедаы. Возможно, что и они были носителями черняховской культуры в упомянутом районе.

С конца IV в. сведения о гето-дакийском населении в землях между Дунаем и Днестром полностью исчезают⁷⁰, а с конца V в. внимание древних историков обращено к славянам, которые с середины VI в. играют решающую роль в судьбах балканских провинций Восточно-Римской империи. Исторические данные увязываются с археологическими: вслед за исчезновением в конце IV или начале V в. черняховской культуры на тех же землях появляются в конце V—начале VI в. поселения и могильники ранних славян.

Прокопий, Иордан, Псевдо-Маврикий оставили нам свидетельства о том, что интересующий нас район в VI в. заселялся славянскими племенами склавинов и антов. Так, Прокопий сообщает: «Они (славяне и анты. — Э. Р., И. Р.) живут на большей части берега Истра по ту сторону реки»⁷¹, т. е. к северу от Дуная. Свидетельство Иордана о Днестре как границе между склавинами и антами⁷² ценно еще и тем, что Днестр здесь показан как река, находящаяся в центре массива славянских племен.

В прямую связь со сведениями византийских историков о славянах в VI в. должны быть поставлены вновь открытые раннеславянские памятники VI—VII вв., расположенные на территории между Днестром и Нижним Дунаем.

Подводя итоги, следует отметить, что в материальной культуре черняховцев Днестровско-Дунайского междуречья (топографии, жилищах, керамике, украшениях, погребальном обряде и т. д.) наблюдаются некоторые черты сходства с культурой славян VI—VII вв. н. э. Выделяя эти сходные черты, необходимо подчеркнуть, что в отличие от раннеславянских памятников в черняховских памятниках эти элементы разрозненны. Кроме того, эти сходные признаки тонут здесь в массе черт культуры, не связанной со славянами — венедаами, упоминаемыми в Певтингеровых таблицах. Сопоставление антропологического материала из могильников черняховской культуры Поднепровья и древнерусского могильника X—XI вв. Бранешты, при значительном хронологическом разрыве, существующем между этими памятниками, указывает на глубокое различие антропологического типа. Это различие позволило М. С. Великановой говорить «об отсутствии генетической преемственности между населением черняховского времени и славянами и считать последних пришлыми на территории Поднепровья»⁷³.

⁷⁰ Позднее племенное наименование «геты» переносится на славян. Так, у Феофилакта Симокатты читаем: «Войска гетов, а иначе говоря, толпы славян...» («История», III, IV, 6).

⁷¹ Прокопий. Война с готами, III, 14, 22.

⁷² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, III, 34—35.

⁷³ М. С. Великанова. Антропологический состав населения Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. — Тезисы докладов первого симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. Кишинев, 1964, стр. 47, 48.

Таблица 1

Соотношение топографии и жилищ селищ черняховской культуры и раннеславянских

Поселение	Топография поселений			Количество жилищ		Площадь жилищ, м ²		Ориентировка жилищ		Наземные жилища		Углубленные жилища	
	расположение	площадь, м ²	мощность культурного слоя, м	наземные	углубленные	наземные	углубленные	наземные	углубленные	печи	очаги	печи	очаги
Делакю (чернях.)	На берегу р. Днестр	1000 × 100	До 1,6	13	1	От 24 до 96	6,3	ЗВ	С-Ю	-	+	-	-
Комрат I (чернях.)	На берегу р. Ялпук	380 × 120	До 0,6	8	1	От 33 до 153	6,4	СВ-ЮЗ	С-Ю	-	+	-	-
Хуча I (раннеслав.)	На берегу ручья при-тока р. Чу-гур	180 × 70	От 0 до 30	-	5	-	От 7 до 12,5	-	С-Ю	-	-	+	-
Старые Малаешты (раннеслав.)	Там же	220 × 85	То же	-	4	-	От 6 до 12,5	-	С-Ю	-	-	+	-

Отсутствие преемственности в основных категориях материальной культуры черняховцев и ранних славян между Днестром и Нижним Дунаем не позволяет считать раннеславянскую культуру VI—VII вв. н. э. прямым генетическим продолжением черняховской. Обычно исследователи, оспаривающие это положение, ссылаются на резкий упадок культуры, связанный с гибелью позднеантичной цивилизации, и на дальнейшее развитие черняховской культуры, вызвавшее появление новых ее особенностей. Однако контраст между обеими культурами настолько разителен, что о прямой генетической преемственности не может быть и речи.

Славянские поселения и могильники VI—VII вв. Днестровско-Дунайского междуречья появились в результате массового заселения этих земель в ходе Балканских войн.

Т а б л и ц а 2

Соотношение гончарной и лепной керамики на селищах черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья

Памятник	Найдено керамики (количество фрагментов)	Гончарная		Лепная	
		количество фрагментов	%	количество фрагментов	%
Собарь	985	980	99,5	5	0,5
Комрат I	9169	8827	96,2	342	3,8
Будешты	21000	20890	99,0	110	1,0
Делакву	10669	10428	97,8	241	2,2

М. С. ВЕЛИКАНОВА

К ЭТНИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
ПРУТСКО-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ
В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Палеоантропологическое изучение Прутско-Днестровского междуречья началось сравнительно недавно. В настоящее время из археологических раскопок получен палеоантропологический материал, который наряду с археологическими данными может быть использован при решении вопросов этногенеза¹.

Рассмотрим вначале некоторые из наиболее спорных вопросов обширной проблематики черняховской культуры в свете краниологических материалов из раскопок Будештского и Малаештского могильников².

Прежде всего, учитывая сведения древних историков, а также археологические данные, свидетельствующие об этнической пестроте населения Прутско-Днестровского междуречья в первых веках н. э., следует решить вопрос о степени однородности черняховского антропологического материала. Внутригрупповой анализ наиболее крупной серии черепов из Будештского могильника обнаруживает ее неоднородность. В основном мы встречаемся с грацильным мезодолхокранным европеоидным типом, определяемым как «средиземноморский».

Вместе с тем вполне отчетливо улавливается и другой морфологический комплекс, характеризующийся большей брахикранностью и широколицестью. Нетрудно показать, что в данном случае мы имеем дело не с нормальной изменчивостью признаков, а с примесью иного антропологического типа³. Ближайшие аналогии этого типа обнаруживаются в одной из групп сармат Поволжья — южной⁴ (рис. 5).

Для количественного определения доли сарматского компонента в черняховском населении наш материал недостаточен. По-видимому, она была невелика, так как не все брахикранные черепа (составляющие $\frac{1}{5}$ общего количества) можно считать сарматскими. Сарматское влияние, судя по

¹ Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. — СЭ, 1957, № 2.

² Э. А. Рикман. Могильник первых столетий н. э. у с. Будешты в Молдавии. — СА, 1958, № 1; Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. — МИА, № 82, 1960.

³ М. С. Великанова. Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии. — «Труды ИЭ», т. 71, 1961.

⁴ Г. Ф. Дебец. Материалы для палеоантропологии СССР (Нижнее Поволжье). — «Антроп. журн.», № 1, 1936; Н. М. Глазкова, В. П. Чтецов. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции. — МИА, № 78, стр. 295.

данным антропологии, не было одинаковым в разных районах распространения черняховской культуры. Ни в Малаештском могильнике, ни в могильниках Поднепровья сарматская примесь не обнаружена⁵. Помимо Будештского могильника только в Побужье, по данным очень небольшой серии из Косановского могильника, не исключена, по-видимому, некоторая сарматская примесь среди женских черепов⁶. Все это следует учитывать

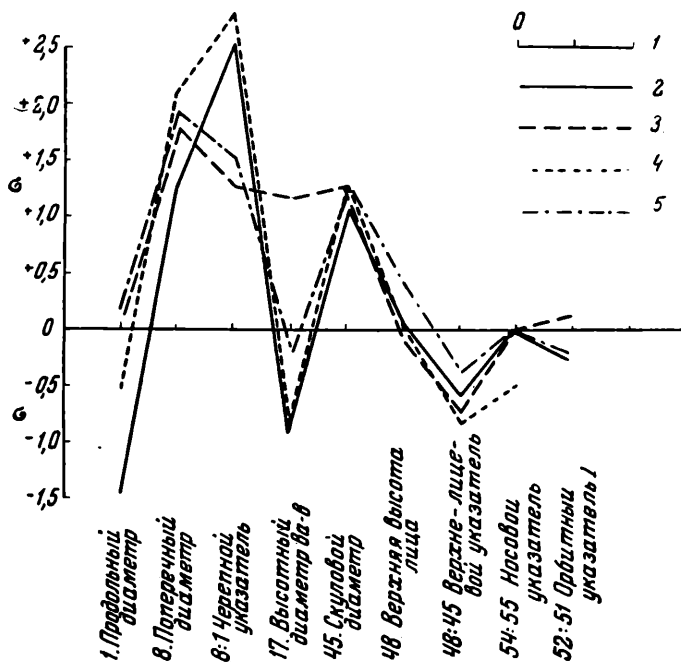

Рис. 5. Соотношение сармат и черняховцев Молдавии

1 — Будештский могильник (черняховцы); 2 — сарматская примесь из Будештского могильника; 3 — сарматы Бокановского могильника; 4 — сарматы Поводжы (астраханская группа); 5 — сарматы Украины (объединенная группа):

при определении роли сарматского этнического элемента в сложении черняховской культуры.

Сарматы известны в Прутско-Днестровском междуречье не только как компонент черняховского населения, но и как группа, сохранившая в большей степени свою этническую самостоятельность. В небольшой серии из Бокановского могильника II—III вв.⁷ в половине случаев черепа имеют искусственную кольцевую деформацию, которая сама по себе указывает на их сарматскую принадлежность. Что касается недеформированных черепов из этого могильника, то они также могут быть отнесены к одному из типов сармат — наиболее сходны с сарматами Украины⁸. Два черепа, полученные при раскопках сарматского могильника у с. Токмазея⁹, также оказались

⁵ Г. Ф. Дебелец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948; Т. С. Кондукторова. Палеоантропологический материал из могильника полей погребальных урн Херсонской области. — СА, 1958, № 2.

⁶ Г. П. Зиневич. Антропологические особенности древнего населения Украины. Автореф. канд. дисс. Киев, 1964.

⁷ Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. — ИМФАН, № 4, 1956.

⁸ Т. С. Кондукторова. Материалы по палеоантропологии Украины. — «Антропологический сборник, I. Труды ИЭ», т. XXXIII, 1956.

⁹ Раскопки Э. А. Рикмана в 1960 г.

деформированными. В черняховских могильниках Прутско-Днестровского междуречья не отмечено ни одного случая деформации черепа.

Этническую принадлежность основного антропологического типа черняховского населения определить сложнее. Исторические сведения и археологические данные дают основание приписывать его дакогетам, германцам и в какой-то мере славянам.

Вопрос о возможности выявления в материале из черняховских могильников германского элемента для территории Поднестровья решается отрицательно. Обе серии из Пруто-Днестровья, с их ярко выраженной грацильностью, обнаруживают вполне определенные отличия от североευропейского антропологического типа, который был, по-видимому, характерен как для готов, так и для большинства германских племен севера Европы.

Однако этот вопрос не решается столь определенно, когда мы рассматриваем антропологический состав черняховского населения в целом, на всей территории распространения культуры. По мере накопления черняховского антропологического материала становится возможной некоторая его дифференциация. Наряду с общим сходством всех серий выделяются также отдельные локальные варианты. Различия между ними, помимо наличия или отсутствия сарматской примеси, идут в направлении различий между северными и южными европеоидами.

Наиболее существенно уклоняются в сторону североευропейского типа черняховские серии из Трансильвании¹⁰ и Нижнего Поднепровья¹¹. Близки к ним также мужские черепа небольшой серии из Косановского могильника в Побужье¹². В этих сериях крупные абсолютные размеры черепной коробки сопровождаются средней и малой шириной лица — сочетание признаков, характерное для большинства германских средневековых групп¹³. Нижнеднепровская серия, например, очень близка к объединенной серии из рядовых могил Германии, которая хорошо представляет средневековое германское население¹⁴ (рис. 6). Таким образом, в перечисленных областях в отличие от Прутско-Днестровского междуречья антропологические данные не исключают присутствия значительного германского элемента в черняховском населении.

О фракийском элементе в черняховском населении мы не располагаем конкретными сравнительными данными. Антропологический тип гетов не известен. Однако могут быть учтены косвенные соображения. Геты являются древним коренным населением на территории Румынии и Прутско-Днестровского междуречья. Эта область с эпохи неолита входила в ареал, где преобладал средиземноморский антропологический тип¹⁵. Поэтому средиземноморский антропологический тип весьма вероятен у гетов, и, следовательно, в носителях этого типа в черняховское время можно с большой вероятностью предполагать местное коренное население, т. е. гетов. К этому можно добавить также, что в наибольшей степени проявляют «средиземноморские» черты именно серии с территории Прутско-Днестровского междуречья¹⁶. Таким образом, антропологические данные не противоречат представлению о фракийском происхождении основной массы

¹⁰ I. G. Russu, M. Şerban, N. Motioc. Cimitirul de la Sintana de Mures (sec. III—IV e. n.). Studiu antropologic. — «Studii şi cercetări de Medicină», 2, an. XII, 1961.

¹¹ Т. С. Кондукторова. Палеоантропологический материал из могильника полей погребальных урн Херсонской области.

¹² Г. П. Зиневич. Указ. соч.

¹³ Крупные размеры черепной коробки сближают указанные серии с типом некоторых скифских серий, однако для последних типично более широкое лицо.

¹⁴ G. M. Morant. A preliminary classification of european races, based on cranial measurements. — «Biometrika», v. 20 B, 1928.

¹⁵ Н. Хаас, К. Максимилиан. Антропологическое исследование окрашенных костяков из комплекса могил с охрой в Главенешти Векь, Корлэтенъ и Стойкань Четэцуе. — «Сов. антропология», 1958, № 4.

¹⁶ М. С. Великанова. Указ. соч.

населения черняховской культуры Прутско-Днестровского междуречья.

Рассмотрим, наконец, вопрос о возможности славянской принадлежности черняховцев. Взаимоотношение черняховской и славянской культур, столь по-разному оцениваемое различными исследователями, — проблема, с решением которой связано правильное освещение ранних этапов истории восточных славян. Понятно в связи с этим, что соотношение антропологического типа носителей черняховской культуры, с одной стороны, и славян — с другой, заслуживает самого внимательного рассмотрения.

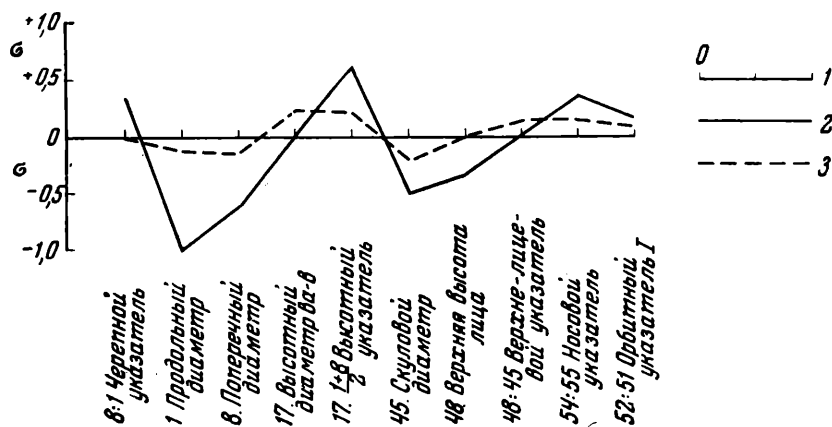

Рис. 6. Сравнение антропологических признаков черняховцев Прутско-Днестровского междуречья и Нижнего Поднепровья с германцами

1 — объединенная серия из рядовых могил Германии; 2 — объединенная черняховская серия из Молдавии; 3 — черняховская серия из Нижнего Поднепровья

Оговоримся заранее, что если бы антропологические материалы и показали генетическую преемственность славянского и черняховского населения, то это само по себе еще не могло бы рассматриваться как доказательство их этнокультурного тождества. События, изменяющие этнический состав и языковую принадлежность населения, не всегда проявляются в антропологических данных. Поэтому роль последних резко возрастает в том случае, когда удается обнаружить разрыв в цепи развития антропологических типов. Именно такого рода разрыв между физическим типом черняховцев и славян обнаруживается на территории Прутско-Днестровского междуречья.

Антропологический состав средневекового славянского населения этой территории стал известен только в самые последние годы — по материалам раскопок славянских могильников у с. Бранешты Молдавской ССР¹⁷ и у с. Василев Черновицкой области¹⁸. Сравнение черняховского и славянского краниологического материала Молдавии выявляет глубокие различия между этими двумя группами. Славяне представлены совершенно иным антропологическим типом: они более крупноголовые, более массивны, более широколицы, более широконосы и низкоорбитны¹⁹. Подобные отличия не могут быть объяснены изменчивостью во времени (эпохальной) в пределах одного и того же типа. Поэтому есть все основания утверждать, что между носителями черняховской культуры и славянами X—XI в. на территории Поднепровья генетические связи отсутствуют. По-видимому,

¹⁷ Г. Б. Федоров. Отчет об археологических раскопках Прутско-Днестровской экспедиции за 1962 г. Архив ИА, д. Р-1, № 2646.

¹⁸ Раскопки Черновицкого областного музея под руководством Б. А. Тимощука: в 1948 и 1959 гг.

¹⁹ М. С. Великанова. К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья. — СЭ, № 6, 1964.

славянское население пришло на территорию Прутско-Днестровского междуречья.

Однако, выходя за пределы этой территории, мы можем столкнуться и с несколько иным соотношением черняховского и славянского материала. Так, в Среднем Поднепровье различия между местными черняховцами и полянами VIII в. меньше, чем различия в Прутско-Днестровском междуречье (рис. 7). Сходство по ряду признаков этих двух групп позволяет предполагать известную роль черняховского элемента в сложении антропологического типа полян.

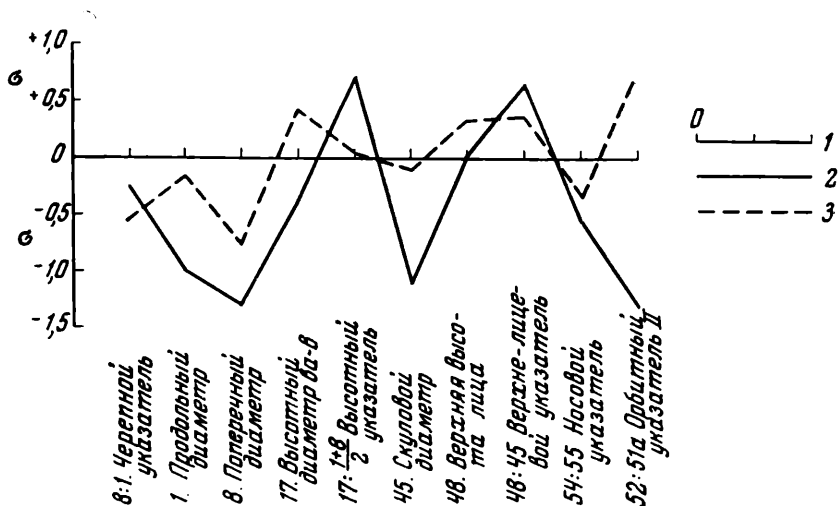

Рис. 7. Соотношение антропологических признаков черняховцев и славян в Прутско-Днестровском междуречье и Среднем Поднепровье

1 — славяне (Бранештский могильник, поляне); 2 — отклонение черняховцев от славян в Прутско-Днестровском междуречье; 3 — отклонение черняховцев от славян в Среднем Поднепровье

Но, независимо от большего или меньшего сходства между черняховцами и славянами в разных областях, существуют различия, которые отделяют все известные черняховские серии от всех восточнославянских. Анализ славянского краниологического материала позволил выявить признаки, отличающие восточных славян от некоторых антропологически близких групп²⁰. Для них характерен определенный тип пропорций лицевого скелета: с тенденцией к низколицести²¹, низкоорбитности и широконосости и высокий по отношению к общим размерам череп. Эти особенности выражены очень постоянно во всех восточнославянских племенных группах.

У черняховцев обнаруживается другой тип пропорций лица: они более высоколицы, высокоорбитны и более узконосы. Пределы колебаний групповых средних соответствующих указателей у восточных славян и черняховцев четко обособлены (рис. 8). Эти различия не позволяют видеть в носителях черняховской культуры восточных славян не только в Прутско-Днестровском междуречье, но и на всей территории распространения этой культуры. Необходимо, однако, подчеркнуть, что это положение относится только к восточным славянам и не распространяется на

²⁰ Там же.

²¹ В работе 1964 г. понижение лицевого указателя у восточных славян мы называли относительной широколицестью. Но, поскольку это понижение связано в основном с уменьшением высоты лица, правильнее говорить об относительной низколицести восточных славян.

западных. Вопрос о соотношении черняховцев с последними мы в настоящей статье не касаемся.

Окраинное положение Поднестровья на восточнославянской территории, сосуществование здесь древнерусских памятников с южнославянскими²² — все это требует выяснения места поднестровских славян в пределах всего средневекового славянства, что в свою очередь ставит вопрос об антропологических различиях трех больших делений славян.

Отмеченные особенности восточных славян отличаются от южных, и от западных. Последние одинаково уклоняются по типу пропорций лица и относительной высоте черепа в сторону германских средневековых групп. Именно на этом сравнительном фоне — западнославянском и германском, с численно большим материалом — и были выявлены особенности краниологического типа восточных славян²³ (рис. 9).

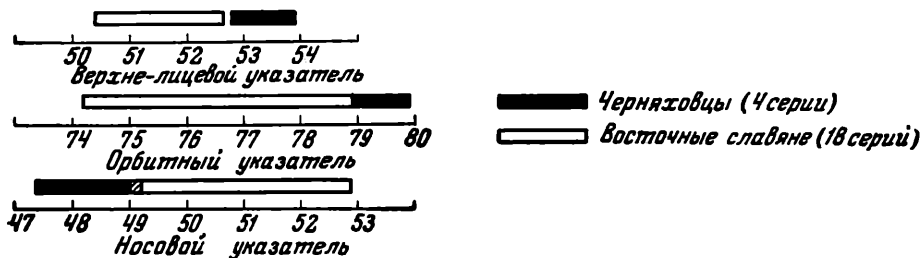

Рис. 8. Колебания средних величин указателей лицевого скелета у черняховцев и восточных славян

Происхождение восточнославянского комплекса относительной высокоголовости и низколицести в восточных районах можно было бы, видимо, связать с соответствующими признаками некоторых финских групп (Поломский, Цнинские и Средневожские могильники²⁴). Правда, средневековое финское население далеко не однородно в отношении рассматриваемых признаков; с другой стороны, одной этой связи явно недостаточно для объяснения универсальной высокоголовости, низколицести, низкоорбитности и широконосости славян на всей территории Восточной Европы.

Возможно, некоторый свет могут пролить антропологические особенности населения лесостепной полосы скифского времени, так называемых скифов-пахарей. Отличия этой группы от собственно скифов причерноморских степей считаются нереальными и трудно поддающимися истолкованию²⁵. Однако нам кажется существенным тот факт, что именно у лесостепных «скифов» обнаруживаются столь постоянные для восточных славян большая величина носового указателя и относительно низкое по указателю лицо (табл. 1).

У собственно скифов этих особенностей нет. Нет такого сочетания и у черняховцев. Если сопоставить эти факты с исследованиями, связывающими лесостепное население скифского времени с древнейшими

²² Г. Б. Федоров. Население Юго-Запада СССР в I—начале II тыс. н. э. СЭ, № 5, 1961.

²³ Отличие славян в целом от германцев по высоте черепа и носовому указателю было отмечено А. Шлицем в 1913 г. Эти признаки использовались для разграничения германских и славянских краниологических серий Г. Ф. Дебецем («Палеоантропология СССР») и неопубликованные данные, применившим вместо абсолютной высоты черепа более показательный смешанный высотный указатель ($17: \frac{1+8}{2}$).

²⁴ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.

²⁵ Т. С. Кондукторова. Изменение физического типа населения Украины от мезолита до средних веков. Доклад на VII МКАЭН. М., 1964.

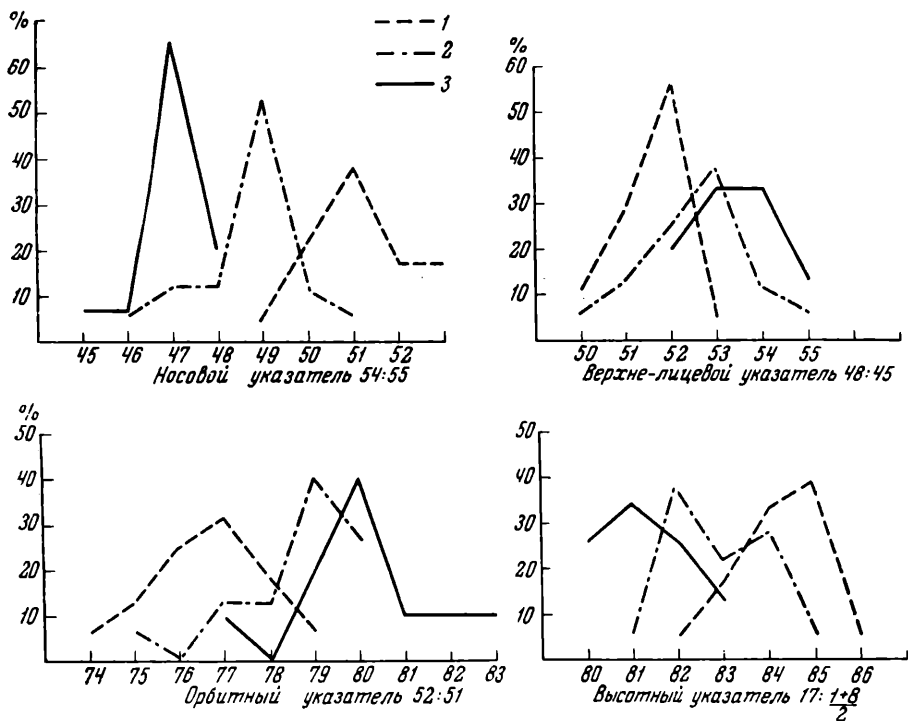

Рис. 9. Распределение групповых средних славянских и германских краниологических серий

1 — восточные славяне (18 серий); 2 — западные и южные славяне (17 серий); 3 — германцы (15 серий)

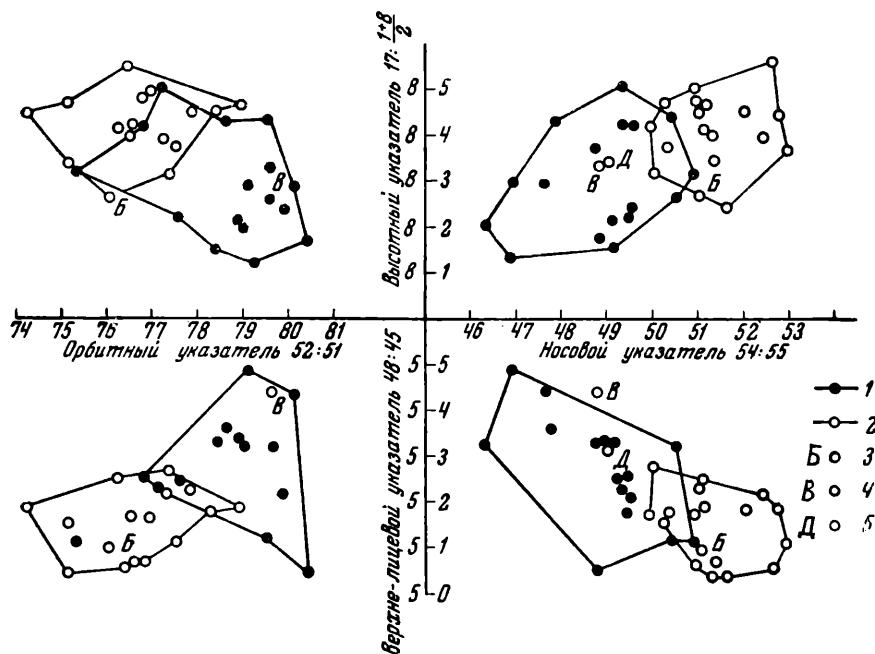

Рис. 10. Распределение краниологических серий восточных, западных и южных славян по указателям пропорций лица и высоты черепа

1 — западно- и южнославянские серии; 2 — восточнославянские серии; 3 — славяне из Бранштского могильника; 4 — славяне из Василевского могильника, 5 — древаие

Средние величины показателей лицевого отдела черепа у восточных славян и скифов

Указатели	Восточные славяне	Скифы		
	Средняя по 18 сериям и пределы колебаний групповых средних	Среднее Поднепровье (Дебец, 1948)	Нижнее Поднепровье, Никопольский могильник (Зиневич, 1964)	Крым, Неаполь Скифский (Кондукторова, 1964) *
54 : 55 Носовой	51,0 (49,0—52,7)	51,8	48,8	48,8
48 : 45 Верхнелицевой	51,6 (50,4—53,2)	51,9	54,5	53,6
52 : 51 Орбитный	76,8 (75,1—78,9)	—	79,0	81,0

* Т. С. Кондукторова. Населения Неполя скифского за антропологическими данными. — «Материалы в антропологии Украины», в. 3, 1964.

славянами²⁶, то они приобретают, как нам кажется, большой интерес в связи с проблемой этногенеза восточных славян.

Возвращаясь к славянам Прутско-Днестровского междуречья, мы обнаруживаем в среднеднестровской серии (могильник у с. Бранешты) ярко выраженный восточнославянский тип пропорций лица, в восточнославянских пределах лежит и величина относительной высоты черепа. Верхнеднестровская серия (могильник у с. Василев) показывает некоторый сдвиг в сторону западнославянских величин показателей пропорций лицевого черепа. Из всех восточнославянских племен подобное отклонение отмечено только у древлян (рис. 10). Обнаружение такой особенности в наиболее западных восточнославянских группах, граничащих с областями расселения западных славян, в известной степени даже закономерно. Археологические данные также указывают на существование западных связей в этих восточнославянских областях, в частности для древлян второй половины I тыс.²⁷

Устанавливая место поднепровских серий среди других групп восточных славян, воспользуемся типологией восточнославянских племен, основывающейся на различных сочетаниях ширины лица и черепного указателя²⁸. Обе поднепровские серии относятся к наиболее широколицему среди восточных славян типу, который установлен у древлян и западных кривичей. Есть основания считать, что морфологическое сходство перечисленных групп славян, расселенных в крайних западных районах восточнославянской территории, является отражением генетических связей между ними²⁹.

²⁶ А. И. Тереножкин. Прародина славян и лужицкая культура. — КСИА АН УССР, вып. 11, Киев, 1961.

²⁷ И. П. Русанова. Археологические памятники на территории древлян. — СА, № 4, 1958.

²⁸ Т. И. Алексеева. Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья. — «Вопросы антропологии», № 1, 1960.

²⁹ М. С. Великанова. К антропологии средневековых славян...

Таким образом, отношения между западными группами восточных славян можно представить себе следующим образом. Очевидно, существовала какая-то этногенетическая общность широколицых восточнославянских групп — славян Среднего и Верхнего Поднепровья и древлян. Однако исторические судьбы этих групп сложились таким образом, что древляне и верхнеднепровские славяне в наибольшей степени, чем среднеднепровские, восприняли или сохранили влияние западных славянских областей, тогда как среднеднепровские славяне таких влияний не испытали.

Вышесказанное намечает, как нам кажется, источники и пути славянского заселения территории Прутско-Днепровского междуречья.

П. П. БЫРНЯ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ПУТЬ ЗАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ
МОЛДАВИИ ВОСТОЧНОРОМАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ

В настоящей статье делается попытка проследить пути и время заселения волохами — предками молдавского народа территории Молдавской ССР.

Наиболее раннее упоминание о волохах — предках румынского и молдавского народов к северу от Дуная мы находим в «Повести временных лет» под 898 г. Летопись указывает, что венгры, придя с востока, устремились через Карпатские горы и стали воевать с волохами и славянами. Летопись отмечает, что заселенную славянами землю захватили волохи, изгнанные венграми, поселившимися здесь на земле, которая стала называться Угорской¹. Из этого отрывка явствует, что волохи в конце IX в. прожигали к западу от Карпат. Примерно на этой территории проживали волохи, упомянутые анонимным секретарем венгерского короля Бельи III (конец XII в.), который указывает, что в Паннонии, на Дунае и Тисе обитают славяне, болгары и волохи — римские пастухи («*as postores Romanorum*»)². Аноним упоминает три княжества X в., покоренные венграми: на юго-западе, видимо, в современном Банате, — Глада, на северо-западе Трансильвании — Менмурута, в районе Клужа — Джелу. Аноним указывает, что Глад выставил против венгров большое войско, опираясь на помощь печенегов, болгар и волохов³. После разгрома Менмурута и Глада венгры направились в глубь Трансильвании, где находилось княжество волохов и славян, во главе которого стоял волошский воевода Джелу⁴.

О земле волохов «*terra Blacorum*», упомянутой рядом с землей секуев, т. е. о Трансильвании, идет речь в двух грамотах, относящихся ко времени до 7 мая 1222 г.⁵

Еще одно упоминание о волохах в Трансильвании находим в грамоте, датированной 1224 г., которой венгерский король Андрей жалует тевтонскому ордену «лес волохов и печенегов» (*silva Blacorum et Bissenorum*) вместе с реками, чтобы тевтонцы пользовались ими совместно с волохами и печенегами⁶.

¹ Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 21.

² G. Pora-Litsea nu. Faptele ungarilor de secretarul anonim, al regelui Bela. — «Izvoarele Istoriei Românilor», vol. 1. București, 1934, стр. 80—81.

³ G. Pora-Litsea nu. Указ. соч., стр. 110.

⁴ Там же, стр. 95—96.

⁵ DIR, v. XI, XII, XIV. С. Transilvania, t. 1. București, 1951, стр. 184, 188.

⁶ Там же, стр. 209.

Таким образом, согласно всем приведенным отрывкам из письменных источников, волохи расселились на землях к западу от Карпат. Показательно, что в грамоте 1224 г. волохи упоминаются уже не совместно со славянами, а с печенегами, которые поселились в этой области в XI в. и обитали здесь как обособленная этническая группа до середины XIII в.⁷ Отсюда можно заключить, что славяне к XIII в. уже были ассимилированы волохами. Применение термина «земля волохов» позволяет предположить, что к XIII в. волохи обитали на довольно значительной территории Трансильвании. Этим исчерпываются известные нам данные письменных источников об обитании волохов на территории Трансильвании с конца IX до первой половины XIII в.

Румынские исследователи отмечают, что в Трансильвании до более позднего времени сохранились следы волошской автономии, о чем свидетельствует упоминание в источниках XIII и XIV вв. «земель» Бырсы, Алмаша, Марамуреша и др.⁸

Имеются, правда, не совсем точные, данные, свидетельствующие об обитании волохов за пределами Трансильвании, к юго-востоку и к востоку от Карпат. Так, византийский историк XII в. Иоанн Кинам указывает, что в период войны между Византией и Венгрией в 1166 г. император Мануил Комнен приказал своему войску атаковать Венгрию со стороны, соседящей с Понтом Евксинским, т. е. с востока⁹. Историк указывает также, что нападение должно было совершить большое войско и особенно неисчислимо множество волохов¹⁰. Упоминание «неисчислимого множества волохов» в составе византийского войска, а также вторжение этого войска в Венгрию со стороны нижнего Дуная позволяет предположить, что в данном случае речь идет о волохах, проживавших в Мунтении (Валахии), видимо, в восточной ее части.

Спорным является местонахождение волохов, упомянутых в сообщении византийского историка XII в. Никиты Хонията Акомината. Говоря о бегстве претендента на византийский престол Андроника в Галицию в 1164 г., Никита Акоминат указывает, что, когда Андроник достиг границ Галицкой земли и почувствовал себя в безопасности, «некие влахи, узнавшие о его бегстве, схватили его и хотели вернуть императору»¹¹. Полагали, что эти волохи проживали на территории между Днестром и Карпатами¹². Н. А. Мохов считает, что событие, описанное византийским историком, могло произойти только на территории Молдавии, т. е. к северу от Дуная¹³, не конкретизируя, в какой именно части Молдавии. Предполагают, что упомянутые волохи обитали на юге Молдовы или в восточной части Мунтении¹⁴. Следует отметить, что южная граница Галицкого княжества довольно точно определена В. Т. Пашуто, который указывает, что в Галицком Понизье — «поле», которое находилось к югу от южной границы Галицкого княжества, стояли города Плав, Кучельмин и др.¹⁵ Если принять, что южная граница Галицкого княжества проходила где-то недалеко от упомянутых городов, то волохов, о которых пишет византийский автор, видимо, следует локализовать в северной части Понизья, т. е. в северной части территории между Карпатами и Днестром. Это тем более вероятно, что в Понизье обитали, по мнению В. Г. Пашуто, различ-

⁷ P. Diaconu. Cu privire la problema căldărilor de lut în epoca feudală timpurie (sec. XI—XIII). — SCIV, 3—4, 1956, стр. 433.

⁸ Istoria României, т. II, стр. 47.

⁹ G. Pora-Lisseanu. Указ. соч., стр. 159.

¹⁰ Там же.

¹¹ G. Pora-Lisseanu. Указ. соч., стр. 139.

¹² История Молдавии, т. I. Кишинев, 1950, стр. 79.

¹³ Н. А. Мохов. Формирование молдавского народа и образование Молдавского государства. Кишинев, 1959, стр. 276.

¹⁴ Istoria României, т. II, стр. 110.

¹⁵ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. 1950, стр. 169.

ные племена: русские, кочевники, а также «выгонцы галицкие»¹⁶. Показательно также содержание грамоты от 14 ноября 1234 г., в которой епископ Григорий жалуется королю Беле, что в куманском епископате проживают люди, именуемые волохами (Walati), исповедующие православную веру. К этим волохам, указывается в грамоте, переходят венгры и тевтонцы из венгерского королевства, отказываясь от католической веры. Епископ Григорий просит короля заставить волохов принять нового католического викария и подчиниться ему¹⁷. Куманская епископия занимала территорию в северо-восточной части Мунтении и южной части Молдовы, т. е. область к востоку от Карпатских гор. Следовательно, грамота сообщает о волохах, обитавших к востоку от Карпат, на территории Молдовы. Проживание волохов в указанном районе подтверждается также сведениями от 1306—1307 гг. из летописи Оттокара Штирийского. Летописец, говоря о борьбе за венгерский престол после смерти Андрея III между Карлом Робертом и Отто Баварским, упоминает, что Отто Баварский, прибыв к трансильванскому воеводе Владиславу Кану, был пойман последним и выслан пленником к волошскому воеводе, правившему за Карпатскими горами. Через некоторое время Отто бежал в Галицкое княжество, а затем возвратился к себе¹⁸. Из этого отрывка можно сделать убедительный вывод о том, что княжество волохов в первой четверти XIV в. находилось в Молдове. Тот факт, что Отто бежал в Галицию, позволяет предположить, что «волошская земля» находилась недалеко от границ Галицкого княжества, т. е. в центре или на севере Молдовы.

Таким образом, на территории к востоку от Карпат волохи известны со второй половины XII в. Это позволяет предположить, что восточнороманское население проникло в Молдову из Трансильвании, где волохи упомянуты еще в конце IX в.

А. Филиппиде доказал, что территория Молдовы была заселена восточнороманским населением из Трансильвании¹⁹. Это положение было принято и В. Ф. Шишмаревым, который считал, что сначала была заселена Буковина, затем Молдова и, наконец, Бессарабия из Буковины²⁰.

Для уточнения пути продвижения волохов из Трансильвании к востоку от Карпат и этапов заселения ими территории Молдавии применен метод картографирования поселений с одноименными топонимами в Трансильвании и Молдавии. Карта составлена на основе того, что переселенцы, оседавая на новых местах, давали селам наименования покинутых ими поселений.

В молдавских грамотах XV в. упоминается ряд поселений, одноименных с трансильванскими селениями, известными с самого начала XIV в., но существовавшими и раньше (Надеш, Бахна, Петия, Бребь и др.). Эти топонимы, по данным Йоргу Йордана, и в настоящее время широко распространены в Трансильвании. Например, флороним «надаш» — венгерского происхождения и означает «камыш»²¹. Села с такими названиями и в настоящее время широко известны в различных областях Трансильвании: Клуж, Муреш, Марамуреш, Брашов и др.²² В Молдове в XV в. известно одно село Надеш в области Бэкэу.

Этнонимы «унгурашь» и «секуень» происходят от наименования венгров и секуев, обитавших в Трансильвании, и, несомненно, принесены в Молдову из-за Карпат. Села с наименованием «Секуень» известны в об-

¹⁶ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 169.

¹⁷ DIR C. Transilvania. T. I, стр. 275.

¹⁸ Istoria României, т. II, стр. 163.

¹⁹ A. Philippide. Originea Românilor, т. II, стр. 389.

²⁰ В. Ф. Шишмарев. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. — «Вопросы языкознания», № 1, 1952, стр. 89.

²¹ Iorgu Iordana. Toponimie românească, 1963, стр. 103.

²² Там же, стр. 103, 455.

ластях Кришана и Муреш в Трансильвании²³, а в Молдове — в областях Пятра Нямец и Бэкэу. В Трансильвании село Унгурашь известно в областях Клуж и Марамуреше²⁴, а в Молдове — в области Нямец.

Судя по карте одноименных топонимов поселений в Трансильвании и Молдавии (рис. 11), можно заключить, что восточнороманское население переселилось на территорию восточных предгорьев Карпат из четырех областей Трансильвании: Муреша, Кришаны, Клужа и Марамуреша.

Наибольшее количество населения, по данным карты, происходило, видимо, из Марамуреша. В связи с этим представляется интересным факт, что топонимам ряда поселений в Марамуреше, принадлежавших воеводе Драгошу (Бреб, Копашешть, Херничешть и др.)²⁵, соответствуют

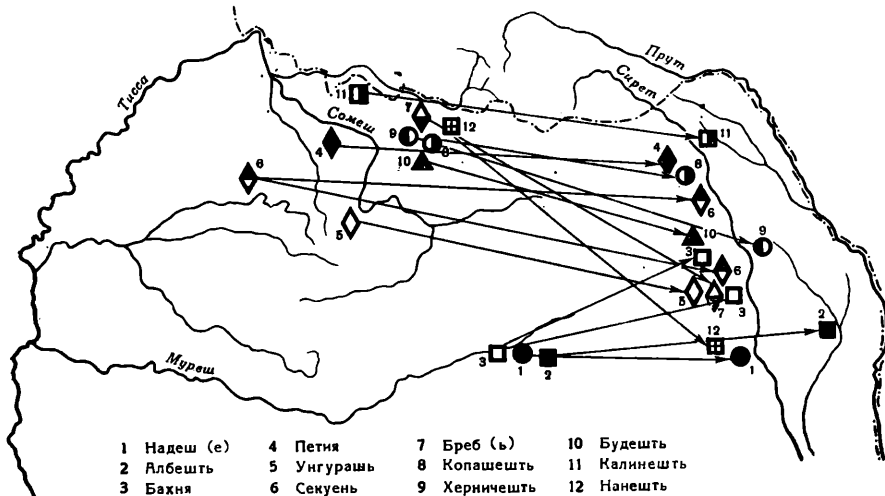

Рис. 11. Села с одноименными топонимами в Трансильвании и Запрутской Молдове

наименования поселений, расположенных на правых притоках Сирета — Молдове и Бистрице. Этот факт увязывается с содержанием легенды о воеводе Драгоше, который с дружиной, увлекшись погоней за туром, перевалил через Карпатские горы. Воины по разрешению короля вместе с их семьями поселились в Молдове²⁶. Совпадение топонимических и исторических данных, приведенных выше, служит обоснованием примененному в настоящей работе методу картографирования.

Переход населения через горы происходил по трем перевалам: переселенцы из области Муреш, осевшие в области Бэкэу, судя по карте, могли пройти по перевалам Ойтуз и Гимеш-Паланка. Путь переселенцев из северных областей Трансильвании проходил через перевал Прислон.

На карте (рис. 11) показан первый этап заселения восточнороманским населением предгорий Молдовы — Нямец, Роман и Бэкэу, который начался, вероятно, в первой половине XII в., так как письменные источники указывают, что во второй половине XII в. волохи уже проживали на этой территории. Процесс переселения был, видимо, одновременным с заселением Галиции, где, как отмечает В. Ф. Шишмарев, романское население появилось в XII в.²⁷ Процесс заселения этой территории, видимо, более интенсивный, продолжался и позже. Причину переселения следует видеть

²³ Там же, стр. 285.

²⁴ Там же, стр. 291.

²⁵ I. Mihailu. Diplome maramureşene din sec. XIV și XV. Maramureş—Sighet, 1900, стр. 37—38.

²⁶ ПСРЛ, т. IV. Воскресенская летопись. СПб., 1856, стр. 258—259.

²⁷ В. Ф. Шишмарев. Указ. соч., стр. 94.

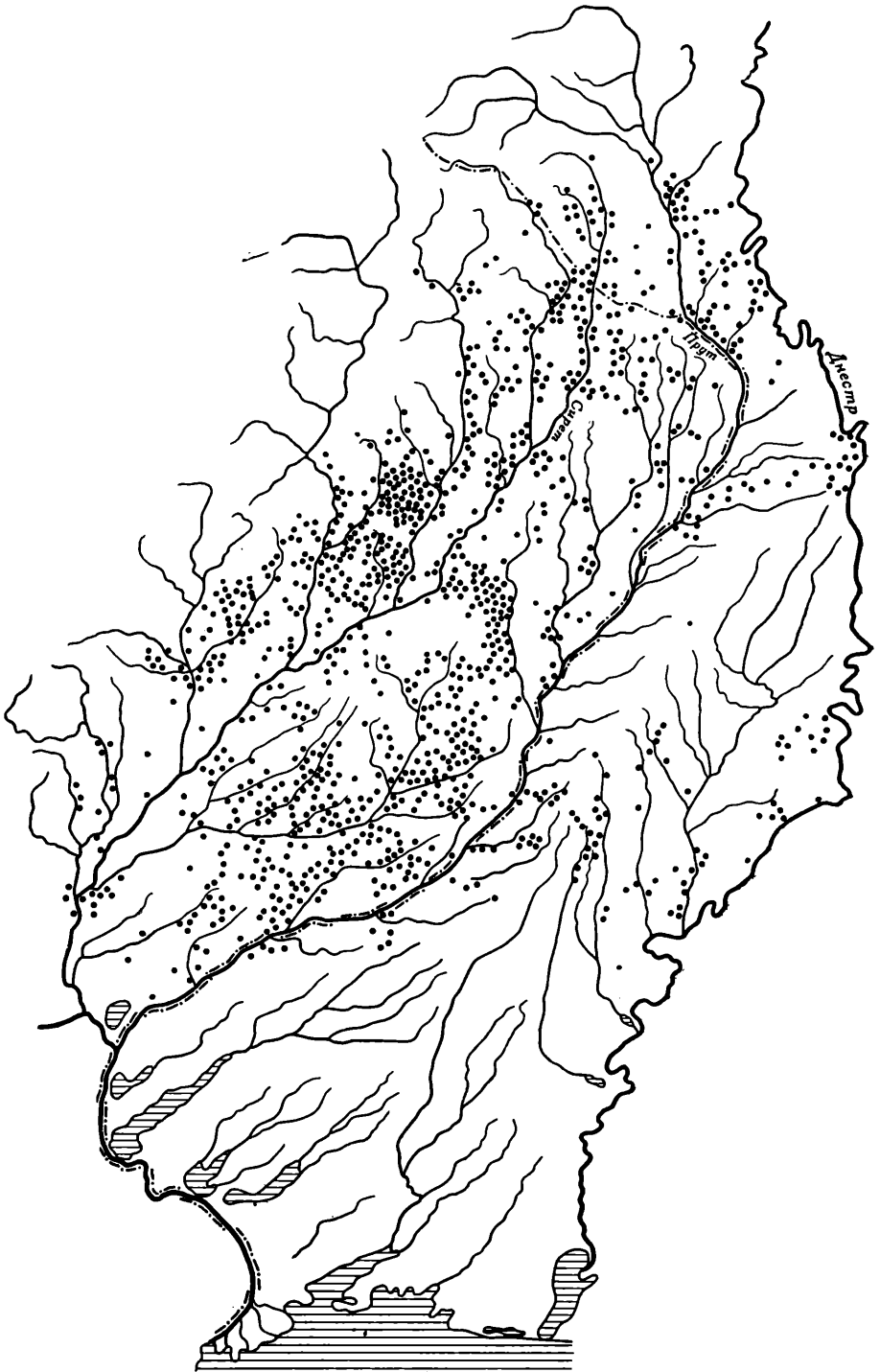

Рис. 12. Сельские поселения Молдавии XV в.

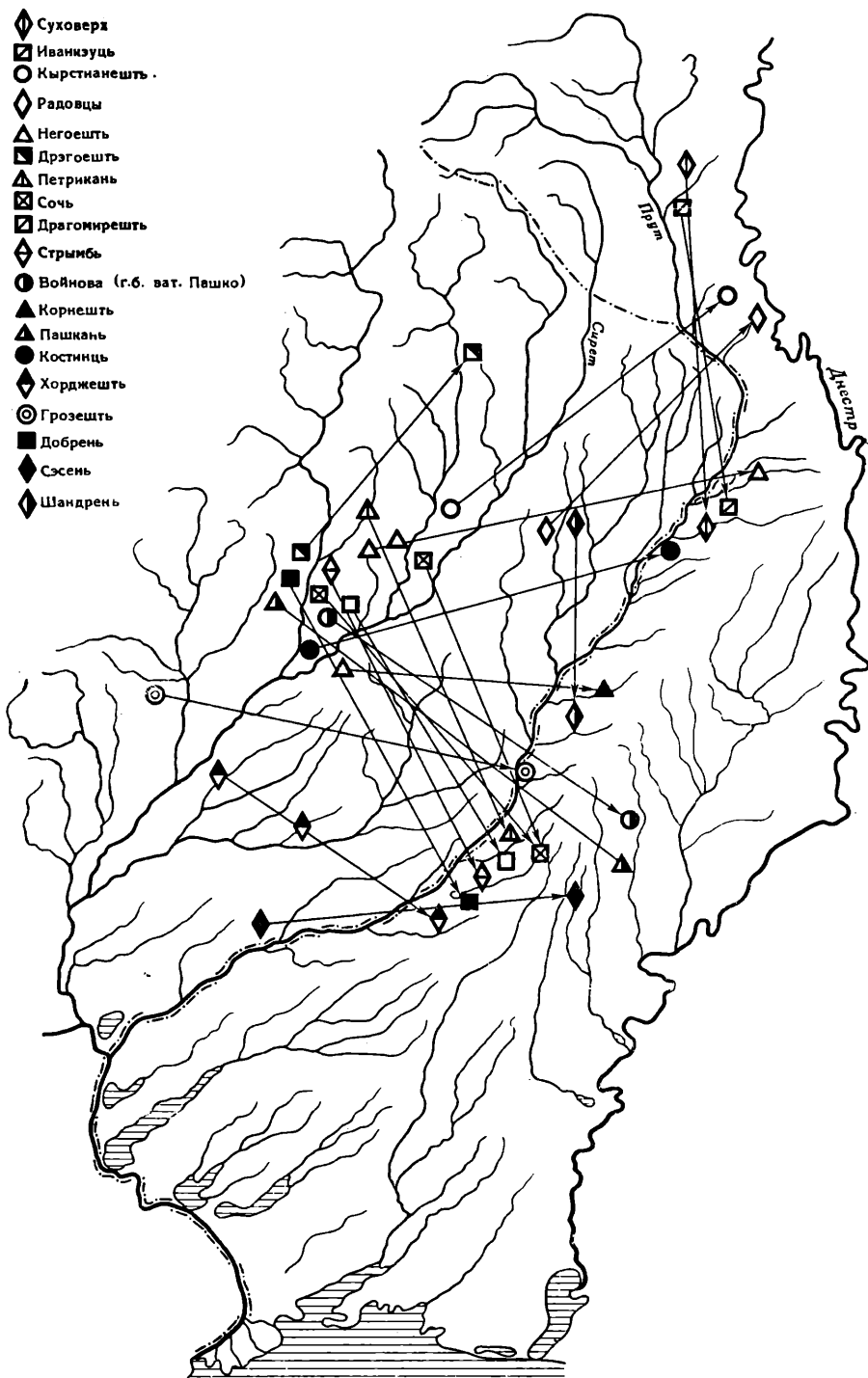

Рис. 13. Села XV в. с одноименными топонимами в Запрутской Молдове и Прутско-Днестровском междуречье

в экспансии венгерского королевства, причем венгры, начиная с конца XI в.²⁸, стали усиленно расселяться на территории Трансильвании. Восточнороманское население под нажимом венгров постепенно переселялось на восточные отроги Карпат, богатые пастбищами.

Наиболее густонаселенными в Молдове были области Нямц, Роман и Бэкэу (рис. 12). Из этих районов население продвинулось далее к востоку и осело в лесных областях северной и центральной частей Прутско-Днестровского междуречья, в основном в Кодрах и в бассейне р. Чугур. Это второй этап заселения Молдавии восточнороманским населением (рис. 13).

О заселении района Кодр восточнороманским населением свидетельствует значительное преобладание здесь в XV в. поселений с романскими топонимами над поселениями со славянскими названиями. Топонимы целого ряда поселений этого района одноименны с романскими топонимами сельских поселений упомянутых более западных областей Молдовы — Нямц, Роман и Бэкэу (рис. 13). Отсюда можно заключить, что основная масса восточнороманского населения пришла в Кодры из Запрутской Молдовы. Слабее, видимо, был поток переселенцев из Буковины, заселивших частично бассейн р. Чугура. Это была массовая колонизация восточнороманским населением малозаселенной и слабоосвоенной территории Прутско-Днестровского междуречья.

На основе вышеизложенного можно заключить, что заселение территории Молдавии проходило двумя этапами. К первому относится заселение западной части Молдовы населением из центральной, северной и северо-западной Трансильвании. Этот процесс происходил под нажимом венгерского королевства, видимо, в XII—XIII вв. Второй этап соответствует массовому заселению Прутско-Днестровского междуречья из Запрутской Молдовы и Буковины, происходившему в основном в XIV в.

²⁸ В. Ф. Шишмарев. Указ. соч., стр. 94.

Л. Л. ПОЛЕВОЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МОЛДАВСКОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ
(XIV в.)

В нумизматической и историко-экономической литературе нет единого мнения о происхождении молдавской денежной системы. И. Нистор указал на близость молдавской и польской денежных систем, полагая, что последняя зависит от западноевропейских¹; Е. Фишер² и Н. Йорга³ утверждали, что молдавская денежная система заимствована от немецкой. Н. Докан считал, что первые молдавские монеты чеканились по «русской монетной системе»⁴. По представлению И. Цабря, в начальный период чеканки молдавской монеты определяющим было влияние червоннорусской денежной системы⁵. К. Моисил, высказав в одной из своих ранних работ мнение об имитации первыми молдавскими монетами «галицких русских грошей»⁶, впоследствии проблему происхождения молдавской денежной системы оставляет открытой⁷. Такого же мнения придерживаются Г. Зане⁸ и И. Кондураки⁹.

В XI—XII вв. в юго-западной Руси и на территории Молдавии обращались византийские монеты, восточные диргемы, западноевропейские брактеаты, появляются денежные гривны и рубли. В XIV в. до начала чеканки молдавских монет основным средством обращения в Молдавии служили пражские гроши и червоннорусские монеты. Вплоть до второй половины XIV в. денежное обращение Молдавии составляло часть денежного обращения юго-западной Руси¹⁰.

В основе денежно-весовой системы юго-западной Руси с древнейших времен лежала денежная серебряная гривна. Со второй половины XIII в.

¹ I. Nistor. Handel und Wandel in der Moldau. Czernowitz, 1912, стр. 119—120.

² E. Fischer. Beitrag zur Münzkunde des Fürstenthumes Moldau. Czernowitz, 1901, стр. 5.

³ N. Iorga. Istoria românilor prin călători, vol. I. București, 1928, стр. 107—108.

⁴ N. Docan. Noița despre monetele lui Petru Mușat. — AAR, ser. II, t. XXX, mem. sect. ist., стр. 119.

⁵ I. Țabrea. Influențe externe asupra primelor monete moldovenesti. — CNA, N 131—132, 1944, стр. 274—277.

⁶ C. Moșil. Contribuțiuni la istoria monetăriei vechi românești. — BSNR, 1915.

⁷ C. Moșil. Probleme de numismatică românească. — AAR, mem. sect. ist., ser. III, t. XXII, 1941, стр. 237—241.

⁸ G. Zane. Economia de schimb în principatele române. București, 1930, стр. 44.

⁹ I. Condurachi. Istoricul sistemelor monetare în Țările române până la 1867. București, 1934, стр. 15.

¹⁰ Л. Л. Полевой. К истории денежного обращения в Юго-Западной Руси и Молдавии. — ИМФАН, № 5 (25), 1955, стр. 85—88.

здесь распространяется новгородский счет. Вес гривен в кладах XIII—XIV вв. колеблется в пределах 204—195,5 г¹¹. В это же время в юго-западной Руси распространяются литовские серебряные слитки средним весом 196—204 г, имевшие общую метрическую основу с русской денежно-гривенной системой¹². Медленное обесценение гривны приводит к тому, что в середине XIV в. она весит в среднем 195 г¹³. Вместе с гривнами в обращении находились рубли — 1/2 гривны — 97,5 г.

Принятый в Червонной Руси денежно-весовой счет на копы, включавшие 60 единиц, отразился в денежной системе. Средний вес чеканившихся в середине XIV в. червоннорусских полугрошей составлял 1,57 г¹⁴. Средний вес грошей должен был составлять 3,15 г. Если учесть 3%-ную скидку в весе на чеканку, то из гривны в 195 г должны были чеканиться 60 грошей или 120 полугрошей¹⁵. Денежно-счетная гривна, служившая одновременно денежной стопой, приравнивалась к соответствующему числу грошей и полугрошей. Помимо серебряных монет, в Червонной Руси чеканилась неполноценная медная монета, соотношение которой с серебряной пока не выяснено.

Таким образом, денежно-весовая система Червонной Руси строилась по следующему принципу: 1 гривна = 2 рублям; 1 рубль = 60 номинальным полугрошам. Соответственно монетная система выглядела так: 1 гривна = 2 рублям = 120 червоннорусским грошам = ? медным монетам.

Начало чеканки молдавской монеты связано с социально-экономическими и политическими сдвигами в карпато-днестровских землях, обусловившими появление Молдавского княжества. Формирование местной денежной системы отвечало нуждам развивавшегося товарно-денежного обращения на внутреннем и внешнем рынках.

Трудности, связанные с классификацией молдавских монет, не позволяют уверенно говорить о времени начала их чеканки. Общепринято мнение, высказанное К. Моисилом¹⁶ и поддержанное И. Цабря¹⁷, что первые молдавские монеты появляются при государе Петре I Мушате (1375—1391). В это время молдавская монета становится основным средством обращения и довольно широко распространяется в соседних странах, с которыми Молдавское княжество вело торговлю¹⁸. Поэтому можно уверенно говорить о начале при Петре I Мушате широкого обращения молдавской монеты и оформлении основ денежной системы.

Так же как и в юго-западной Руси, в Молдавии конца XIV—начала XV в. употреблялись в качестве денежно-весовых единиц гривны и особенно рубли. Гривна, по-видимому, постепенно начинает выходить из употребления. В молдавских документах этого времени она упоминается сравнительно редко, скорее всего как счетно-весовая единица серебра (возможно, монет), уплачиваемого в виде «завезки» — штрафа: «...Н (50)

¹¹ А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древним кладам. — ТМНО, т. II, вып. 2, 1900, стр. 172.

¹² Г. Б. Федоров. Топография кладов с литовскими слитками и монетами. — КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 70, 72; он же. Классификация литовских слитков и монет. Там же, стр. 114.

¹³ Г. Б. Федоров. Происхождение московской монетной системы. — КСИИМК, вып. XVI, стр. 120.

¹⁴ В. А. Ульянички. Монеты, чеканенные польскими королями для Галицкой Руси в XIV и XV вв. — ТМНО, I полутом, 1893, стр. 128.

¹⁵ В XIV в. в Червонной Руси чеканились только полугроши, эти номинальные полугроши назывались в документах *grossi ruthenicales*, т. е. грошами.

¹⁶ С. Moisil. Istoria monetei în România. — CNA, N 9—10, 1927, стр. 64.

¹⁷ I. Tabrea. Указ. соч., стр. 265—266.

¹⁸ Л. Л. Полевой. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII—XV в. — ИМФАН, № 4 (31), 1956, стр. 93—94.

гривен серебра»¹⁹; в гривнах же оценивается товар, с которого взимается таможенная пошлина²⁰.

Рубль распространяется в Молдавии шире гривны. О нем можно говорить более определенно, что это была не только счетно-весовая, но и денежная единица — слиток серебра: «...рубли чистого серебра»²¹ или «...рубли литого серебра»²². Вероятно, существовали и полурублевые слитки серебра, употреблявшиеся, в частности, при торговых расчетах, уплате таможенной пошлины²³.

В молдавских документах XIV—первой половины XV в. — торговых привилегиях, дарительных, подтвердительных и других актах — часто упоминается и грош, бывший наиболее распространенной денежной единицей²⁴. В грошах выплачивались таможенные пошлины, совершались самые разнообразные платежи. Помимо серебряных грошей, в Молдавии чеканилась также мелкая разменная медная монета. Соотношение между серебряной и медной монетами пока неясно.

Денежно-весовая система Молдавии XIV—XV вв., так же как и юго-западной Руси, знала счет на копы, т. е. 60 единиц. Еще в 1460 г. молдавский господарь Стефан III указывал в своем привилее львовским купцам, освобождая их от уплаты мыта в Белгороде: «... чтобы не давали ни пиньяз, хоте от тысяча коп»²⁵.

Сходство денежно-весовой терминологии юго-западной Руси и Молдавии не случайно, а, вероятно, отражало реальную общность путей их экономического развития, денежного обращения. Эта общность должна была также выразиться в сходстве их денежных систем.

Нами сделана попытка реконструкции молдавской денежной системы XIV—первой половины XV в. с помощью данных, содержащихся в письменных актах того времени, особенно торговых привилегиях.

Система таможенных пошлин Молдавского княжества была построена в определенной закономерности. Обычно пошлина на периферийных мытных пунктах составляла половину пошлины, взимавшейся в столице княжества Сучаве. В редких случаях она составляла две трети или треть.

В одних случаях 30 грошей пошлины на периферийном мытном пункте составляют половину сучавской пошлины в 60 грошей, в других — половину рубля, по-видимому, счетный рубль приравнялся к 60 грошам. На практике не счетный рубль, а рубль-слиток был добротней приравнивавшихся к нему непрерывно ухудшавшихся грошей. Этим пользуются господа, чтобы извлечь дополнительный доход из пошлин, в ряде случаев принуждая купцов выплачивать их в рублях-слитках.

В 80—90-х годах XIV в. молдавские гроши весили 0,90—0,85 г. Соответственно, если учесть соотношение между молдавским грошем и рублем (1:60), вес последнего должен был составить 55,5—52,5 г (0,90—0,85 × 60 + 2% потери при чеканке). Реконструированная нами величина молдавского рубля равна величине червоннорусского рубля (54 г) и половине червоннорусской гривны 80-х годов XIV в. — 108 г²⁶. Естественно допустить совпадение величин денежной стопы червоннорусской и молдавской систем, а также соотношения гривны и рубля = 1:2.

¹⁹ Documentele Moldovenști înainte de Ștefan cel Mare, vol. II. Pub. de M. Costachescu. Iași, 1931, стр. 422.

²⁰ Там же, 1408—1456 гг., стр. 630—636, 668—673, 676—677, 788—795, 801.

²¹ Там же, 1446 г., стр. 244; 1449 г., стр. 386.

²² Там же, т. I, 1436 г., стр. 468; т. II, 1448 г., стр. 362; 1453 г., стр. 458.

²³ Там же, т. II, 1408—1456 гг., стр. 445, 526, 562, 566, 631, 668, 789.

²⁴ Там же, 1408—1456 г., стр. 462—463, 630—636, 640—641, 646, 648, 668—673, 676—677, 709—711, 741—745, 759, 761, 771—772, 788—795.

²⁵ Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. II. Pub. de I. Bogdan. București, 1913, стр. 275.

²⁶ F. Piekosiński. O monecie i stopie menniczej w Polsce w XIV i XV w. Kraków, 1878, стр. 145.

Сопоставляя изменения в весе червоннорусских и молдавских грошей последней четверти XIV—начала XV в., нетрудно заметить их разительное совпадение. Оно свидетельствует о сохраняющейся довольно тесной связи между ними.

Монеты	1370—1382 гг.	1386—1400 гг.	Начало XV в.
Червоннорусские гроши *	1,12—1,10	0,96—0,85	150
Молдавские гроши **	0,98—0,96	0,96—0,85	150

* F. Piekosiński. Указ. соч., стр. 148—149.
А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет, вып. 1; Л., 1940, стр. 13.

** Данные автора, полученные из анализа публикаций находок молдавских монет, поступивших в коллекцию Румынской Академии наук, кладов и т. д.

Таким образом, молдавская денежно-весовая система XIV—XV вв., так же как и система юго-западной Руси, вероятно, выглядела следующим образом: 1 гривна = 2 рублям; 1 рубль = 60 номинальным полу-грошам (молдавским грошам). Монетная система соответственно была такой: 1 рубль = 2 полурублям = 60 грошам = ? медным монетам.

Сходство денежно-весовых и монетных систем Червонной Руси и Молдавии еще более ярко выступает при сравнении с соответствующими системами окружающих стран. Однако можно говорить о самостоятельной молдавской денежной системе. В то время как уже в начале XV в. юго-западная Русь начинает утрачивать всякую самостоятельность в денежном обращении, подчинившись польскому влиянию, молдавская денежная система сохраняется и развивается.

Таким образом, в основу молдавской денежной системы легла русская серебряная денежная гривна. Восприняв традиции денежного обращения юго-западной Руси, денежная система Молдавии приобрела сходные с ним черты. Молдавская монета в последней четверти XIV столетия заняла господствующее положение в денежном обращении в Молдавии.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ*Н. А. КЕТРАРУ***ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В ГРОТЕ
СТАРЫЕ ДУРУИТОРЫ**

(Предварительная информация)

Среди палеолитических памятников, открытых и исследованных на территории Молдавии в последние годы, большое значение имеет грот Старые Дуруиторы, находящийся в гряде толтровых известняков на восточной окраине одноименного села Рышканского района. Он вытянут вдоль скальной гряды на 49 м, почти в направлении С—Ю, имеет глубину 5—9 м и состоит из трех сообщающихся камер: двух крайних, открытых на запад, и центральной, представляющей как бы коридор между ними.

В 1958 г. в гроте были заложены три шурфа, по одному в каждой камере. Шурфы дали значительный фаунистический материал плейстоценовых животных и небольшую коллекцию кремневых поделок, относящихся к различным этапам нижнего и верхнего палеолита¹.

В 1959 г. на склоне перед гротом были заложены две траншеи, которые не дали археологического материала. В том же году в гроте были начаты раскопки северной камеры, где культурный слой имел плохую сохранность или же вовсе отсутствовал. В 1960 г. были исследованы южная и центральная камеры до скального основания.

В результате проведенных раскопок в гроте Старые Дуруиторы выявлена следующая стратиграфия слоев.

Под кизячным слоем:

1. Черный слой земли с включением угловатой известняковой щебенки.
2. Рыхлый суглинистый слой темно-желтого цвета с редким включением угловатой известняковой щебенки. Встречаются известняковые камни и глыбы.
3. Слой разной степени окатанной известняковой гальки с примесью известняковой щебенки и глинистого материала. Часто встречается карпатская галька. Слой сильно разрушен, его разрушение в какой-то мере связано с водным потоком (ручей, периодические ливневые потоки).
4. Неслоистый суглинок (глина) без каких-либо включений, плотный по составу. Цвет темно-бурый, почти шоколадный.
5. Известняковая щебенка и камни, разрушенные до состояния пыли.
6. Известняковая щебенка с примесью крупных кусков известняка; расслоившаяся скала, переходящая в скалистое дно грота.

¹ Н. А. Кетрару. Археологические разведки в долине р. Чугур. — «Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавии». Кишинев, 1964, стр. 255—258.

В южной камере отложения имеют самую большую толщину и достигают 2,5 м.

Следы деятельности человека, обитавшего в гроте Старые Дуруиторы, прослежены в 1—4-м слоях. В 1-м слое найдены предметы эпохи энеолита и бронзы, гетского времени, черняховской культуры и позднего средневековья. 2—4-й слои относятся к палеолитическому времени². В 5-м слое обнаружены только кости пещерных медведей — первых обитателей грота. Эти кости значительно древнее костных остатков 4-го слоя: они сильнее пропитаны солями марганца, имеют темно-коричневый, почти черный цвет и не связаны с деятельностью первобытного человека.

Наибольшую древность имеют культурные остатки, залегающие в 4-м слое, связанном с первоначальным заселением грота человеком. Этот слой прослеживается на большей части южной и центральной камер. Его мощность на отдельных участках достигает 80—130 см, в основном же 20—40 см. Слой залегает в одних местах непосредственно на скальном дне, в других поднимается почти до самого верха, соприкасаясь со 2-м слоем.

В нижней части 4-го слоя прослеживается почти сплошная пережженность почвы мощностью 10—15 см, цвет которой варьирует от темно-бурого до черного. Очевидно, пережженность образовалась в результате больших костров и длительного огня. В пережженной почве найдены сильно обожженные обломки трубчатых костей зубра.

Прослеженные в 4-м слое остатки трех кострищ представляли собой прослойки обожженного грунта. Первые два очага находились в южной камере и залегали один над другим, третий — в центральной камере.

Культурные остатки залегали в 4-м слое более или менее равномерно. Они немногочисленны и состоят из кремневых, кварцитовых, костяных предметов и костей зубра, лошади и пещерного медведя.

В коллекции кремневых и кварцитовых предметов преобладают очень грубые отщепы (рис. 14, 11, 12), часто бесформенные, с ударной площадкой, расположенной под тупым углом к его нижней плоскости и наискось по отношению к длинной оси отщепа. Ударный бугорок хорошо выражен: он выпуклый, вокруг точки удара часто заметны концентрические круги. Отщепы небольшие (3—7 см), соответствуют размерам нуклеусов, с которых они сколоты. Нуклеусы приближаются к дисковидным, хотя и довольно примитивным формам.

Большая часть отщепов из 4-го слоя грота Старые Дуруиторы употреблялась в работе, о чем свидетельствует грубая, иногда случайная ретушь, посредством которой отдельным изделиям придана форма остроконечника или скребка. Такой способ скалывания (возможно, разбивания) и обработки кремня характерен для раннепалеолитической техники и хорошо прослеживается на материале ряда раннепалеолитических памятников³. Такие же грубые и невыразительные изделия из кремня, кварцита и других пород камня обнаружены и в некоторых пещерах Румынии, Венгрии, Польши⁴.

3-й слой, как и 4-й, прослежен на большей части южной и центральной камер. Он сильно разрушен. Уровень его залегания и толщина неодинаковы. Резко меняется и его конфигурация.

² Отдельные кремневые предметы и кости животных палеолитического времени встречены и в 1-м слое, по-видимому, перемещенные из нижележащих слоев.

³ H. Breuil. Les industries à éclats de paléolithique ancien. 1. Le Clactonien. — «Préhistoire», t. 1, f. 2, 1932.

⁴ C. S. Nicolăescu-Plonșor. Le paléolithique dans la République Populaire Roumaine à la lumière des dernières recherches. — «Dacia», I, 1957; П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. — СА, XXVII, 1957; S. Krukowski. Prehistoria ziem Polskich. Paleolit. — «Encyklopedia Polska», IV, 1, dzial V. Kraków, 1938—1948.

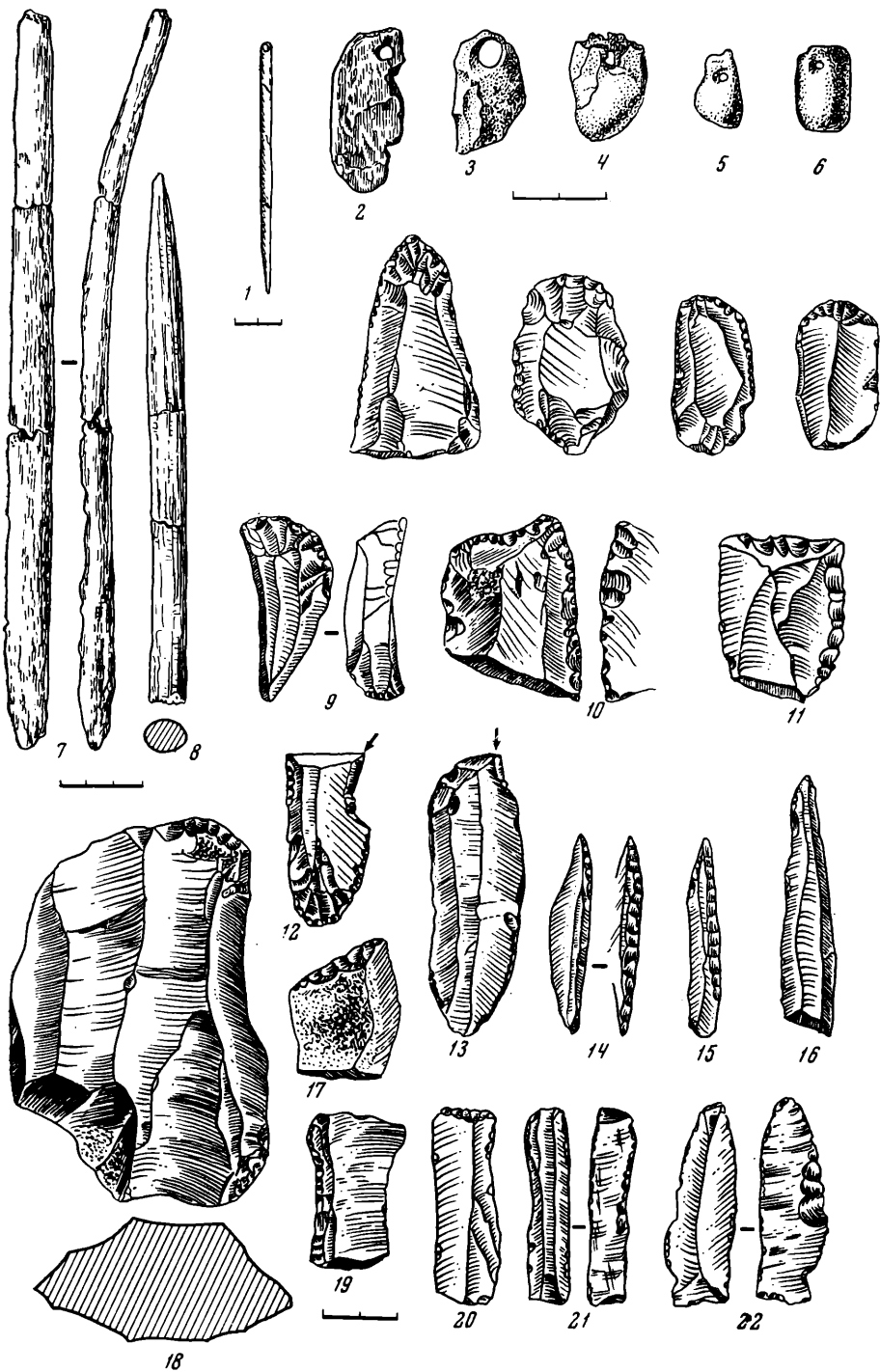

Рис. 14. Предметы из второго слоя грота Старые Дуруиторы

В южной камере, где слой выходит на поверхность, в 1958 г. найдены бесформенные кремневые предметы со сбитыми гранями и окатанные. Как было установлено в результате раскопок, такие предметы происходят из 3-го слоя, а их окатанность вызвана действием водного потока.

Культурные остатки, состоящие из кремневых, кварцитовых, песчаниковых предметов и многочисленных костей плейстоценовых животных, находились более или менее равномерно на всей площади. Они лежат плашмя, несколько наклонно или вертикально.

Из 3-го слоя происходит около 300 предметов. Материалом для их изготовления служил кремневый хорошего качества, черного и серого цвета. В качестве сырья использовались кремневые желваки и галька, которые приносили в грот и здесь же обрабатывали. Значительно реже в качестве сырьевого материала употреблялся кварцит.

Основную массу изделий составляют отщепы. Они грубые, часто бесформенные и ничем не отличаются от отщепов из нижележащего 4-го слоя. Большинство экземпляров имеют широкую ударную площадку, составляющую тупой угол с нижней плоскостью отщепа, сильно выпуклый ударный бугорок, иногда с сосцевидным выступом в точке удара, и другие признаки, характерные для раннепалеолитической техники скальвания кремневого материала. Края многих отщепов отретушированы или сбиты, по-видимому, в процессе употребления предметов.

Нуклеусов найдено мало. Они небольших размеров, округлой формы, приближающейся к диску. Скальвание отщепов с их поверхности производилось без предварительной подготовки, удары наносились только в направлении от края к центру (рис. 15, 9, 10).

Своеобразный характер имеют и орудия. Их значительно больше, чем в 4-м слое; больше новых форм и типов, единичные экземпляры орудий оформлены на пластинах.

Остроконечники мустьерского типа (рис. 15, 4—7) сделаны на отщепах; они довольно грубо оформлены. Два остроконечника сделаны из кварцита. Их рабочие части сильно сработаны, у одного рабочая часть сломана.

Скребла (рис. 15, 8) приготовлены на небольших отщепах и имеют довольно примитивный облик. Встречаются экземпляры с прямым, выпуклым и вогнутым лезвием, часто в зависимости от естественных очертаний отщепа. Ретушь круглая, иногда ступенчатая и не всегда охватывает весь край орудия. Аналогии этим предметам встречены на памятниках раннемустьерского времени.

Несколько предметов оформлено в виде небольших рубильц. Одно такое орудие (рис. 15, 1) сделано из треугольного отщепа путем обработки его краев противоположащей ретушью. Найдены также изделия типа острий, сверл, скребков. Один скребок сделан на утолщенной пластине с ретушью по продольным краям (рис. 15, 2).

В слое найдены и несколько песчаниковых галек с отдельными сбитыми участками поверхности, применявшиеся как отбойники или орудия для разбивания трубчатых костей животных.

Фаунистический материал 3-го слоя, определенный А. И. Давидом, составляет типичный мустьерский комплекс: пещерный медведь, лев, гиена, зубр, лошадь, мамонт, носорог, северный, благородный и гигантский олень⁵.

Как сказано выше, кремневые изделия нижних слоев грота Старые Дуруиторы имеют близкие аналогии в комплексах раннемустьерского времени различных памятников. Для этих памятников характерны такие признаки, как применение раннепалеолитической техники скальвания

⁵ А. И. Давид. Остатки млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Старые Дуруиторы. — ИМФАН, № 3 (81), Кишинев, 1961.

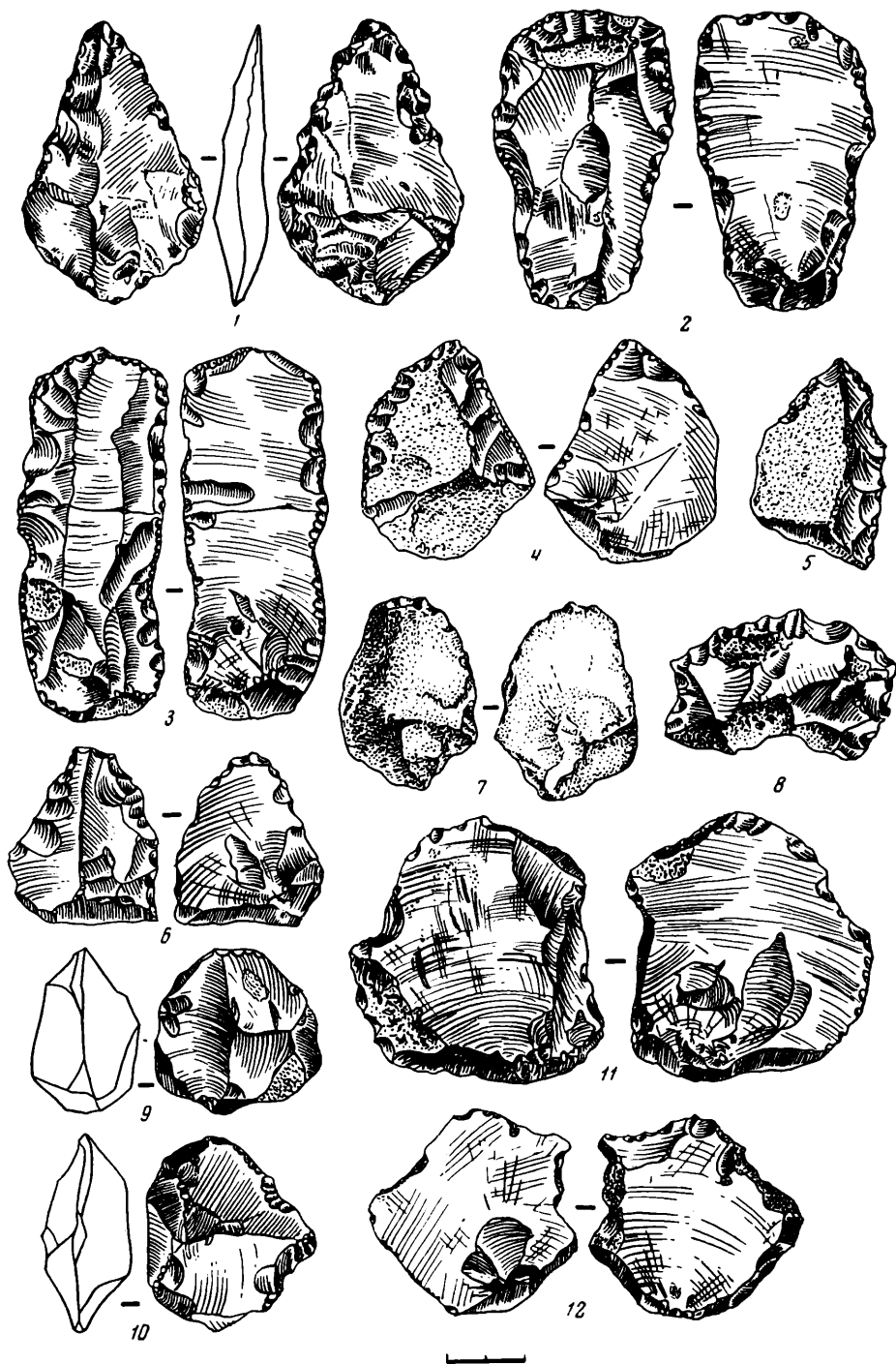

Рис. 15. Кремневые изделия четвертого и третьего слоев грота Старые Дуриutory

кремня, наличие в комплексах наряду с типичными мустьерскими формами предметов атипичных, часто случайных очертаний⁶. Однако ни один из таких памятников по кремневому инвентарю и особенно комплексу фаунистических остатков не сходен со Старыми Дуруиторами. Мустьерские слои грота Старые Дуруиторы имеют и другие отличительные черты: они содержат большое количество костей животных, особенно пещерного медведя, и мало кремневых предметов, что характерно для многих пещерных стоянок этого времени, входящих в группу памятников, исследованных в Альпийских, Карпатских, Динарских и Бюкских горах, — «альпийского мустье». В число этих памятников, по-видимому, входит и стоянка под Выхватинским навесом, которая имеет много общих черт с нижними слоями грота Старые Дуруиторы по кремневому и фаунистическому материалу и является их ближайшим аналогом на территории Молдавии⁷.

Во 2-м слое, который прослежен на большей части центральной камеры и на отдельных участках в южной, обнаружены остатки трех кострищ, очага, сложенного из известняковых камней, и два больших скопления костей древних животных. Из 2-го слоя происходит коллекция кремневых скребков, резцов, острый типа гравет, ножевидных пластин, призматических нуклеусов и ряд костяных и роговых изделий, среди которых наконечники копий, игла и амулеты-подвески (рис. 14).

Особый интерес представляет фрагмент нижней челюсти (с шестью коренными зубами) верхнепалеолитического человека, найденный во 2-м слое. Это первая антропологическая находка на памятниках палеолитического времени в Молдавии.

Кремневые, костяные и роговые изделия 2-го слоя, судя по аналогиям среди материалов 7-го слоя грота Стынка Рипичень⁸, относятся к мадленскому времени, возможно, к его начальному этапу. Эта датировка подтверждается фаунистическим материалом⁹.

Археологические исследования в гроте Старые Дуруиторы не закончены, однако уже сейчас можно судить о его большом значении для изучения одного из древнейших периодов истории Молдавии.

⁶ Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1913, стр. 174—183; П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 163—178.

⁷ Г. П. Сергеев. Позднеашельская стоянка в гроте у с. Выхватинцы. — СА, XII, 1950.

⁸ N. N. Mogoşan. La station paléolithique de grotte de Stînca Ripiceni. — «Dacia», V—VI, 1938, стр. 18—20.

⁹ А. И. Давид. Указ. соч.; И. М. Ганя, Н. А. Кетрару. Некоторые данные об орнитофауне из палеолитического грота Старые Дуруиторы. — ИМФАН, № 1, Кишинев, 1964.

В. И. МАРКЕВИЧ

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТА НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ

Долгое время на Среднем Днестре в пределах Молдавской ССР не были известны памятники эпохи неолита. Такие памятники были открыты и исследованы на соседних территориях.

На Южном Буге В. Н. Даниленко было открыто и исследовано более пятидесяти неолитических поселений, в результате раскопок которых разработана стройная периодизация неолита этого района¹.

На территории Социалистической Республики Румынии исследован ряд памятников культуры Криш² и культуры линейно-ленточной керамики³. На западной территории УССР также открыты и исследованы памятники культуры линейно-ленточной (нотной) керамики⁴.

В Среднем Поднестровье первый неолитический памятник был открыт в 1954 г. у с. Флорешты на р. Реуте. На нем ряд лет велись раскопки Т. С. Пассек⁵.

За десятилетие, прошедшее с 1954 г., на Среднем Днестре в пределах Молдавской ССР и на прилегающем к ней днестровском левобережье обнаружено семь поселений буго-днестровской культуры⁶ и четырнадцать поселений с линейно-ленточной (нотной) керамикой⁷.

¹ В. Н. Даниленко. Археологические исследования в зоне строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1962 гг. — КСИА АН УССР, 12, Киев, 1962, стр. 23—24; T. P a s s e k. Relation entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale à l'époque néolithique — «Atti del VI congresso internazionale delle scienze preistoriche e protostoriche». I. Relazioni generali. Roma, 1962, стр. 127—144.

² M. Petrescu-Dimbovița. Sondajul stratigrafic de la Perieni. — MCA, III, 1957, pag. 65—80; Săpăturile de pe șantierul Valea Jijiei (Iași, Botosani, Dorohoi) în anul 1950. — SCIV, I—II, 1951, pag. 51—76; Eugenia Z a h a r i a. Contributions sur la civilisation de Criș à la lumière des sondages de Let. — «Dacia», N. S., VI, 1962, pag. 5—52.

³ Eugen C o m ș a. Betrachtungen über die Linearbandkeramik auf dem Gebiet der Rumänischen Volksrepublik und der angrenzenden Länder. — «Dacia», N. S., III, 1959, pag. 35—57.

⁴ Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. — САИ, Б1—II, 1963, стр. 13—22.

⁵ Там же, стр. 23—29.

⁶ В. И. Маркевич. Материалы по карте неолитических памятников Пруто-Днестровья. — КС ОГАМ 1962, Одесса, 1964; он же. Неолитическая стоянка Сорюки — Трифауцкий лес I. — «Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР». Кишинев, 1964.

⁷ В. И. Маркевич. Материалы к карте..., стр. 85—92. В 1964 г. были открыты поселение буго-днестровской культуры Ханска и поселения культуры линейно-ленточной керамики Бранешты XIII и Суручены I, первые два поселения открыты И. А. Рафаловичем, последнее — В. А. Дергачевым.

В настоящей статье представлены результаты исследований, проведенных автором на многослойных поселениях буго-днестровской культуры⁸ Сороки—Трифлауцкий лес 1, Сороки—Трифлауцкий лес 2 и на однослойном поселении Цикиновка 1.

Поселение Сороки—Трифлауцкий лес 1 расположено в 2 км ниже Сороки, в высокой пойме правого берега Днестра, у впадения в него ручья, протекающего по оврагу Самананка. В размытом обрывистом берегу (высота 4—6 м) были обнаружены два культурных слоя неолитического времени. С 1958 по 1963 г. здесь было вскрыто свыше 200 кв. м площади. Нижний слой (II) отделен от верхнего стерильной прослойкой толщиной 0,7—1 м (отложения конуса выноса древнего оврага). Верхний культурный слой расчленен на два горизонта — 1а и 1б.

Слой II. В этом слое были исследованы две полуземлянки и культурные остатки на древней дневной поверхности. Полуземлянки в плане овальной формы, с линзообразными очажными остатками на дне.

Кремневый инвентарь характеризуется наличием плоских, реже призматических нуклеусов для отделения пластин (рис. 16, I, 9) и нуклеусов неопределенной формы для отделения отщепов. Отжимники кремневые, удлинённые, часто ладьевидной формы (рис. 16, I, 10). Отбойниками служили речные песчаниковые гальки.

Ножевидные пластины мелкие, длиной 2—10 см и шириной 3—10 мм. Многие пластины с подправкой по рабочему краю (рис. 16, I, 11, 12). Геометризированные орудия представлены семью трапециями, изготовленными из сечений пластинок (рис. 16, I, 2—8). Трапеции узкие, симметричные, с крутой мелкой подретушевкой поперечников. Скрепки изготовлены на пластинах (рис. 16, I, 13, 14, 16, 17) и на отщепах (рис. 16, I, 1, 15), они малых размеров, лишь один крупный на отщепе. Резцы представлены одним экземпляром, оформленным на отщепе (рис. 16, I, 20), и другим — на микропластине (рис. 16, I, 19). Найдено сверло, изготовленное из пластины (рис. 16, I, 18). Необходимо особо подчеркнуть наличие ножевидной пластины с заполировкой вдоль лезвия; под бинокулярным микроскопом четко просматриваются кометообразные лунки, характерные для вкладышей серпов (рис. 16, I, 21).

Костяные поделки представлены тремя стрелами (рис. 17, I, 23—25), дугообразным ножом из клыка кабана (рис. 17, I, 28), пластиной из оленьего рога (рис. 17, I, 26), фрагментом орудия из эмали клыка кабана с просверленной на конце (рис. 17, I, 27) и колющим орудием из продольного обломка трубчатой кости (рис. 17, I, 28).

Керамика в жилищах и в слое отсутствует.

Фауна представлена костями косули, благородного оленя, дикого кабана, дикой лошади, волка, домашней свиньи, рыб (окунь, карась, язь, сом, вырезуб, осетровые), лесными и виноградными улитками и створками речной перловицы⁹.

В хозяйстве развиты рыболовство, охота, собирательство. Земледелие и скотоводство, о которых свидетельствуют находки вкладыша серпа и костей свиньи, были слабо развиты.

Следует считать, что описанный комплекс относится к докерамическому неолиту.

Горизонт 1б. Раскоп представлен остатками одного наземного жилища, слабо углубленного в почву, с двумя линзообразными кострищами и маленькой землянкой с очагом, выложенным из камней.

Орудия изготовлены из местного мелового кремня, изредка из галек. Для отделения пластин служили плоские нуклеусы (рис. 16, III, 11), реже

⁸ Термин «буго-днестровская культура» предложен В. Н. Даниленко, автор считает это название оправданным и в дальнейшем пользуется им.

⁹ Фауна стоянок определена: В. И. Бибиковой и А. И. Давидом — млекопитающие; М. А. Воинственским — птицы; Л. П. Пановой — рыбы; В. Н. Веринной — моллюски.

пирамидальные и призматические. Как и в предыдущем слое, облик кремня микролитического, подавляющее число орудий — пластины и их производные (более 80%). В комплексе много ножевидных пластин с подправкой рабочего края (рис. 16, III, 14—15, 17—19), ряд пластин с боковыми выемками (рис. 16, III, 16, 20). Геометризированные орудия представлены трапециями (рис. 16, III, 29—40). В отличие от трапеций нижнего слоя последние оформлены более небрежно, часто асимметричны. Скребки оформлены на пластинах (рис. 16, III, 22, 24, 28) и на отщепках (рис. 16, III, 23, 25, 27), резцы отсутствуют, найден вкладыш серпа (рис. 16, III, 21) и маленькая ромбовидная зернотерка из песчаника.

Костяные орудия представлены мотыгой с продольным лезвием из оленьего рога (рис. 17, III, 41), фрагментами двух поворотных гарпунов (рис. 17, III, 42, 43), дугообразным ножом из эмали клыка кабана (рис. 17, III, 45), пластиной с заостренным концом из того же материала (рис. 17, III, 46) и проколкой (рис. 17, III, 44).

Керамика представлена плоскодонными горшками и чашами (рис. 17, III, 1, 3, 4, 9), глина с растительной примесью, обжиг костровой. Отдельные фрагменты содержат много песка. Чаши хорошо залощены, без орнамента, по форме они находят себе аналогии в комплексах пещерской фазы буго-днестровской культуры¹⁰ и в материалах культуры Криш в Румынии¹¹, Кёрёш в Венгрии¹². Горшки вытянутые или сфероидальные, у первых венчик слабо выражен, с плавным переходом в плечики, у вторых венчик четко выражен, плечики резче профилированы. Сосуды орнаментированы группами проглаженных параллельных линий (рис. 17, III, 10), часто в сочетании с отпечатками штампов или ногтя (рис. 17, III, 1, 5, 8, 9). Другая группа сосудов орнаментирована простыми или парными ногтевыми оттисками, с интервалами (рис. 17, III, 2, 7) или впритык (рис. 17, III, 4, 6). Эта система орнаментации находит себе прямую аналогию в материалах культуры Криш: Периень¹³ и Лец (СРР)¹⁴.

Фауна представлена костями благородного оленя, косули, кабана, волка, барсука, зайца, бобра, домашнего быка, птиц (вяхирь, ястреб-перепелятник, осоед, кряква, чирок), рыб (сом, вырезуб, карповые, осетровые), лесных и виноградных улиток и створок речной перловицы.

Кроме земледелия, о котором говорят находки мотыги, вкладыша серпа и зернотерки и отпечатки семян злаковых на одном черепке (по определению Э. В. Янушевич — пшеница), были развиты охота, рыболовство, собирательство, скотоводство.

Описанный комплекс датируется пещерской фазой буго-днестровской культуры (периодизация В. Н. Даниленко) и синхронен с памятниками кришской культуры типа Периень, Валя Лупулуй, Лец (СРР).

Горизонт 1а. В нем выявлены остатки наземного жилища с очажной ямой.

Кремневый инвентарь микролитического и однотипен с материалом, найденным в предыдущем горизонте. В отличие от него необходимо указать на рост числа пирамидальных и призматических нуклеусов, а также на появление наряду с трапециями и ромбовидных орудий. В коллекции имеются ножевидные пластины с подретушевкой (рис. 16, IV, 9—13), большое количество сечений пластинок (рис. 16, IV, 26), концевые скребки (рис. 16, IV, 14, 15, 20), скребки на отщепках (рис. 16, IV, 16).

¹⁰ По сопоставлению с материалами из коллекции В. Н. Даниленко. Материалы хранятся в фондах ИА УССР в Киеве.

¹¹ M. Petrescu-Dîmbovița. Указ. соч., стр. 72, рис. 5, 10; E. Zaharia. Указ. соч., стр. 15, рис. 6.

¹² Ida Kutzian. The Kőrös culture I, II. *Dissertationes Panonicae*, II, 23, Budapest, 1944.

¹³ M. Petrescu-Dîmbovița. Указ. соч., стр. 71, рис. 4, 1, 5, 7, 8 и рис. 5, 8, 10.

¹⁴ E. Zaharia. Указ. соч., рис. 17, 1, 3—6; рис. 18, 4, 9.

19, 21), трапеции (рис. 16, IV, 22—25, 27, 28, 30—32, 34, 35, 37) и ромбовидные микролиты (рис. 16, IV, 29, 33, 36).

Костяные орудия представлены мотыгой с продольным лезвием (рис. 17, IV, 38), муфтой-мотыгой (рис. 17, IV, 39), обе из оленьего рога, долотцем (рис. 17, IV, 40), проколками (рис. 17, IV, 41, 42), колющим орудием из эмали клыка кабана (рис. 17, IV, 43).

Керамика остродонная, большей частью с S-образным профилем. В глине, кроме растительности, примешаны толченый графит, кварцевый песок (иногда масса состоит почти сплошь из песка), реже толченые ракушки. Поверхность сосудов покрыта рядами оттисков зубчатых или гребенчатых штампов (рис. 17, IV, 1—4), иногда в сочетании с тонкими проглаженными линиями (рис. 17, IV, 5).

Фауна представлена костями благородного оленя, косули, кабана, волка, лисицы, куницы, домашнего быка, рыб (сом, вырезуб, карповые, осетровые), створками речной перловицы, виноградными и лесными улитками.

На одном черепке четко видны отпечатки семян (по определению З. В. Янушевич, видимо, ячменя и сорняка — «куриного проса»).

Хозяйство — охота, рыболовство, собирательство, скотоводство и земледелие.

Инвентарь горизонта 1а находит себе аналогию в памятниках самчинской фазы буго-днестровской культуры (периодизация В. Н. Даниленко).

Поселение Сороки—Трифлауцкий лес 2 расположено в высокой пойме правого берега Днестра, в 0,7 км ниже предыдущего поселения.

На поселении, где велись раскопки с 1958 по 1963 г., вскрыто свыше 100 кв. м, было два культурных слоя, верхний — на глубине 3,40—3,60 м, а нижний — на глубине 3,90—4,20 м от современной поверхности. Учитывая сходство кремневого инвентаря нижнего слоя с находками из слоя II поселения Сороки—Трифлауцкий лес 1 и отсутствие в нем керамики, предварительно этот слой можно отнести ко времени докерамического неолита.

В первом слое обнаружены остатки полуземлянки с очажными скоплениями на краю берега Днестра. В заполнении землянки найдены кремневые нуклеусы, отщепы, орудия, песчаниковые отбойники, фрагменты нескольких сосудов, створки речной перловицы, незначительное количество костей животных и древесные угли.

— Нуклеусы плоские (рис. 16, II, 5), отжимники кремневые, удлиненные (рис. 16, II, 6), нуклеусы для отщепов произвольной формы. Облик кремневого инвентаря микролитический, среди орудий доминируют пластины и их производные. В комплексе представлены пластины с подретушевкой рабочего края (рис. 16, II, 7—9), пластины с боковыми выемками (рис. 16, II, 10), прямоугольники из сечений пластинок (рис. 16, II, 18, 25), трапеции (рис. 16, II, 23—24), скребки на пластинах (рис. 16, II, 11, 12, 15—17), скребки на отщепах (рис. 16, II, 13, 14, 28), сверло (рис. 16, II, 19), проколки (рис. 16, II, 21—22).

Сосуды изготовлены из глины с растительной примесью, иногда с большим процентом песка, поверхность некоторых горшков облицована слоем красно-бурой пасты, хорошо заглажена, обжиг костровой. Из найденных фрагментов реставрированы два сосуда, третий частично. Вся керамика плоскодонная, все сосуды горшкообразной формы, миски кришского типа отсутствуют. Поверхность первого сосуда покрыта группами волнистых параллельных проглаженных линий, расположенных попарно; эти группы спускаются по тулову от венчика до дна. Свободные поля между указанными группами заштрихованы углубленными линиями (рис. 17, II, 1). Второй сосуд орнаментирован группами проглаженных линий, расположенных наподобие шахматного поля (рис. 17, II, 2). Третий сосуд содержит в массе много песка, покрыт сплошь простыми ногтевыми оттисками, нанесенными бессистемно по поверхности (рис. 17, II, 3, 4).

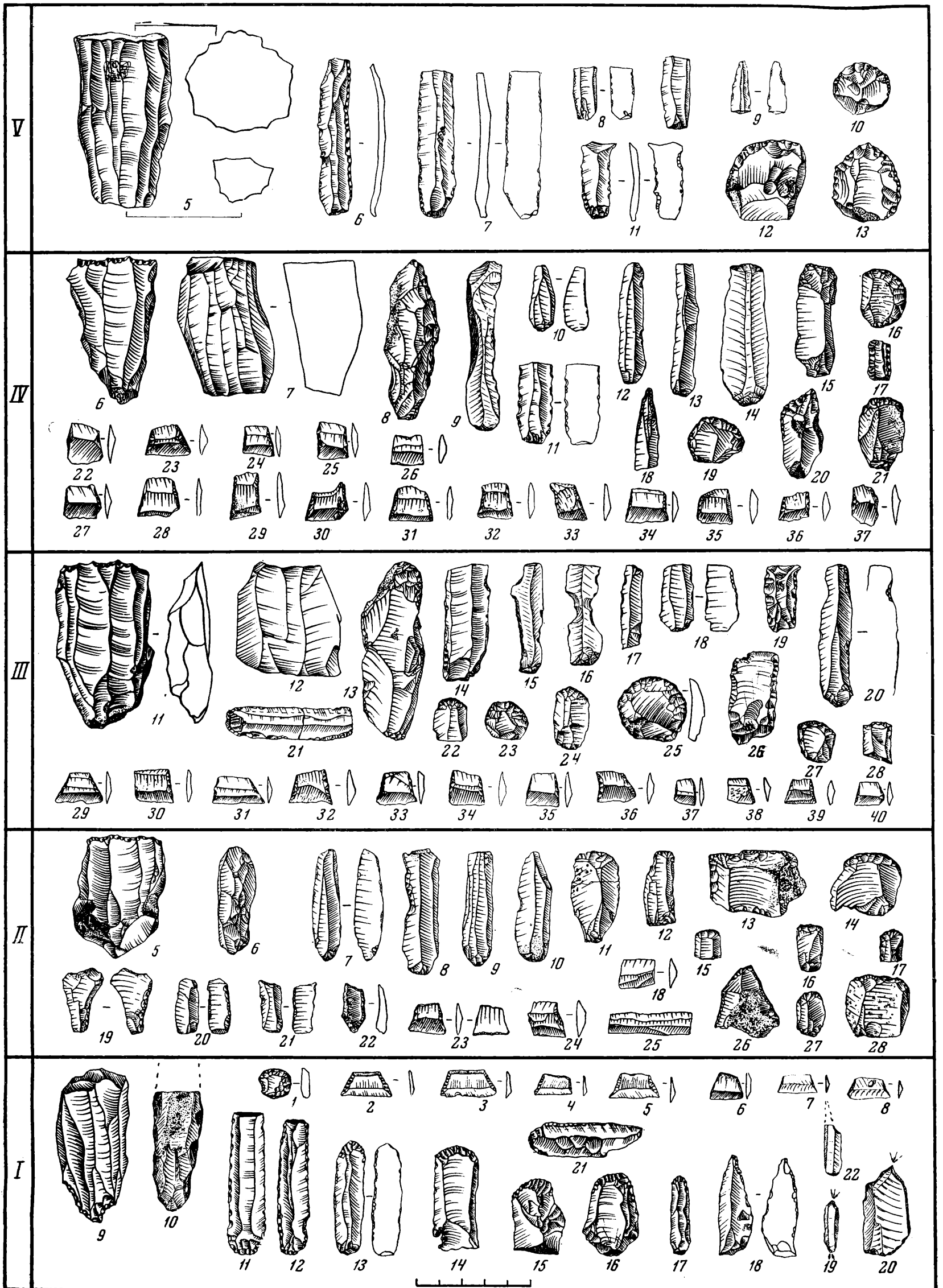

Рис. 16. Комплексы раннеолитических поселений Среднего Поднепровья. Кремневые орудия:

(Нумерация находок по комплексам I—V дана в рисунках № 16 и 17 отдельно)

I — Сорочки—Трифизуцкий лес 1, олей II; II — Сорочки—Трифизуцкий лес 2, олей I; III — Сорочки—Трифизуцкий лес 1, горизонт 16; IV — Сорочки—Трифизуцкий лес 1, горизонт 1а; V — Циклиновка 1

Сопоставление с материалами из коллекции В. Н. Даниленко позволяет датировать этот комплекс соколецкой фазой южнобугского неолита. Отсутствие чаш кришского типа позволяет описанный комплекс относить ко времени, предшествующему комплексам из Периеень, Глэвенешти Векь и Лец.

Поселение Цикиновка 1 расположено в высокой пойме левого берега Днестра, почти напротив стоянки Сороки—Трифлауцкий лес 1. Раскопанная площадь — около 100 кв. м. Культурный слой перекрыт лёссово-иловыми отложениями толщиной 1, 3—1,5 м.

Судя по скоплениям находок, раскопками выявлены остатки наземного жилища с немногочисленным инвентарем.

Кремневый инвентарь характеризуется наличием призматических и пирамидальных нуклеусов (рис. 16, V, 5), служивших для отделения пластин, и бесформенных — для отделения отщепов. Пластины теряют свой микролитизм, они шире и длиннее, чем в предыдущих комплексах. Ряд пластин имеет подретушеванный рабочий край (рис. 16, V, 6, 7). Концевые скребки отсутствуют, скребки на отщепах становятся крупнее (рис. 16, V, 10, 12, 13). Геометризованные вкладыши не найдены. По своему облику кремневый инвентарь поселения Цикиновка 1 близок к раннетрипольскому.

Керамика представлена фрагментами сосудов с примесью растительности, а также с примесью шамота и толченых ракушек в глине.

Реконструирована широкая чаша с воронковидным острым дном, она орнаментирована вертикальными проглаженными линиями и рядами псевдоногтевых оттисков, нанесенных, видимо, острым концом створки речной перловицы (рис. 17, V, 1). Фрагменты других сосудов покрыты рядами проглаженных линий и штамповых оттисков, нанесенных под венчиком (рис. 17, V, 2, 3, 4). В жилище найдены угли ильма и ясеня.

Фауна поселения представлена костями домашнего быка, благородного оленя, косули, кабана, свиньи, створками речной перловицы, улиток. Из костей рыб найден только зуб вырезуба.

В хозяйстве цикиновского поселения можно отметить развитие охоты, скотоводства, земледелия. На последнее указывает наличие отпечатков злаковых семян в черепках.

Цикиновский комплекс датируется савранской фазой буго-днестровской культуры (по периодизации В. Н. Даниленко).

Стратиграфические данные, полученные в процессе раскопок неолитических памятников Среднего Поднестровья, характер инвентаря описанных комплексов и его сравнение с материалами южно-бугских поселений указывают на синхронность некоторых этапов.

В настоящее время для Среднего Поднестровья выделяются пять хронологических фаз раннего неолита.

Первая фаза древнейшая, она характеризуется отсутствием керамики и датируется временем докерамического неолита.

Критериями для такой датировки служат: а) преобладание пластин и их производных в кремневом инвентаре; б) одинаковая техника обработки кремня и однотипность орудий этой фазы и последующих, содержащих керамику; в) наличие кремневого вкладыша серпа; г) наличие костей домашней свиньи; д) расположение поселений этого времени в плодородной речной пойме, тогда как предшествующие им памятники с микролитическим инвентарем дислоцированы высоко, далеко от речных пойм (Фрумушка¹⁵, Гиржево, Довжанка и ряд других¹⁶).

¹⁵ А. П. Черныш. Некоторые итоги исследований палеолита Поднестровья (1946—1957). — «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР». Кишинев, 1960, стр. 16—17.

¹⁶ П. И. Борисковский. Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 г. — КС ОГАМ за 1962 г. Одесса, 1964, стр. 14—16.

К первой фазе неолита Среднего Поднепровья относится второй слой поселения Сороки—Трифлауцкий лес 1 и второй слой поселения Сороки—Трифлауцкий лес 2.

Ко второй фазе раннего неолита Среднего Поднепровья (соколецкая фаза буго-днепровской культуры, по В. Н. Даниленко) относится комплекс первого слоя поселения Сороки—Трифлауцкий лес 2. Сравнение с материалами из Периень, Лец (СРР) позволяет считать этот комплекс более древним, на что указывают меньшее разнообразие керамических форм и отсутствие чаш кришского типа. Сравнение с материалами из поселения Гиаларэт (Венгрия)¹⁷, датированного по С-14 концом VI тыс. до н. э. (5140 ± 100), позволяет предположить синхронность этих двух поселений и отнести вторую фазу к концу VI тыс. до н. э.

К третьей фазе неолита Среднего Поднепровья (печерская фаза периодизации В. Н. Даниленко) относится горизонт 16 поселения Сороки—Трифлауцкий лес 1. Часть керамики этого комплекса имеет аналогии в материалах поселений культуры Криш: Периень, Лец и др. (СРР), что позволяет говорить о их синхронности. В этой фазе доминирует плоскодонная посуда.

К четвертой фазе неолита Среднего Поднепровья (самчинская фаза, по периодизации В. Н. Даниленко) относятся горизонт 1а поселения Сороки—Трифлауцкий лес 1 и поселение Ханска. В этой фазе доминирует остродонная керамика, что обусловлено, как справедливо отмечает В. Н. Даниленко, проникновением носителей днепро-днепровской культуры на Южный Буг¹⁸, а также на Средний Днепр.

Наконец, пятая фаза неолита Среднего Поднепровья (савранская фаза, по периодизации В. Н. Даниленко) представлена поселением Цикиновка 1, которое по облику своего материала относится к предтрипольскому времени.

Материалы неолитических памятников Среднего Поднепровья, исследованных автором, позволяют отнести эти поселения к буго-днепровской культуре, однако полное отсутствие в них карандашевидных нуклеусов, наличие большого числа скребков на пластинах и жилища-полуземлянки на ранних фазах позволяют сделать вывод о существовании на Днестре локального варианта этой культуры.

Пока остается неясным вопрос о существовании на Днестре памятников скибинцевской фазы буго-днепровской культуры, выделенной В. Н. Даниленко для Южного Буга. Возможно, развитие неолита на начальном этапе на Днестре проходило несколько по-иному, чем на Южном Буге, и, может быть, из-за этого отсутствуют памятники скибинцевского типа на этой территории.

Исследования неолита Среднего Поднепровья показывают, что с VI—V тыс. до н. э. у местных племен осуществляется переход к скотоводству и земледелию, постепенно возрастает их роль в хозяйстве и возникают предпосылки, приведшие к формированию на данной территории раннетрипольской культуры.

¹⁷ Günter Kohl und Hans Quitta. Berlin-Radiokarbondaten archäologischer Proben. I. Ausgrabungen und Funde. Bd. 8, H. 6, Akademie-Verlag, Berlin, стр. 299.

¹⁸ В. Н. Даниленко. Указ. соч., стр. 24.

Т. Г. М О В Ш А

МНОГОСЛОЙНОЕ ТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
СОЛОНЧЕНЫ II

Для изучения вопроса истории развития трипольских племен большое значение имеют многослойные поселения; за последние годы стали известны такие новые пункты, как Мерешовка¹ и Солончены II² в Молдавии, Поливанов Яр³ в Черновицкой области, Незвиско⁴ в Ивано-Франковской области, Печоры⁵ в Винницкой области.

Среди многослойных трипольских памятников поселение Солончены II у с. Солончены Резинского района МССР занимает особое место⁶. На поселении прослежена стратиграфия залегания культурных слоев, относящихся к хронологически разным этапам развития Триполья: раннего, среднего и позднего. На основе керамических материалов среднего этапа развития установлен контакт трипольского населения со степными племенами доямной культуры⁷.

Стратиграфические наблюдения в Солонченах подтвердили намеченную Т. С. Пассек периодизацию трипольских поселений⁸. Вместе с тем новые материалы, полученные в результате раскопок на поселении Солончены II, позволяют уточнить периодизацию и наметить переходные звенья для некоторых этапов.

С ранним этапом Триполья на поселении Солончены II связан незначительный культурный горизонт, содержащий находки обломков посуды, пластику и захоронение. Стратиграфически он был прослежен на двух участках раскопа V (1956 г.), ниже площадки 3, относящейся к фазе Кукутень А—В, по терминологии румынских археологов. На остальной вскрытой площади раннетрипольская керамика встречалась в виде единичных находок.

¹ Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре. — ИМФАН, № 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 21.

² Т. Г. Мовша. Трипольское жилище на поселении Солончены II. — ЗОАО, т. 1 (34), 1960.

³ Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр. — КСИИМК, вып. XXXVII, 1951; она же. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. — МИА, № 84, 1961, стр. 105—139.

⁴ Е. К. Черныш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Поднепровье. — МИА, № 102, 1962, стр. 1—85.

⁵ Е. К. Черныш. Многослойный памятник у с. Печоры на Южном Буге. — «Археологический сборник», вып. 1. Изд. Гос. Эрмитажа. Л., 1959, стр. 166—201.

⁶ Раскопки его производились Солонченским отрядом Молдавской экспедиции АН СССР и Молдавского филиала АН СССР, под руководством Т. С. Пассек.

⁷ Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. — СА, 1961, № 2, стр. 186—199.

⁸ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений — МИА, № 10, 1949.

Керамика из раннетрипольского горизонта представлена обломками грубой кухонной посуды с небрежно заглаженной поверхностью, тонкостенной каннелюрованной посудой, украшенной углубленным орнаментом. Антропоморфные фигурки из этого горизонта изображают сидящих женщин с откинутым назад торсом, со слитными, разделенными чертой ногами, с едва намеченной головой (рис. 18, 1, 2). Одна фигурка передает редкий в трипольской пластике образ беременной женщины (рис. 18, 3).

Раннетрипольское погребение было обнаружено под юго-восточным краем площадки 3 (на 0,25—0,30 м ниже ее, в желтом суглинке)⁹. Могильное пятно выявить не удалось. Скелет оказался значительно поврежденным (многие кости отсутствовали), лежал на левом боку, в скорченном положении (рис. 19, 1). Костяк, по определению антрополога И. И. Гохмана, принадлежал молодому мужчине, не более 18—19 лет. Череп его сближается с черепами погребений неолитического могильника у с. Вовниги на Нижнем Днепре и отличается от трипольских (например, из Выхватинец). На запад от скелета обнаружены части четырех разбитых сосудов: двух тонкостенных чаш на кольцевых подставках, украшенных одна углубленным, другая — каннелюрованным орнаментом (рис. 19, 2), близких к чашам из Голеркан и двух кухонных сосудов (дуршлака и горшка), изготовленных из грубой комковой массы (рис. 19, 3, 4).

Кроме детского разрозненного погребения из Луки-Врублевецкой, захоронение из Солончены II является вторым из известных в раннем Триполье.

Средний слой на поселении Солончены II (Солончены II₂) наиболее мощный. Он относится к среднему этапу трипольской культуры, к переходному времени от этапа В I к этапу В II, согласно периодизации Т. С. Пассек, что соответствует фазе Кукутень А—В в Румынии.

Поселение в это время занимало большую площадь; оно состояло из наземных глинобитных жилищ-площадок и полуземлянок. Раскопаны четыре прямоугольные в плане площадки в основном большие¹⁰ и четыре землянки, овальные с перехватом посередине. Особый интерес представляют землянки № 2 и 4. Они были выявлены в коричневатых суглинках, а основания их — в лёссовидных суглинках. Землянка 2 обнаружена под площадкой 3 (среднего этапа Триполья), ниже нее на 0,3—0,4 м. Форма ее овальная, с небольшим перехватом почти посередине (длина 5, ширина 2,6—2,9, глубина 0,6—0,8 м). Землянка 2 состояла из двух частей: северной — большей и южной — меньшей, разделенных между собой плитчатым карнизом. Северная часть землянки в свою очередь вальковым обрамлением разделена на две части: северо-западную и северо-восточную. В первой находился вход в жилище, во второй — печь, к которой с юго-восточной стороны примыкала плитчатая вымостка. Края ее, видимо, были закруглены, а растрескавшиеся плитки имели конусовидные отверстия. Назначение их установить затруднительно. У нас нет оснований предполагать, что это остатки горна. Ближе к центру землянки расчищено основание заостренного книзу деревянного сильно обугленного столбика (диаметром 3,5 см, высотой 4,5 см). В восточной половине жилища обнаружено глинобитное возвышение — лежанка (1,2×1,4 м).

Комплекс находок землянки 2 аналогичен находкам площадки 3. Кроме посуды с двуцветной, трехцветной и одноцветной росписью, представлены сосуды степного типа с уплощенными и округлыми днищами.

Землянка 4, размером 6×3,5 м, неправильно вытянутой овальной формы (ширина землянки не могла быть точно установлена, так как восточный

⁹ Т. Г. Мовша. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом труположения. — «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР». Кишинев, 1960, стр. 60—62.

¹⁰ Т. Г. Мовша. Трипольское жилище на поселении Солончены II, стр. 231—249.

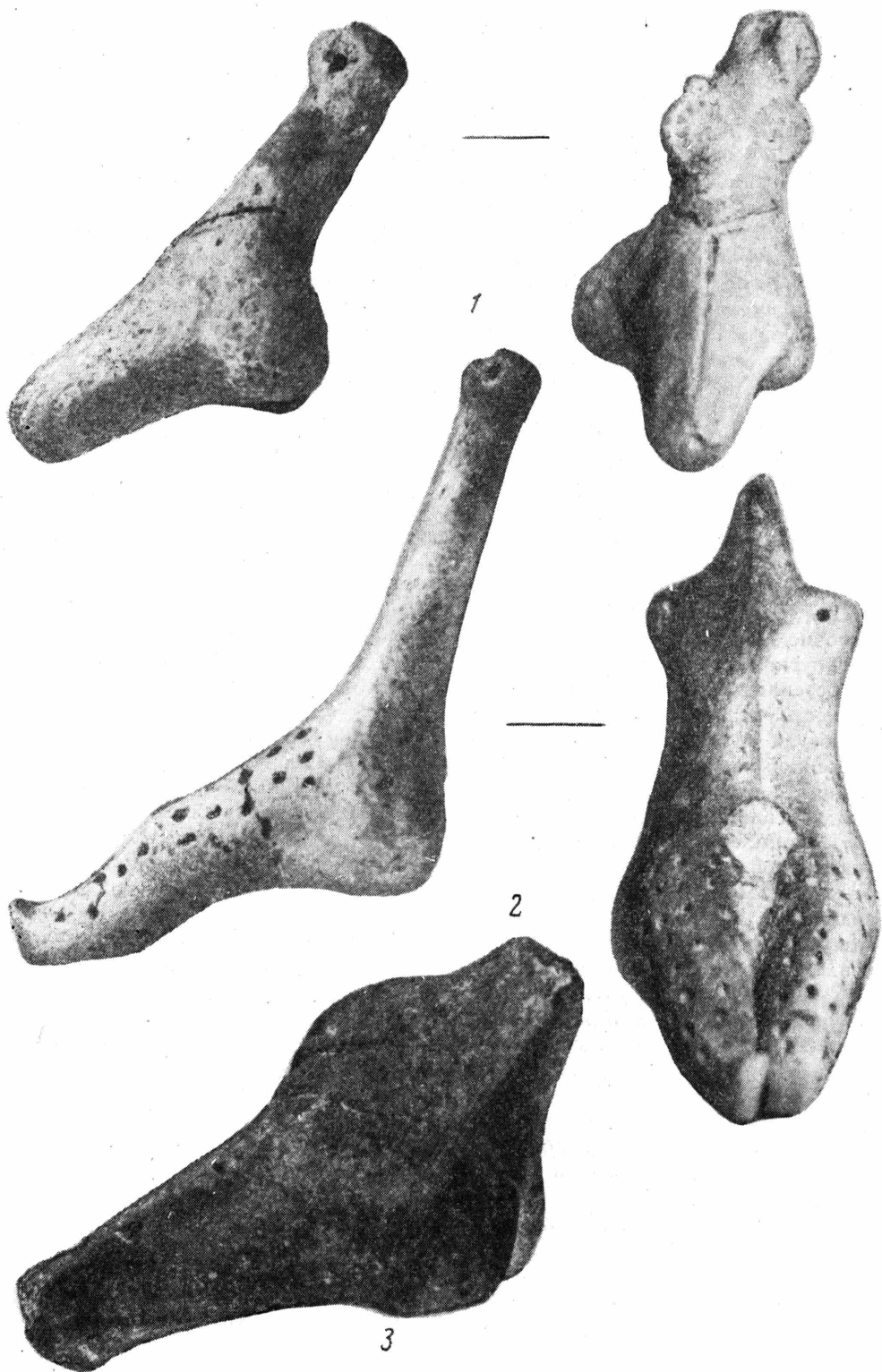

Рис. 18. Солончаны II:

1—3—антропоморфные фигурки из раниетрипольского слоя

край ее оказался разрушенным позднетрипольской полуземлянкой 3), состояла из центральной углубленной части и двух крыльев — восточного и западного. Западное крыло имеет ряд углублений и постепенно ступеньками понижается к центральной части жилища. Это позволяет предположить, что здесь был вход. Южная и восточная стенки землянки отвесные. Центральная часть жилища (размером 3 × 6,4 м) состоит из пяти углублений — ям. Наиболее глубокая из них около 2 м от верхнего края землянки. В ней у дна прослежены культурные горизонты с трипольскими находками толщиной 0,25—0,3 м каждый. Они были отделены друг от друга стерильными прослойками (толщиной 0,1—0,12 см) из желтовато-коричневых суглинков. В нижних культурных горизонтах почти на дне землянки, кроме расписной керамики с трехцветной и двуцветной росписью, обнаружены обломки сосудов и антропоморфные статуэтки раннетрипольского типа. Находки остального заполнения землянки относятся к среднему этапу трипольской культуры и аналогичны находкам из землянки 2¹¹.

В жилищах среднего культурного слоя поселения Солончены II обнаружен многочисленный хозяйственно-бытовой инвентарь. Из кремня найдены удлинённо-конические и пирамидальные нуклеусы, отбойники, ретушеры, резцы, скребки (основная масса последних изготовлена из кремневых отщепов), наконечники копий и стрел. Из камня изготовлены тесла, просверленные топоры, точильные камни, зернотерки. Из кости и рога сделаны наконечники для мотыг, проколки, шилья, ложила, клеуцы и другие предметы.

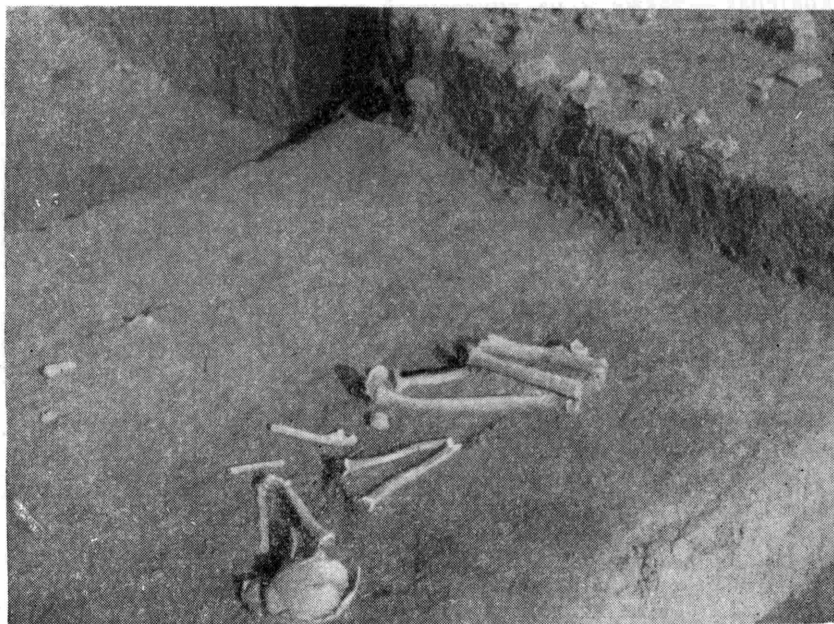
Для среднего культурного слоя Солончены II характерна наиболее многочисленная группа расписной керамики с трехцветной, двуцветной и одноцветной росписью. Сосуды изготовлены из розовой глины, часто тонкостенны, округлых форм, хорошо обожжены. Почти вся наружная поверхность их, а иногда и внутренняя, богато орнаментирована.

Посуда с трехцветной росписью украшена черной и красной краской, нанесенной на белый фон, или белой и черной краской — на оранжевый фон. Рисунок состоит из широких черных лент, окаймленных красными полосами на сплошь закрашенном белом фоне сосуда, или из белых широких лент, окаймленных черными полосами на оранжевом фоне сосуда. В рисунке преобладает спираль (рис. 20, 1), горизонтально расположенные восьмерки, меандр или простые геометрические узоры. Иногда орнамент заключен в двух поясах. Среди форм следует выделить грушевидные сосуды на поддонах, открытые чаши на кольцевых высоких подставках, небольшие округлые сосудики, шлемовидные крышки, мисочки.

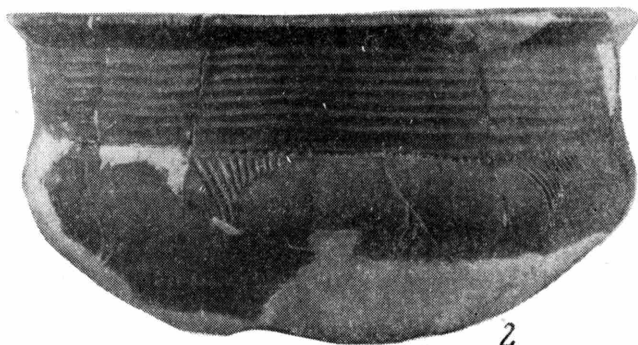
Керамика с двуцветной росписью имеет, как правило, оранжевый облицовочный фон, на котором краской красного или белого цвета нанесены узоры из широких лент, окаймленных черными полосами, образующими густую спираль, ромбы. Иногда наружная поверхность сосуда покрыта густой белой краской, на которую красками черного или красного цвета наносился рисунок. В группе керамики с двуцветной росписью имеются сосуды с желтоватой наружной поверхностью, расписанные белой краской с обводкой красной краской. Обнаружены сосуды тех же форм, что и в группе керамики с трехцветной росписью, а также двойные и одиночные крупные «бинокли» (рис. 20, 2).

Значительную группу находок составляет посуда, расписанная краской одного цвета, в основном черной с коричневатым оттенком, нанесенной на оранжевый или красноватый лощеный облицовочный фон, реже на естественный фон сосуда. Узор покрывает всю наружную поверхность. На круглотелых сосудах рисунок располагается и на дне (рис. 20, 3).

¹¹ В настоящее время сопоставляются материалы всех жилищ среднего этапа и уточняется относительная датировка каждого из них.

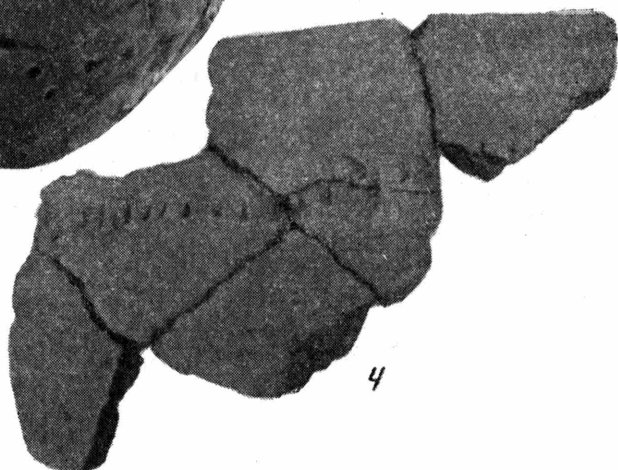
1

2

3

4

Рис. 19. Солончены II. Раннетрипольское погребение (1) и фрагменты керамики (2—4) из погребения

а в кратерах — также и на внутренней поверхности венчиков. В системе росписи встречаются овалы, одиночная и во много оборотов S-видная спираль, пространство внутри которой заполнено лабрисами. Имеются ряды парных треугольников, обращенных острыми углами друг к другу и заштрихованных косой сеткой, ряды опоясывающих волнистых линий, часто с острыми зубцами, и ромбов (рис. 20, 4). Среди орнаментальных узоров особого внимания заслуживает сложный стилизованный сюжет, изображающий женщину и быка. В расположении этого рисунка наблюдается определенная закономерность. Один и тот же мотив изображен на сосуде четыре раза. Вверху помещены стилизованные головы быков, ниже, между ними — геометрические женские фигуры в виде двух соединенных ромбов, заполненных сходящимися под углом полосами (рис. 20, 5). Здесь красками повторен орнаментальный сюжет, характерный для многих раннетрипольских женских фигурок, украшенных углубленными линиями.

По стилю росписи и форме расписная керамика из среднего слоя поселения Солончены II больше всего сходна с керамикой Траян-Дялул Фынтынилор¹², Корлэтенъ в Румынии, датируемых фазой Кукутенъ А—В. В Молдавии аналогией ей служит посуда из Жур¹³, а также материалы из разведочных раскопок В. И. Маркевича на трипольском поселении у с. Флорешты (участок заготзерно).

Вторую группу керамики составляет кухонная посуда с небрежно заглаженной наружной поверхностью, изготовленная из комковатой массы красноватого или розовато-желтого цвета с примесью шамота.

К третьей группе керамики относится посуда с углубленным орнаментом, вылепленная из желтой или светло-коричневой плотной массы с примесью песка. Углубленный орнамент состоит из опоясывающих лент полуovalов, S-видных лент, рядов косых линий (рис. 20, 6). Из форм найдены кратеры, грушевидные сосуды, шлемовидные крышки, «бинокли» и др.

В четвертую группу выделяется керамика, глубокие, иногда и широкие бороздки на которой сочетаются с росписью. Масса и форма этих сосудов те же, что и в третьей группе. При трехцветной росписи широкие промежутки поверхности между бороздками закрашены черной краской, узкие промежутки — коричневато-бордовой или красной краской, а углубленный узор заполнен белой пастой или желтой краской. Причем паста наносилась после росписи сосуда. При двуцветной росписи углубленный орнамент заполнялся белой пастой, а широкие и узкие промежутки поверхности между углубленным узором закрашивались черной или густой красной краской. Одноцветная роспись наносилась краской коричневатого или черного цвета.

Кроме трипольской керамики, в среднем слое поселения Солончены II, как на площадках, так и в землянках, обнаружена инородная посуда, изготовленная из глиняной массы с примесью измельченных раковин. Это широкогорлые горшки с округлыми или уплощенными и плоскими днищами, с высокими или низкими прямыми, слегка вздутыми венчиками с прямо срезанным краем, с высокими расширенными плечиками. Наружная поверхность хорошо заглажена и только изредка имеет следы полосчатого сглаживания. Узор покрывает верхние части сосудов — венчики, плечики (заходит на край венчика) и состоит из рядов оттисков зубчатых штампов, узких линий, мелких ногтевых зашипов, оттисков штампа в виде «гусенички». В орнаментальных мотивах преобладают узкие

¹² VI. Dumitrescu. La station préhistorique Traian (dép. de Neamt, Moldavie); fouilles des années 1936, 1938 et 1940. — «Dacia», IX—X, 1945, стр. 11—114.

¹³ С. Н. Бибииков. Археологические раскопки у селений Попенки и Журъ в 1952 г. — КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 105—110.

Рис. 20. Солончены II. Расписная посуда (1—5) и крышка с углубленным орнаментом (6) из среднего слоя

бороздки, расположенные вертикально, наискось, в виде полуovalов или треугольников, часто заштрихованных косо́й сеткой. Описанная керамика не имеет корней в трипольской культуре и генетически связана с керамикой племен степного юга (культурой Средний Стог II)¹⁴.

Таковы основные черты керамики среднего слоя поселения Солончены II, отнесенного по аналогии с наиболее близкими ему поселениями на территории Румынии к фазе Кукутень А—В.

Верхний слой на поселении Солончены II относится к позднему этапу Триполья (VII, по периодизации Т. С. Пассек). Стратиграфически он был прослежен лишь в 1959 г. в восточной части раскопа V, хотя разрозненные позднетрипольские находки встречались на поселении и прежде. Обнаружена землянка 3, видимо, частично перекрывавшая и разрушившая восточный край землянки 4 среднего этапа Триполья. Мощностъ культурного слоя доходила до 0,3—0,4 м. Полностью контуры землянки 3 проследить не удалось. Сохранился восточный и южный края полуovalной формы. Западный край ее сливался с границами землянки 4. Длина с севера на юг 5 м, с востока на запад — около 2 м. Дно неровное, понижается уступом и доходит в наиболее глубокой южной части до 0,6 м от прослеженного края. Заполнение землянки 3 составляют обломки позднетрипольской посуды, орудия труда, кости животных.

Керамика из верхнего слоя поселения Солончены II представлена небольшим количеством расписной посуды. Она тонкостенна, изготовлена из хорошо промешанной глины с примесью песка. Расписана по коричневатожелтому фону сосуда краской черного цвета часто в сочетании с красной или светло-коричневой. В системе орнамента господствуют отрезки сходящихся под углом лент, иногда обведенных волнистыми линиями, косая сетка. В промежутках между лентами имеются красные короткие полосы с утолщенными личинками, нанесенными черной краской. Обнаружены шаровидные сосуды и полусферические чаши с наклоненным внутрь краем венчика. Чаши расписаны внутри и снаружи (рис. 21, 1). Позднетрипольская кухонная керамика вылеплена из массы с примесью измельченных раковин. Поверхность коричневатосерого цвета хорошо заглажена. Орнамент состоит из одного-двух рядов отпечатков веревочки, опоясывающей основание шейки сосуда, или углублений, нанесенных штампом, или конических налепов. Преобладают круглотельные сосуды с высокими расширенными плечиками и отогнутым наружу краем венчика (рис. 21, 3—5). К керамическим изделиям относятся женские сильно стилизованные плоские фигурки с отверстиями по краям плечевых выступов (рис. 21, 2).

Комплекс керамики из верхнего слоя поселения Солончены II находит ближайшие аналогии в материалах Выхватинского могильника¹⁵ и датируется тем же временем (этап γ II).

Таким образом, раскопками 1956 и 1959 гг. на поселении Солончены II была прослежена стратиграфия культурных слоев, характеризующих различные этапы Триполья. Ранний этап трипольской культуры — Солончены II₁ — представлен горизонтом (жилища не обнаружены), содержащим небольшое количество керамики и скорченным погребением с сосудами. Комплекс находок позволяет сопоставить Солончены II₁ с поселением Солончены I и включить их в одну и ту же локальную группу¹⁶.

— Поселение среднего этапа Триполья (Солончены II₂) по керамическому комплексу отличается от более северных памятников Днестра с многоцветной росписью (Кадиевцы, Курдинцы, Поливанов Яр). Хронологи-

¹⁴ Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века, стр. 186—189.

¹⁵ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие трипольские племена Поднестровья. — МИА, № 84, 1961, стр. 146—183.

¹⁶ Там же, стр. 60—70; Т. Г. Мовша. Глинобитное жилище на раннетрипольском поселении Солончены I. — ИМФАН, № 5 (25), Кишинев, 1955.

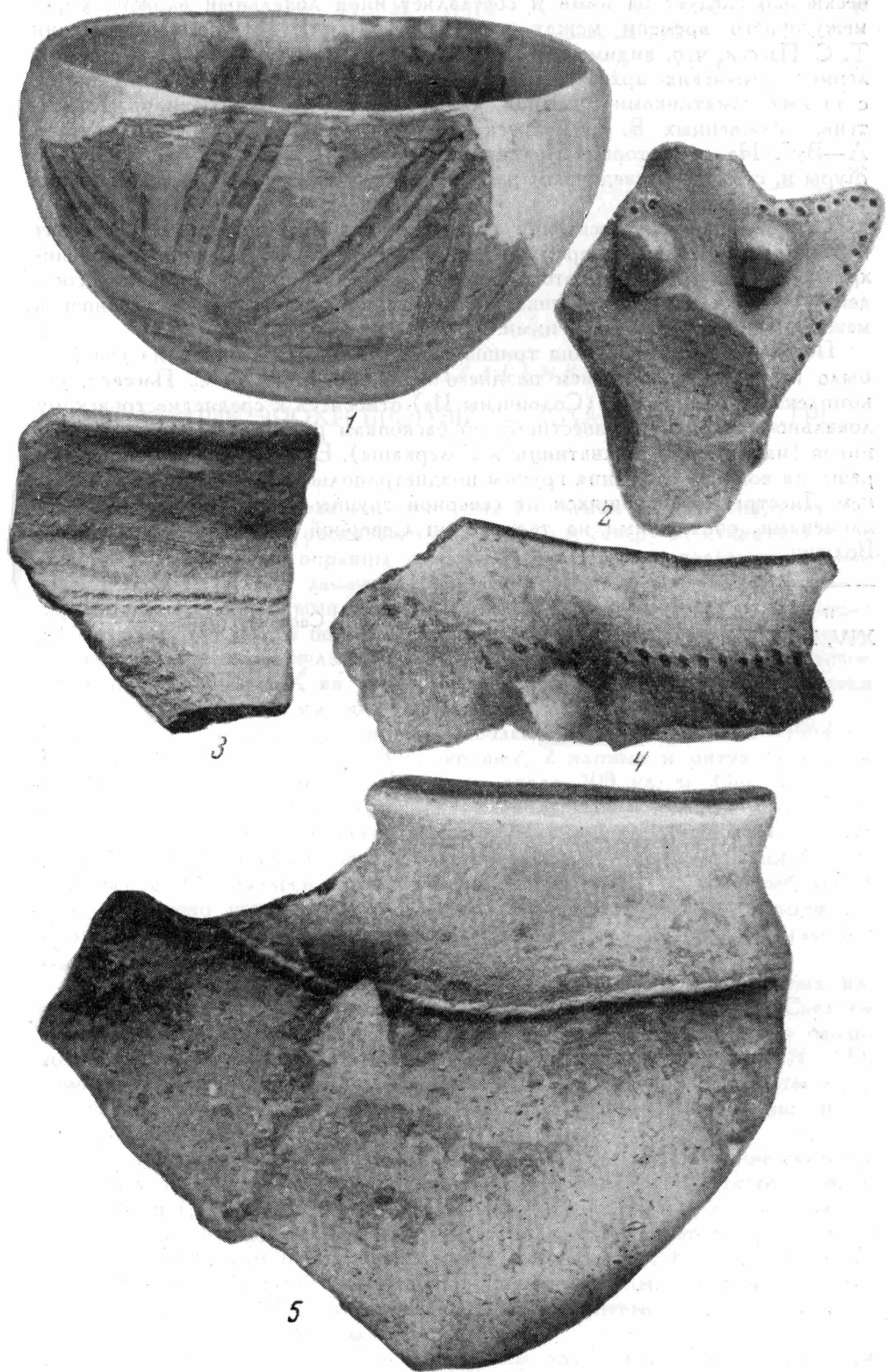

Рис. 21. Солончаны II. Расписная посуда (1), посуда, украшенная оттисками веревочки (3—5), фрагмент антропоморфной фигурки (2) из позднетрипольского слоя

чески оно следует за ними и составляет иной локальный вариант (промежуточного времени между этапами В I и В II), по периодизации Т. С. Пассек, что, видимо, соответствует фазе Кукутень А—В, по определению румынских археологов. Поселение среднего слоя сопоставляется с такими памятниками Румынии, как Траян-Дялул Фынтынилор, Корлэ-тень, включенных В. Думитреску в фазу Кукутень А—В₁, Кукутень А—В₂¹⁷. На территории Молдавии близко к Солонченам II поселение Журы и, судя по разведочным раскопкам, поселение у с. Флорешты (участок Заготзерно).

Особое значение поселения среднего слоя (Солончены II₂) состоит в выявлении степной керамики доямной культуры, позволяющей синхронизировать Триполье этого времени с памятниками их южных соседей — степных племен, проникавших в трипольскую среду, и установить межплеменные связи между ними.

Поселение среднего этапа трипольской культуры на одном из участков было перекрыто поселением позднего этапа (γ II, по Т. С. Пассек). По комплексу керамики оно (Солончены II₃) относится к среднестроковскому локальному варианту, известному по раскопкам ряда поселений и могильников (например, у Выхватинцы и Голерканы). Его материалы важны для решения вопроса сложения группы позднетрипольских памятников на Среднем Днестре, отличающихся от северной группы поселений, оставленных племенами, обитавшими на территории Северной Молдавии, Подолии и Волыни.

¹⁷ VI. Dumitrescu. Originea și evoluția culturii Cucuteni-Tripolie (I). — SCIV, XIV, N 2, 1963.

Г. Ф. ЧЕБОТАРЕНКО

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ У с. КАЛФА НА ДНЕСТРЕ

В 1961 г. при раскопках многослойного поселения Калфа обнаружен могильник эпохи бронзы, расположенный в 1 км к северу от станции Калфа и в 2,5 км к югу от окраины с. Гура-Быкулуй Тираспольского района Молдавской ССР. Он занимает небольшой участок южной оконечности высокого мыса с крутыми склонами. В 40—50 м на север и на запад от могильника открыто большое поселение сабастиновского типа со значительными элементами культуры Ноа. В V в. до н. э. здесь было гетское поселение, а в VIII—X вв. — славянское, о чем свидетельствуют остатки жилищ, хозяйственных ям, оборонительных сооружений.

Площадь, занятая могильником, — более 350 кв. м. В 1962—1964 гг. исследовано 16 погребений (13 одиночных, 2 парных и ритуальное), сосредоточенных в основном на площади около 100 кв. м. Они довольно часто нарушали друг друга (рис. 22), располагаясь в два-три яруса. Так, например, погребение 13 почти полностью разрушило парное погребение 9—10. Последнее в свою очередь слегка нарушило ямы погребений 8 и 14. Погребение 1 оказалось поврежденным погребением 6, а погребение 3 было нарушено погребением 5. Только четыре захоронения находились в стороне от основной группы, на расстоянии от 10 до 30 м (погребения 12, 15—17).

7 могильных ям из 16 имели каменные перекрытия из больших известняковых плит или бесформенных известняковых камней. Скелеты прослежены на глубине 0,6—1,7 м от современной поверхности, в овальных или округлых ямах, за исключением одного погребения (№ 13), помещенного в катакомбе. В основном (12) могильные ямы вырыты в суглинке (№ 2, 4, 6, 7, 9—11, 13—17), меньшая часть (5) — в черноземном слое (№ 1, 3, 5, 8, 12).

Для всех погребений характерно сильно скорченное положение скелетов на правом или левом боку. Ориентировка различная, чаще всего головой на юг (7 погребений). Четыре погребения ориентированы головой на север, три — на восток и лишь одно — на запад. Некоторые скелеты имеют следы окрашенности охрой. Только при захоронениях 6, 9, 10, 13 и 16 обнаружен погребальный инвентарь: глиняные сосуды, костяные пряжки, а при погребении 13 (в катакомбе) также кремневые отщепы, костяные проколки и створка раковины «Uпю».

В одной из ям находилось ритуальное захоронение части туловища животного (№ 4), по определению В. И. Цалкина, — быка. Там же найден костяной поворотный гарпун. Ниже дано описание захоронений.

Погребение 1. Сохранились лишь незначительные остатки черепной крышки, которые лежали на глубине 0,65 м¹ в овальной яме, ориентированной по длинной оси с юго-запада на северо-восток и перекрытой крупными известняковыми плитами. Размеры ямы 1,80 × 1,40 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 2. Находилось на глубине 0,8 м в овальной яме, размером 1,3 × 0,95 м, под перекрытием из крупных известняковых камней. Сохранность костяка хорошая. Отсутствовали лишь фаланги конечностей, часть позвонков и верхняя челюсть. Положение скорченное, на правом боку, головой на юг. Руки согнуты в локтях и прижаты к груди. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 3. В овальной яме, размером 0,9 × 1,50 м, ориентированной по длинной оси с запада на восток и перекрытой камнями. Костяк лежал на глубине 0,8 м. Частично сохранились лишь кости конечностей и череп. Инвентарь отсутствовал.

Ритуальное захоронение (4). В яме диаметром 1,5 м под перекрытием из больших камней на глубине 0,9 м обнаружены части туловища быка, среди костей которого лежал костяной поворотный гарпун. Захоронение ритуального характера.

Погребение 5. Частично разрушено погребением 3. От скелета сохранились остатки черепа на глубине 0,6 м.

Погребение 6. В овальной яме размером 1 × 1,3 и глубиной 1,1 м, с каменным перекрытием. Костяк лежал в скорченном положении, головой на юг, на правом боку. На черепе следы охры. Правая рука согнута в локте и прижата к груди, левая вытянута вдоль туловища, ноги согнуты в коленях. Возле правой руки лежал раздавленный глиняный горшок баночной формы с насечками по краю венчика.

Погребение 7. В овальной яме размером 1, 25 × 0,85, на глубине 0,95 м. Костяк сильно скорчен на левом боку, головой на север. Инвентарь отсутствует.

Погребение 8. В круглой яме диаметром 1,3 м, западная сторона которой разрушена погребением 9—10, на глубине 0,85 м. Костяк в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на ~~запад~~ *Север-запад-запад*.

Погребение 9—10. Парное, находилось в овальной яме размером 2,1 × 1,7 м, на глубине 1,45 м. Сохранились лишь отдельные кости, судя по которым оба погребенных лежали скорченно на левом боку, головой на север. Захоронение сопровождалось двумя остроберными сосудами. Один из них найден *in situ*. Другой сосуд и две кольцевые костяные пряжки были найдены в слое, разрушенном погребением 13, на разной глубине, ниже 0,8 м от современной поверхности. Сосуды украшены «елочкой» и треугольниками, нанесенными острием палочки.

Погребение 11. Парное, в овальной яме размером 1,3 × 1,15 м, на глубине 1,1 м. Перекрытие из известняковых плит располагалось только под ногами. Оба костяка скорченные, на боку, лицом к лицу. Ориентированы головой на северо-восток.

Погребение 12. Контуры могильной ямы не выявлены. На глубине 0,8 м открыт скорченный костяк на левом боку, головой на юго-восток. Перекрытие из нескольких камней прослежено только над костями ног.

Погребение 13. Находилось в яме с подбоем. Дромос овальной формы в виде вертикального колодца размером 1 × 1,7 м, глубина его 1,45 м. При его прокладке сильно разрушено парное погребение 9—10. Подбой находился в западной стенке дромоса, у его основания, и спускался до глубины 1,75 м. Низкий, овальный в плане (1,3 × 2,6 м) подбой ориентирован по длинной оси с севера на юг. Костяк в сильно скорченном положении на левом боку, головой на север. Затылочная и височные кости черепа окрашены красной охрой. Перед лицевыми костями стоял

¹ Замеры глубин во всех случаях производились от современной поверхности.

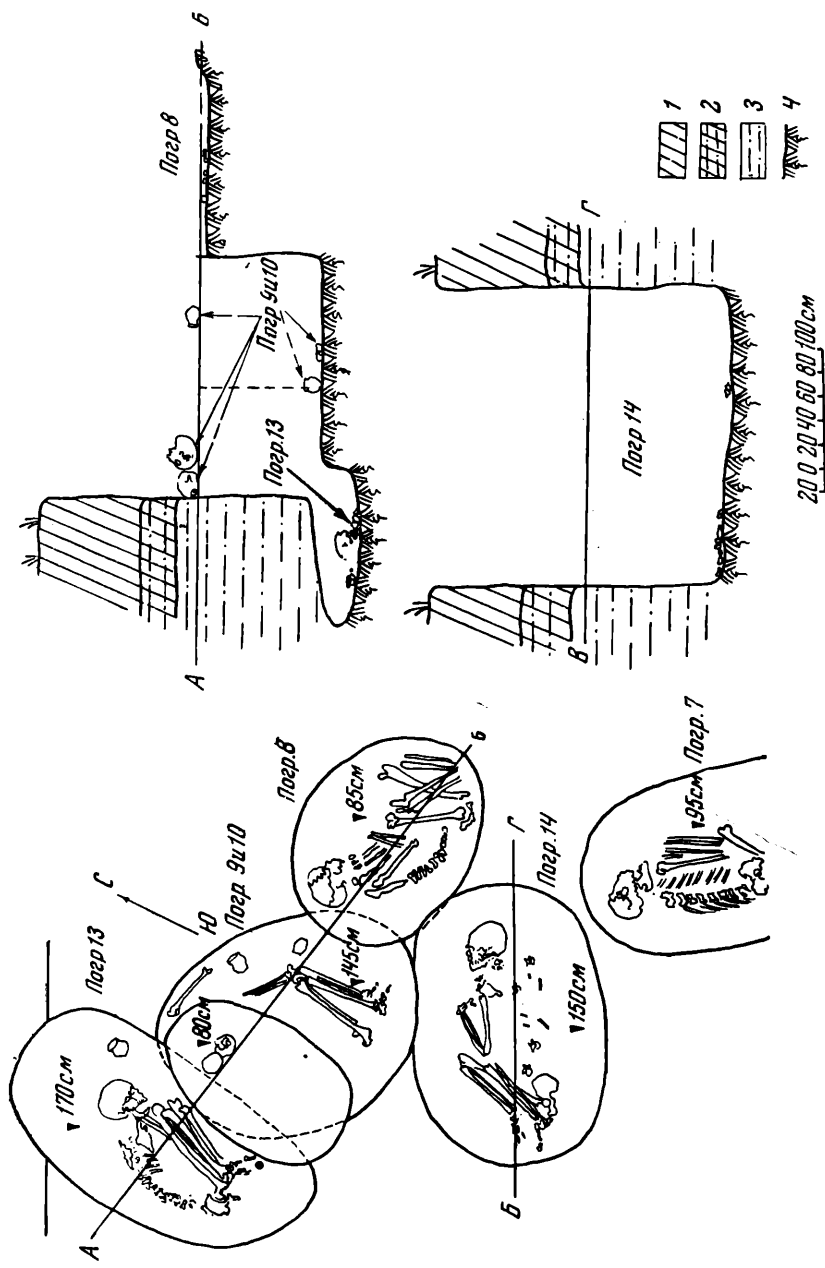

Рис. 22. Планы и разрезы погребений 7—10, 13, 14 могильника Калфа
 1 — черноем; 2 — суэсь; 3 — суглинкок; 4 — материк

сосуд баночной формы с насечками по краю венчика. У поясничных позвонков лежала костяная кольцевая пряжка, аналогичная пряжкам из погребения 9—10, а на груди, видимо, в висевшем на шее мешочке, находились шесть отщепов кремня, две костяные проколки и створка раковины «Upio». В заполнении подбоя найдено также несколько позвонков и нижняя челюсть одного из скелетов парного погребения 9—10.

Погребение 14. Находилось в овальной яме размером $0,95 \times 1,45$ м, на глубине 1,5 м. Костяк скорчен на правом боку, головой на юго-восток, сохранился плохо. На черепе слабые следы красной охры.

Погребение 15. Скелет и погребальная яма разрушены славянским жилищем. На глубине 1 м сохранились череп, три шейных позвонка и несколько пальцевых фаланг. Судя по остаткам костяка, он лежал на левом боку, в скорченном положении.

Погребение 16. Камни перекрытия лежали под углом, начиная с глубины 0,15 до 0,9 м. Костяк скорченный на правом боку, головой на юг. Перед лицом погребенного стоял глиняный сосуд баночной формы с каннелюрованной поверхностью ниже основания плечиков.

Погребение 17. Костяк обнаружен на глубине 1,3 м в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. Сохранность хорошая.

Погребальный инвентарь в могильнике Калфа представлен костяным поворотным гарпуном, костяными пряжками, отщепами кремня, створкой раковины «Upio» и глиняной посудой.

Костяной поворотный гарпун пирамидальной формы с боковым шипом, широким основанием и втулкой для древка, у вершины имеет отверстие (рис. 23, 1). Обнаружен при ритуальном захоронении животного (погребение 4). Аналогичные гарпуны известны из раскопок в Ушкалке на Днестре².

Среди костяных изделий интересны две проколки, сделанные из отщепов трубчатых костей с отполированной поверхностью (погребение 13, рис. 23, 6, 7).

Особый интерес представляют четыре кольцевые пряжки, сделанные из кости (три — из погребений 9—10 и 13 и одна из культурного слоя на территории могильника). Пряжки сделаны из крупных трубчатых костей животного. Они имеют форму круглых или овальных пластинок с круглым большим отверстием посередине (рис. 23, 2—5). Одна пряжка имеет боковое небольшое отверстие (рис. 23, 5).

Пряжки описанного типа характерны для памятников «срубной» культуры. Аналоги им мы находим на Донце³, в Нижнем Поднепровье (Ступки)⁴, на р. Молочной (курган 7, погребение 6)⁵, в материалах Бесчастной могилы⁶, на Днестре (Олонешты)⁷, и Нижнем Поволжье⁸. Подобные пряжки обнаружены также и на поселениях Бабино III и ряде других памятников⁹, которые Б. А. Латынин относит к «срубной» культуре, к ранней поре ее развития¹⁰.

² Д. Я. Телегин. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я. — «Археологія», XII, Київ, 1961, стр. 8, рис. 4, 2.

³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. 1901 г. — Труды XII АС, т. 1, 1905, стр. 202, 207.

⁴ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. 1903 г. — Труды XIII АС, т. 1, 1907, стр. 239, 242.

⁵ М. И. Вязьмитина, В. А. Иллывинська и др. Кургани біля с. Новопилпівкі і радгоспу «Аккермень». — АП, VIII, 1960, стр. 112, рис. 87, 4 и 73, 11.

⁶ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 16—17.

⁷ А. И. Мелюкова. Курганы эпохи бронзы у с. Олонешты. — КСИА, вып. 98, 1962, стр. 35, рис. 11, 2 и 12, 3.

⁸ К. Ф. Смирнов. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское. — МИА, № 60, 1959, стр. 148, 240 и 315, рис. 15, 1, 2, 13, 17.

⁹ С. С. Березанская. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. — СА, 1960, № 4, рис. 4, стр. 29—31.

¹⁰ Б. А. Латынин. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой. — «Археологический сборник», вып. 6. Изд. Гос. Эрмитажа. Л., 1964.

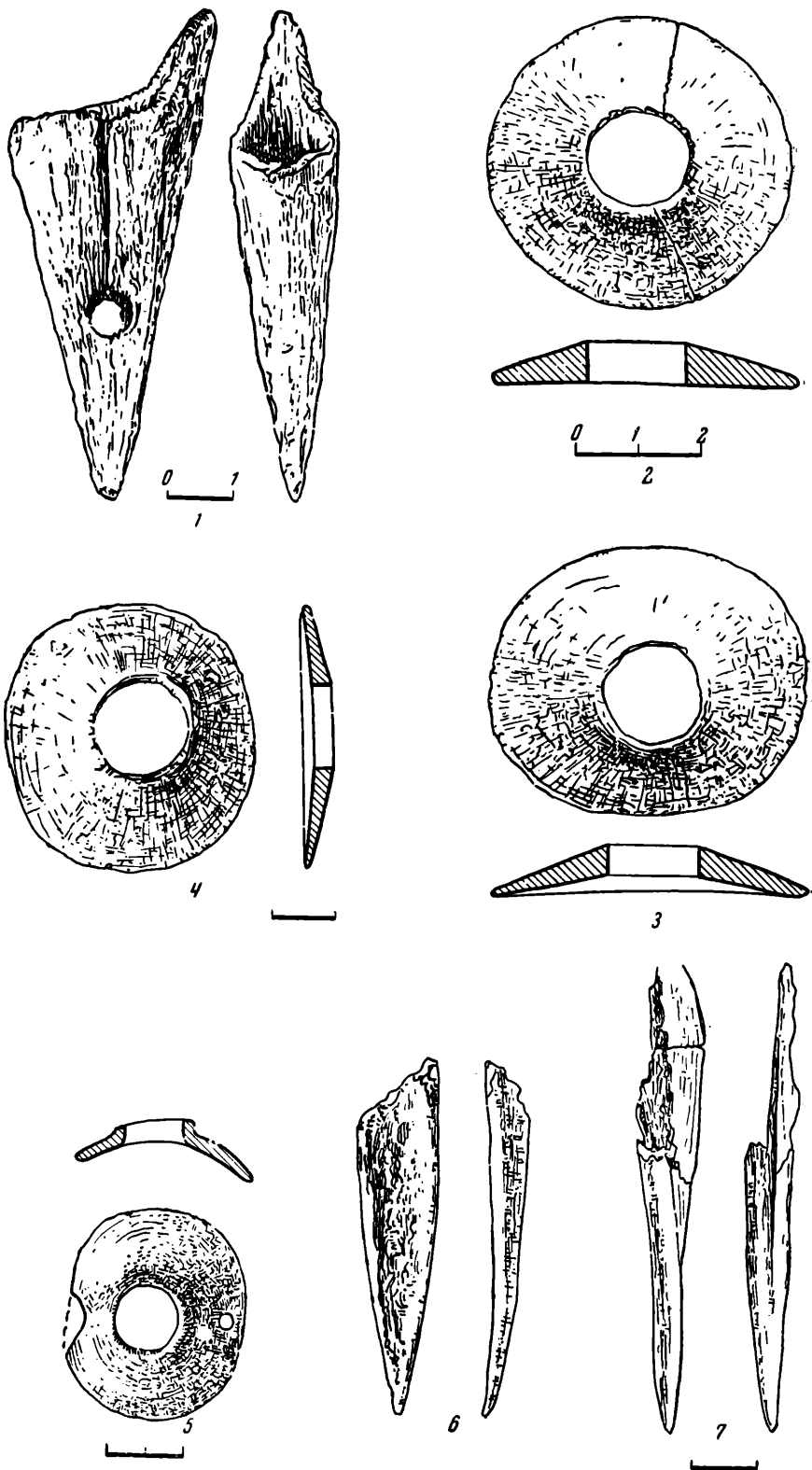

Рис. 23. Инвентарь из погребений могильника Калфа

1 — костяной поворотный гарпун (ритуальное захоронение 4); 2—5 — костяные пряжки (2, 3 — погр. 9, 10; 4 — погр. 13; 5 — из культурного слоя); 6, 7 — костяные проколки (погр. 13)

Керамика, найденная на могильнике, представлена пятью сосудами из четырех погребений (погребения 6, 13, 16 и 9—10). Керамика лепная, изготовлена из глиняного теста однородного состава с примесью песка, за исключением одного сосуда (погребение 6), в тесте которого примешан мелкодробленый шамот.

1. Сосуд баночной формы (погребение 6) с плоским дном, изготовлен из глины с примесью мелкодробленого шамота. Поверхность бурого цвета, в пятнах разного оттенка, заглаженная, неорнаментированная. Край венчика украшен насечками (рис. 24, 1).

Сосуд типичен для инвентаря погребений «срубной» культуры. Ближайшие аналогии известны в Аккермене I, на р. Молочной (курган 7, погребение 6) из раскопок А. И. Тереножкина¹¹.

2. Сосуд острореберный (погребения 9—10), тонкостенный, с отогнутым венчиком и плоским дном (рис. 24, 2). Наружная поверхность его заглажена и украшена углубленным орнаментом из тонких, вырезанных острием ножа линий. Геометрический узор расположен в четырех поясах по всей поверхности сосуда. В первом и третьем сверху поясах углубленный орнамент образует незаштрихованные треугольники, обращенные вершинами в разные стороны. Второй пояс сверху (центральный орнаментальный мотив) делится на 11 прямоугольных зон, заштрихованных косыми линиями, образующими в паре «елочку». В нижнем, четвертом поясе, у дна, находится ряд косо расположенных изогнутых линий.

3. Сосуд (погребения 9—10) острореберный, но с более вытянутым туловом, чем предыдущий, с плоским дном, толстостенный. Наружная поверхность сосуда шероховатая и украшена углубленным орнаментом в виде геометрического узора, который доходит почти до дна. Расположен в двух поясах, обрамленных горизонтальными линиями (рис. 24, 3). На плечиках сосуда — заштрихованные треугольники. Нижний пояс делится на ряд прямоугольных секций, заполненных косо расположенными линиями, образующими «елочку». Ниже него — три опоясывающие туловище горизонтальные линии. По краю венчика — косые насечки.

Оба сосуда находят аналогии среди многочисленных острореберных горшков ранней поры «срубной» культуры. Среди них следует назвать горшки из Белозерки (курган 21, слой 3) из раскопок Г. Л. Скадовского¹², с Полтавщины (курган CDXX, погребение 5)¹³ и с Емчихи на Киевщине (курган CCCLXXVI, погребение 1) из раскопок Н. Е. Бранденбурга¹⁴. Близкие к ним сосуды обнаружены и в бывшей Екатеринославской губ.¹⁵

Особенно близки они горшкам из поселений культуры «многоваликовой» керамики на Среднем Днепре, типа Бабино III¹⁶, Кондрашевка¹⁷, Карахан¹⁸ и Княжа Гора¹⁹.

4. Сосуд баночной формы (погребение 13), со слегка откинутым наружу венчиком, асимметричный, с заглаженной наружной поверхностью, покрытой сильным нагаром. По краю венчика — небольшие насечки (рис. 24, 4). Аналогии ему имеются среди керамики раннего этапа развития «срубной» культуры (пример — сосуды из Табурища и Грушевки, раскоп 2, погребение 2 Херсонской обл.²⁰).

¹¹ М. І. Вязьмітіна, В. А. Иллїнська и др. Указ. соч., стр. 112, рис. 85, 4 и 73, 4.

¹² Б. А. Латынин. Указ. соч., стр. 62, рис. 1, 1, 4.

¹³ Там же, рис. 1, 2.

¹⁴ Там же, рис. 1, 3.

¹⁵ Там же, рис. 1, 5, 6.

¹⁶ С. С. Березанская. Указ. соч., стр. 67, рис. 4, 5.

¹⁷ Б. А. Латынин. Указ. соч., стр. 67, рис. 4, 5.

¹⁸ Собрание Киевского Исторического музея. Фонды. Колл. опись а271/30.

¹⁹ Там же, колл. опись а/92.

²⁰ Б. А. Латынин. Указ. соч., стр. 64, рис. 2—6.

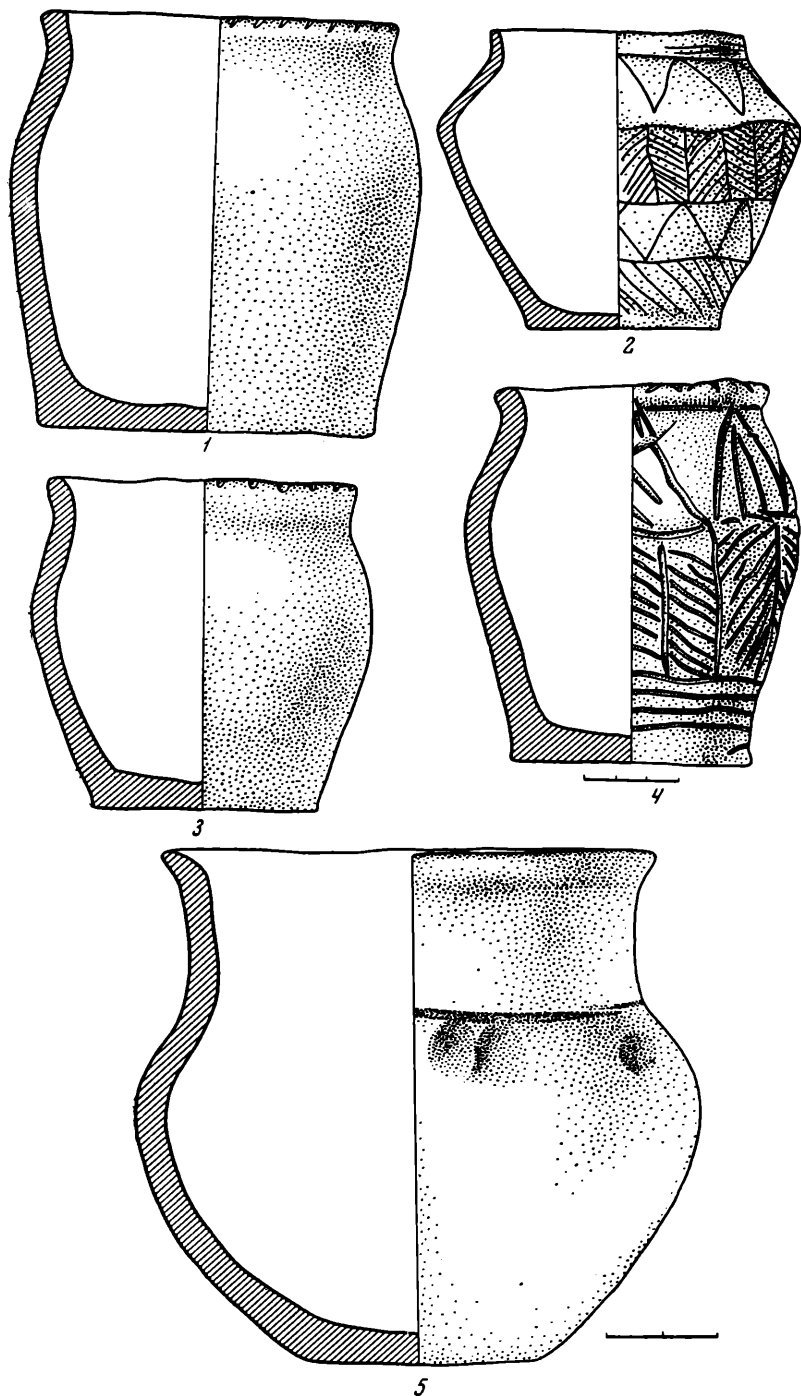

Рис. 24. Сосуды из погребений могильника Калфа

1 — погр. 6; 2, 3 — погр. 9, 10; 4 — погр. 13

погр. 13

5. Сосуд с высокой шейкой и слегка округлым туловом, нижняя часть которого сужается ко дну (погребение 16). Венчик немного отогнут наружу. Наружная поверхность пролощена. Основание плечиков орнаментировано небольшими, косо расположенными каннелюрами (рис. 24, 5).

Такие сосуды аналогичны сосудам одной из групп керамики саба-тиновского типа²¹ и культуры Ноа²².

Как мы видим из вышеприведенных аналогий вещевому материалу, найденному в могильнике, памятник относится к раннему этапу развития «срубной» культуры. Наличие нескольких ярусов погребений заставляет думать, что могильник использовался несколькими поколениями. Эти наблюдения, сделанные на основе стратиграфических данных (рис. 22), подтверждаются рассмотрением керамики. Так, наличие остросереберных сосудов в погребении 9—10 говорит о более ранней дате (XV в. до н. э.), чем об этом можно судить по сосуду из погребения 13. Сосуд из погребения 16 аналогичен ряду форм посуды, бытовавшей на поселениях типа Сабатиновка и культуры Ноа на ранних этапах их развития (середина XIV—XIII вв. до н. э.). Его использование в течение довольно длительного времени позволяет предполагать, что в нем, видимо, хоронили представителей большой патриархальной семьи, проживающей где-то вблизи. Об этом говорят и отдельные находки керамики, аналогичные найденной в погребениях, на поселении, расположенном в непосредственной близости от могильника.

Орнаментальные мотивы на сосудах, остросереберность горшков, наличие кольцевых костяных пряжек, а также погребения с подбоем служат свидетельством того, что памятник относится к самому позднему этапу «катакомбной» культуры и раннему этапу «срубной».

²¹ Д. Я. Телегин. Указ. соч., стр. 10, рис. 5, 5.

²² А. С. Florescu. Contribuții la cunoașterea culturii Noua. — «Arheologia Moldovei», II—III, 1964, pag. 187, fig. 24, 1, 7.

Г. И. СМЕРНОВА

РАНЕГОЛИГРАДСКИЙ КОМПЛЕКС МАГАЛЫ

До последнего времени памятники голиградского типа, распространенные в предскифский период на территории Прикарпатья, рассматривались исследователями как единый культурно-хронологический комплекс¹. Несмотря на довольно широкие хронологические рамки культуры голиградского типа (IX—VII вв. до н. э.², а по новым датировкам X—VII вв. до н. э.³), не удавалось уловить особенностей ранних комплексов, так же как еще не сложилось определенного представления об облике поздних голиградских памятников. Поводом для постановки вопроса о раннеголиградских памятниках Прикарпатья послужили открытия последних лет на поселении Магала. Во время раскопок 1959 и 1960 гг. в Магале обнаружены остатки жилых и хозяйственных сооружений, которые на основании данных стратиграфии и типологических особенностей найденного в них материала были выделены в особую группу, занявшую промежуточное место между двумя известными здесь ранее комплексами культуры Ноа и голиградского типа. Вновь открытый комплекс, имея много общего с материалами голиградского типа из верхнего слоя поселения⁴, все же отличается от него архаичным обликом. Наибольшая разница между средним (раннеголиградским) слоем и последующим голиградским проявляется в керамике, в то время как в приемах домостроительства наблюдается полная преемственность.

Отличительной особенностью раннеголиградской керамики является наличие на наружной поверхности всех сосудов, как грубых кухонных, так и столовых, следов расчесов, нанесенных по сырой глине до обжига пучком сухой травы. На сосудах кухонного назначения, как правило, вся поверхность от венчика до дна покрыта расчесами (рис. 25, 2, 8, 14). На лощеной посуде следы расчесов в основном видны только на придонной части (рис. 25, 1, 4, 5). Однако более детальное изучение техники отделки этой группы керамики показало, что вначале поверхность столовой посуды покрывалась расчесами также целиком. Затем расчесы пере-

¹ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. — МИА, № 64, 1958, стр. 20—31; И. К. Свешников. Памятники голиградского типа на Западном Подолі. — МДАПВ, вып. 5, 1964, стр. 40—65.

² А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 25; И. К. Свешников. Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття и Західного Поділля. Львів, 1958, стр. 27.

³ И. К. Свешников. Памятники..., стр. 62—64.

⁴ Г. И. Смирнова. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой обл. — КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 100—104, рис. 37, 1—6; 38, 1—7, 9—13.

крывали слоем черной пасты, наиболее интенсивно нанесенной по верхней части сосуда и слабо — на нижней половине.

Посуда раннеголиградского комплекса, как и голиградская, изготовлена из глины с примесью шамота, что совершенно не свойственно керамике культуры Ноа из нижнего слоя Магалы, где господствует примесь дресвы. В раннеголиградской керамике, как и в керамике из верхнего слоя, известны корчаги с внутренней красновато-розовой поверхностью.

Вместе с тем раннеголиградский керамический комплекс уступает голиградскому по разнообразию типов и совершенству форм в основном одинаковых видов посуды. Так, самым распространенным видом кухонной посуды являются здесь прямостенные горшки со стенками, сужающимися ко дну (рис. 25, 2), близкие по форме к одной из разновидностей кухонной керамики голиградского типа⁵. Изредка встречаются грубые горшки другого профиля. Край венчика у них немного отогнут, короткая шейка переходит в слегка округлые бока (рис. 26, 9, 14). Параллели этой разновидности посуды также имеются среди грубой керамики голиградского типа⁶. Но на раннеголиградских сосудах кухонного назначения еще отсутствуют типичные для голиградского керамического комплекса выступы-упоры. Иногда в верхней части раннеголиградских горшков имеются три-четыре небольшие шишечки, являющиеся прототипами выступов-упоров, характерных для керамики следующего периода.

В лощенной керамике преобладают миски и корчаги, относящиеся к категории сосудов типа Вилланова. Реже встречаются различные виды чашечек. Широко представленные в раннеголиградском комплексе Магалы корчаги имеют высокое цилиндрическое горло с отогнутыми краями и раздутые бока (рис. 25, 5; рис. 26, 3). Верхняя часть тулова обычно ornamentирована параллельными рядами косых либо горизонтальных каннелюр. Нередко на границе перехода шейки в бока находятся выступы-упоры, выдавленные изнутри. Миски известны двух типов. Наиболее распространены миски с краями, оформленными четырьмя—пятью лепестковидными выступами. Внутри вдоль верхнего края нанесен орнамент в виде параллельных рядов горизонтальных каннелюр (рис. 25, 1, 4; рис. 26, 1, 4). Миски другого типа имеют загнутые внутрь края, ornamentированные короткими косыми каннелюрами, в раннеголиградском комплексе Магалы представлены единичными экземплярами; в верхнем слое поселения миски с загнутым внутрь краем образуют многочисленную группу⁷, явно преобладающая над мисками с лепестковидным краем. Посуда других форм представлена небольшими чашеобразными сосудами с ровным либо лепестковидным краем (рис. 26, 2, 5), тулово иногда украшалось каннелюрами или резным узором, нанесенным зубчатым штампом (рис. 26, 7)⁸.

В целом раннеголиградский комплекс производит впечатление более архаичного по сравнению с керамикой верхнего горизонта поселения. В нем еще отсутствуют все характерные для культуры голиградского типа формы посуды. Качество ее лощения более низкое, отдельные виды, например кухонные горшки, примитивны по облику.

Более ранний возраст этого керамического комплекса подтверждается сосуществованием его с керамикой типа Ноа, характерной для нижнего горизонта поселения. Например, были обнаружены вместе три сосуда: один из них типичен по форме, орнаменту и примеси толченого кремня в тесте для культуры Ноа (рис. 25, 3), два других со следами расчесов на поверхности — миска (рис. 25, 1) и нижняя часть корчаги (рис. 25, 5) — являются характерными для раннеголиградского комплекса. Присутствие

⁵ Г. И. Смирнова. Указ. соч., рис. 37, 3, 4.

⁶ Там же, рис. 37, 2; И. К. Свешников. Памятки..., табл. II, 21.

⁷ Г. И. Смирнова. Указ. соч., стр. 101, рис. 37, 5; 38, 4.

⁸ Там же, рис. 37, 8.

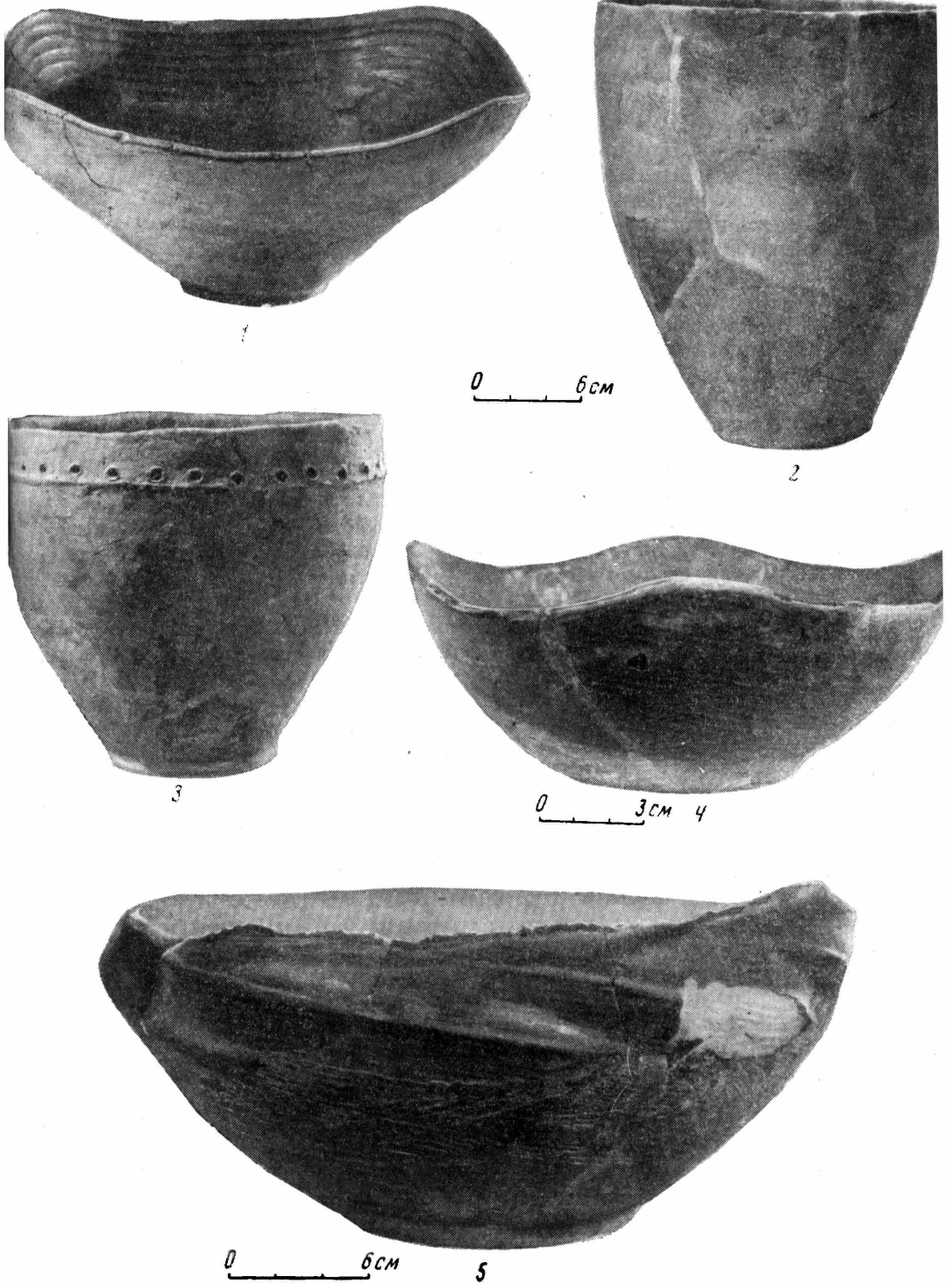

Рис. 25. Керамика из среднего слоя поселения Магалы

1, 2, 4, 5 — основные типы раннеголиградской керамики; 3 — сосуд культуры Нова, найденный совместно с раннеголиградскими сосудами (1, 5); 2, 4 — сосуды из печи в яме № 18.

керамики типа Ноа зафиксировано также в заполнении ям и землянки № 2, где преобладали раннеголиградские находки. Среди голиградского материала верхнего слоя поселения вышеописанная керамика с расчесами на поверхности встречается очень редко. Как правило, она находится в нижнем горизонте заполнения голиградских ям и землянки № 1, что также свидетельствует об ее более раннем возрасте.

Керамика раннеголиградского типа связывается с определенными жилыми и хозяйственно-производственными сооружениями, которые открыты в основном в центральной части поселения Магалы, восточнее зольников, относящихся, как известно, к нижнему горизонту этого памятника⁹.

Раннеголиградские жилища представлены двумя типами построек — наземными и углубленными в землю. Землянка № 2 была открыта в 1960 г. на раскопе VI¹⁰. Она неправильно четырехугольная в плане, слегка вытянутая с востока на запад. Ее площадь составляет 24 кв. м. В жилище оказалось два пола, но различия в материалах различных строительных периодов почти не наблюдается. В нижнем горизонте пола прослежены ямы, разделенные в северо-западной части узкими невысокими перемычками, а по центру — широкой перемычкой в виде плоской земляной скамейки. Наибольшая глубина первоначального пола в ямах достигает 1,7 м, а наименьшая — на уровне скамеек — 1,15 м. На полу в юго-восточном углу находилось скопление кусков обмазки, являвшейся, по всей вероятности, остатками разрушенного очага (рис. 27, II).

Нижний жилой горизонт перекрыт слоем черного плотного гумуса, над слоем гумуса, на глубине 1,15 м от верхнего края землянки, — прослойки угля и светлой глины. Это второй пол жилища. Следов очага не обнаружено.

Вдоль стен землянки, за исключением юго-западного угла, на глубине 50 см от верхнего края находится земляная ступенька с мелкими ямками, расположенными в один ряд. Не исключено, что это были ямки от кольев, образовывавших каркас наземных стен жилища. На центральных участках поселения (раскопы VI и VII) обнаружены следы жилых построек наземного типа — очаги и ямы от столбов, входившие в конструкцию стен и служившие опорой крыши. Система в расположении столбовых ям часто бывает нарушена из-за перестроек, но в одном случае благодаря симметричному размещению ям контуры жилища очерчивались довольно четко (рис. 27, I). Оно было прямоугольным в плане, ориентировано по оси восток-запад. Размеры этой постройки определить не удалось, так как западная часть оказалась разрушенной поздней ямой. Внутри жилища находились два очага. Основанием одного из них служили камни, покрытые сверху глиной. Другой имел вид глинобитной площадки размерами 0,8 × 1 м, в основании которой лежал мелкий речной галечник. Не исключено, что первый очаг прекратил функционирование раньше второго, так как он оказался разрушенным еще в древности.

Единый хозяйственно-бытовой комплекс образуют с этим жилищем две ямы, обнаруженные возле него (рис. 27, I). Одна из них (№ 68) относится к категории характерных для всех горизонтов поселения Магала отопительных сооружений с топкой, устроенной на дне углублений. Следы топки в нижней части ямы № 68 состояли из прослоек угля, золы и обожженной глины.

Обнаружены также печи, состоявшие из отопительной камеры, помещенной в яме, и куполообразного глинобитного перекрытия над ней. Под завалом купола в одной из таких ям (№ 18) лежали раздавленные сосуды

⁹ Г. Смирнова. Западноукраинская археологическая экспедиция в 1957 г. — СГЭ, XVI, 1959, стр. 62—64.

¹⁰ На поселении принята единая нумерация ям и землянок. Землянка № 1 относится к верхнему горизонту.

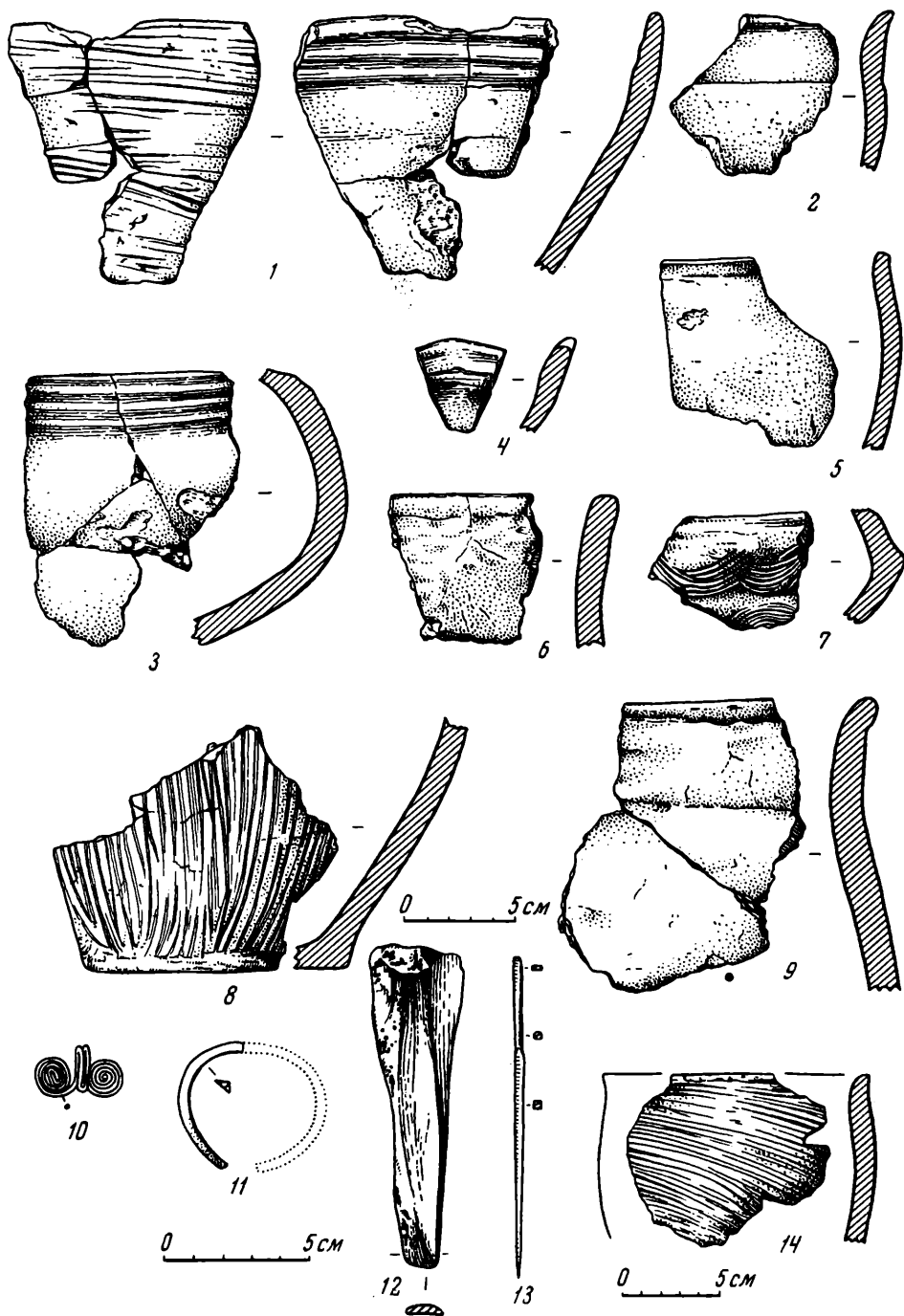

Рис. 26. Находки из среднего слоя поселения Магалы

1-9 — керамика из ямы № 68; 10, 12-13 — вещи из землянки № 2; 11, 14 — находки в культурном слое

раннеголиградского типа (рис. 25, 2, 4)¹¹. Присутствие в печи целых сосудов столового назначения, которыми, как правило, не пользовались для варки пищи, позволяет предположить, что эта печь служила для обжига керамики. Наше предположение подтверждается находками здесь округлых предметов, вырезанных из стенок сосудов, которые применялись в качестве прокладок между сосудами¹². Плохая сохранность описанной выше печи, к сожалению, затрудняет ее реконструкцию.

Верхний горизонт Магалы характеризуется большим разнообразием типов жилищ, увеличением размеров землянок¹³ и усложнением конструкции печей.

Ввиду немногочисленности найденных вещей сложнее выявить особенности раннеголиградского инвентаря из кости и бронзы, характерного для раннегальштатских памятников. Не вызывает, правда, сомнений принадлежность к этому времени бронзовых спиралевидных украшений и четырехгранного шила, найденных в заполнении землянки № 2 (рис. 26, 10, 13). Учитывая условия находки (культурный слой, где преобладала керамика с расчесами), можно отнести к раннеголиградскому комплексу бронзовый серп с выступом на конце¹⁴, треугольный в сечении браслет (рис. 26, 11) и бляшку с петлей на обороте. Некоторые из этих видов бронзовых изделий (серпы с выступом¹⁵, четырехгранные шилья¹⁶) бытовали и в последующий период. Железные же изделия, наличие которых зафиксировано для собственно голиградских памятников¹⁷, отсутствуют на раннем этапе развития культуры фракийского гальштата в Прикарпатье.

Раннеголиградский материал, впервые выделенный в самостоятельную группу на основании данных раскопок поселения Магала, встречается на ряде других памятников Прикарпатье. Многочисленные обломки посуды со следами расчесов найдены, например, на поселениях у сел Староселье в урочище «Остров», Рогизна в урочище «у Става», Новоселица в урочище «Селище» и в ряде других пунктов, открытых разведками Б. А. Тимошука на территории Черновицкой области (бассейн р. Прут)¹⁸.

Памятники с такой керамикой известны в бассейне Днестра в пределах Ивано-Франковской и Тернопольской областей. На одних поселениях (с. Крылос, на территории детинца в древнем Галиче)¹⁹ посуда с расчесами на наружной поверхности образует многочисленную группу, на других, являющихся классическими памятниками голиградского типа, она составляет незначительный процент (поселения у сел Голиграды, Городница, Федоровка²⁰ и Бовшев²¹).

Для уточнения границ распространения памятников раннеголиградского типа необходимы дополнительные исследования как на территории Прикарпатье, так и в Закарпатской области, где также открыты поселения

¹¹ Г. И. Смирнова. Поселение позднебронзового века. . . , стр. 100, рис. 37, 7, 8; 38, 8, 14.

¹² В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. — ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 87, рис. 45.

¹³ Г. И. Смирнова. Поселение позднебронзового века. . . , стр. 101.

¹⁴ Г. И. Смирнова. Западноукраинская археологическая экспедиция в 1957 г., рис. 3, 5.

¹⁵ І. К. Свешніков. Пам'ятки. . . , табл. III, 4.

¹⁶ Г. И. Смирнова. Поселение позднебронзового века. . . , рис. 38, 11.

¹⁷ Там же, рис. 38, 9.

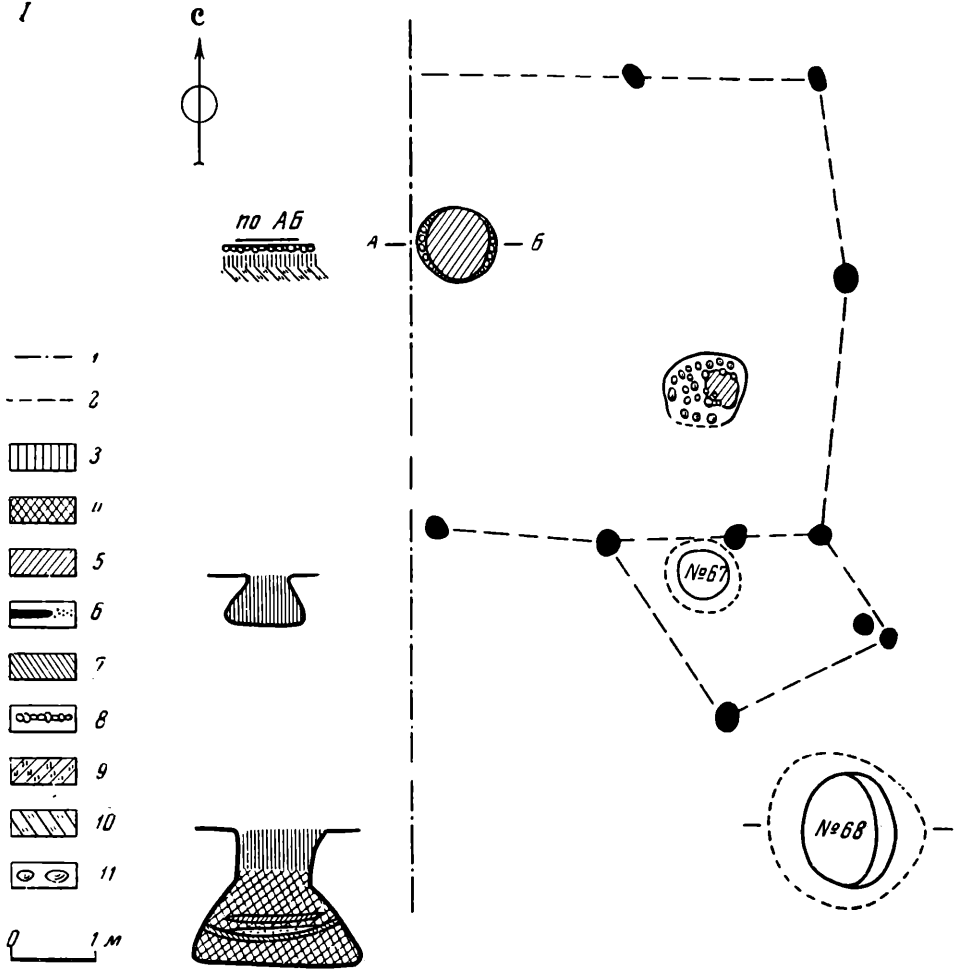
¹⁸ Материал хранится в фондах Государственного историко-краеведческого музея г. Черновицы.

¹⁹ Материалы из раскопок М. К. Каргера (Галицко-Волынская экспедиция, 1955), хранятся в фондах ЛОИА.

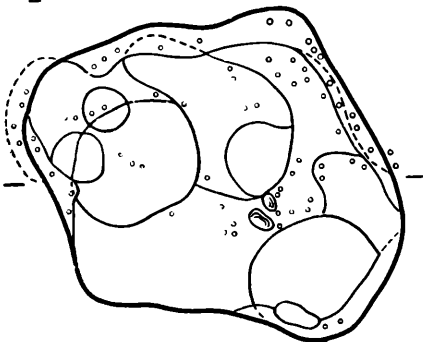
²⁰ І. К. Свешніков. Пам'ятки. . . , стр. 41, материал хранится в фондах Львовского государственного исторического музея, на таблицах не воспроизведен.

²¹ Материалы из раскопок Л. И. Крушельницкой в 1962 г., хранятся в фондах Института общественных наук во Львове.

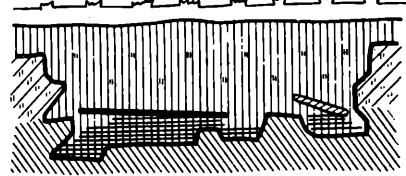
I

II

D

0 1 м

Рис. 27. Средний слой Магалы

I — план наземного жилища; II — план и разрез землянки № 2. 1 — граница современной ямы; 2 — ко-
 нтуры наземного жилища; 3 — заполнение черного цвета; 4 — заполнение коричневого цвета; 5 — обож-
 женная глина; 6 — уголь, зола; 7 — материковая глина; 8 — галечник; 9 — гумусированная глина; 10 —
 черный гумус; 11 — камни

с материалом голиградского типа²². Нам кажется, что наиболее ранние памятники культуры фракийского гальштата окажутся в западных районах Прикарпатья, так как их появление в этой области следует связывать с продвижением сюда нового населения из-за Карпат.

Учитывая и анализируя накопленный за последние годы материал по предскифскому периоду в днестровском Правобережье, мы, в отличие от своей старой точки зрения о генетической преемственности культур Ноа и фракийского гальштата²³, приходим в настоящее время к заключению о неместном происхождении последней²⁴. Не имея возможности в рамках небольшой статьи заниматься аргументацией этого вывода, ограничимся перечислением основных черт отличий, свидетельствующих об отсутствии прямого эволюционного перехода от культуры Ноа к голиградской культуре. Различия наблюдаются в характере домостроительства (наряду с наземными жилищами в гальштатских комплексах появляются землянки), а также в технологии, формах и приемах орнаментации керамики. Своеобразен бронзовый и костяной инвентарь каждой из этих культур. Есть отличия и в обычаях: характерный для культуры Ноа обычай ссыпать золу и бытовой мусор в специально отведенные на поселения места был чужд носителям культуры фракийского гальштата. Можно также предполагать, что обряд труположения, свойственный культуре Ноа²⁵, заменяется в гальштатское время кремацией²⁶.

Ряд фактов (сохранение более древних традиций в раннегальштатском домостроительстве, совместные находки старых и новых видов посуды) говорит о существовании непосредственных контактов между носителями этих двух генетически не связанных культур, что в итоге, видимо, привело к ассимиляции местного населения пришельцами.

Вопрос о неместном происхождении культуры фракийского гальштата в Прикарпатье ставился и ранее, при этом в качестве исходной области обычно назывался обширный район Карпато-Подунавья²⁷ или отдельные страны и территории, входящие в его состав²⁸. И. К. Свешников впервые связал голиградскую группу с определенными археологическими культурами раннего гальштата (Вал и Хотин), но воздержался от окончательного ответа на вопрос об ее происхождении, сославшись на неизученность синхронных памятников на промежуточной территории, т. е. в Закарпатской области УССР²⁹.

²² К. В. Бернякович. Исследования поселений эпохи раннего железа в Ужгороде. — «Научные записки Ужгородского гос. ун-та», XIII, 1955, стр. 171—184; Г. И. Смирнова, К. В. Бернякович. Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатья. — «Археологический сборник», вып. 7. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1965, табл. I—II.

²³ Г. И. Смирнова. Западноукраинская археологическая экспедиция... стр. 52.

²⁴ Г. И. Смирнова. Вопросы происхождения и хронологии культуры фракийского гальштата в Прикарпатье. Тезисы докладов на юбилейной сессии Гос. Эрмитажа, 1964, стр. 9—10.

²⁵ М. Петреску-Дымбовица. К вопросу о гальштатской культуре в Молдове. — «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР», Кишинев, 1960, стр. 154—157; Е. А. Балагурі. Могильник культуры Ноа на Станіславщині. — «Археологія», XIII, 1961, стр. 145—154.

²⁶ И. К. Свешников. Памятки..., стр. 45. Неопубликованные материалы грунтового могильника с трупосожжением у с. Острица в урочище «Сыня» Черновицкой обл., открытого Б. А. Тимощуком и исследованного Г. И. Смирновой в 1962 г. Фонды Гос. Эрмитажа и Черновицкого Государственного краеведческого музея.

²⁷ И. К. Свешников. Памятники племен бронзового века Прикарпатья и Западной Подолии. Автореферат канд. дисс. М., 1958, стр. 15; М. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 30.

²⁸ Т. Sulimirski. Die thrako-kimmerische Periode in Südostpolen. — WPZ, XXV, 1938, стр. 129; А. И. Мелюкова. Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии. — «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР», стр. 137—139.

²⁹ И. К. Свешников. Памятки..., стр. 64.

Принимая во внимание последние достижения археологов разных стран в изучении раннегалльских памятников Карпато-Дунайского бассейна и учитывая их локальную неоднородность, необходимо конкретизировать вопрос о родине голиградских племен. Из всех известных групп памятников раннего галльштата Средней Европы — Вал, Хотин, Чорва, Гава — наши памятники обнаруживают наибольшее сходство с последней, распространенной в северо-восточной части Карпатской котловины, в бассейне верхней Тисы³⁰.

Близость этих культур проявляется в характере поселений, в одинаковых формах домостроительства (господство земляночных жилищ с устойчивым комплексом признаков: большая глубина, земляные скамейки вдоль стен, глинобитные очаги и ориентировка восток—запад)³¹ и в употреблении удивительно похожей по технологии, формам и приемам орнаментации посуды³². О том же свидетельствует голиградский металл, широкие аналогии которому дают многочисленные клады бронз Закарпатья³³.

Как известно, группу Гава А. Можолит относит к периоду BV (НА, по Рейнеке), что в абсолютных датах приблизительно соответствует периоду 1150—1000 гг. до н. э.³⁴ Памятники голиградского типа появляются в Прикарпатье несколько позже, т. е. не ранее X в. до н. э. Наша новая датировка в основном совпадает с хронологией, предложенной в последнее время И. К. Свешниковым³⁵. Мы, правда, считаем, что в рамки X—VII вв. до н. э. следует включать не только период существования памятников развитого фракийского галльштата, которые имеет в виду И. К. Свешников, но и время раннегалльштатского комплекса, соответствующего среднему слою Магалы. О X в. до н. э. как о времени появления раннеголиградских памятников в Прикарпатье можно говорить на основании хронологии спиральных украшений из землянки № 2 (рис. 26, 10). Эти вещи, по всей вероятности, представляют собой части фибулы типа «*passementerie*», которые, по мнению М. Петреску-Дымбовица, характерны для галльштатской культуры Молдовы и датируются X—IX вв. до н. э.³⁶ Полагая, что эти типы украшений не могли появиться в Прикарпатье раньше, чем на территории Восточной Румынии, мы относим их ко времени не ранее X в. до н. э.

X век до н. э. как наиболее вероятная дата для раннеголиградских комплексов соответствует новой датировке конечной фазы культуры Ноа

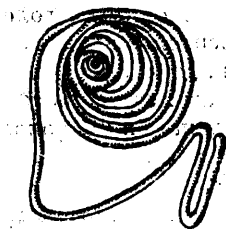

Рис. 27а. Бронзовое спиральное украшение: Средний слой поселения Магалы

³⁰ A. Mozsolics. Archäologische Beiträge zur Geschichte der grossen Wanderungen. — AАН, VIII, 1957, стр. 120—121; M. Sölle. K vývoji halštatských kultur na území dnešního Maďarska. — AR, IX, 2, 1957, стр. 238, рис. 109, 1—3; J. Pastor. Sídliškovo výskum na Somotorskej hore r. 1955. — SIA, VI, 2, 1958, стр. 314—334; J. Paulik. Príspevok k problematike stredného Slovenska v mladšej dobe bronzovej. — «Sbornik Československé Společnosti Archeologické». Brno, 1962, стр. 131—134, рис. 11; Г. И. Смирнова, К. В. Бернякович. Указ. соч.

³¹ J. Pastor. Указ. соч., стр. 314—322.

³² I. Pleinerová, H. Olmerová. Halštatske nálezy ze Somotorské hore. — SIA, VI, 1, 1958, стр. 110—112, рис. 1—5; J. Pastor. Указ. соч., рис. 3, 6, 8; табл. I—VI.

³³ И. К. Свешников. Памятки..., стр. 53, 60, табл. III.

³⁴ A. Mozsolics. Der Tumulus von Nyírkársz-Gyulaháza. — AАН, XII, 1960, стр. 123.

³⁵ И. К. Свешников. Памятки..., стр. 62—64.

³⁶ M. Petrescu-Dîmbovița. Fibulele de tip «*passementerie*» de la teritoriul RPR. Omagiu lui C. Daicovicu cu prilejul implinirii a 60 de ani, 1960, стр. 440—445.

в Прикарпатье (рубеж XI—X вв. до н. э.)³⁷, которая, по данным раскопок на поселении Магала, хронологически смыкается с фракийским гальштатом.

Мы пока воздержимся от определения хронологической границы между раннеголиградскими и собственно голиградскими памятниками. Видимо, это был рубеж X—IX вв. до н. э., поскольку IX в. до н. э. как время существования голиградских комплексов развитого типа устанавливается на основании хронологии некоторых типов бронз. На эту дату указывает, например, находка в голиградской землянке № 1 в Магале булавки с вазочковидной головкой, которая, по классификации Г. Мюллера-Карпе, относится к типу вазочковидных булавок с большой головкой, датировемых IX в. до н. э.³⁸

Разумеется, абсолютные даты в дальнейшем будут уточняться. Относительная же хронология памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа в Прикарпатье в целом не вызывает сомнений. В настоящее время необходимо выделить раннеголиградский этап, который хронологически занимает место между памятниками культуры Ноа и развитого фракийского гальштата.

³⁷ Э. А. Балагури. История племен позднебронзового периода в Среднем Поднестровье (культура Ноа). Автореферат канд. дисс. Киев, 1964, стр. 12.

³⁸ H. Müller-Karpe. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit hördlich und südlich der Alpen. 1959, стр. 163, 169, рис. 52, 12.

Л. И. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

КЕЛЬТСКИЙ ПАМЯТНИК В ВЕРХНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

Одним из важных вопросов истории племен, населявших территорию западных областей УССР в латенский период, является проблема их взаимосвязей с кельтами. Известные до недавнего времени латенские вещи на указанной территории не давали достаточных оснований считать возможным пребывание здесь кельтов. Большинство исследователей кельтской проблемы склонялись к мнению, что самыми восточными районами, где можно с полной уверенностью зафиксировать кельтское население, являются Южное Прикарпатье¹, Силезия и район Кракова².

В свете сказанного немалый интерес представляют собой жилище и комплекс кельтской керамики, открытые в 1962 г. во время раскопок многослойного поселения близ с. Бовшив³. Жилище состояло из двух частей: квадратной камеры (2,40 × 2,40 м, глубина 1,68 м от современной поверхности) и примыкающей к ней с севера небольшой овальной ямы (наибольший диаметр 1,50 м, глубина 1,27 м). На дне ямы обнаружены остатки глиняной печи, от которой *in situ* сохранилась лишь часть пода (рис. 28, 1). Развал печи заполнял нижнюю часть ямы, там же обнаружен обломок зернотерки. Комья глиняной обмазки, пепел, древесный уголь находились за пределами землянки с западной и северной стороны; возможно, это остатки какого-то перекрытия.

В заполнении жилища и за его пределами в культурном слое собрано значительное количество кельтской керамики. Керамика из землянки — это преимущественно гончарные, черного или темного, серо-коричневого цвета горшки и миски с гладкой и лощеной поверхностью. В керамическом тесте заметны примеси шамота, иногда песка, графита или слюды. Несколько сосудов реставрировано. Все они имеют утолщенный, отогнутый наружу венчик, некоторые украшены полукруглыми, оттянутыми валиками. Среди них выделяется целый черного цвета амфоровидный горшок, украшенный валиком и двумя углубленными горизонтальными полосками (рис. 29, 1). Горшки и миски этого типа характерны для кельтских памятников Словакии и Моравии⁴. К гончарной керамике второго типа

¹ Jan Filip. *Keltové ve Stredni Evrope*. Praha, 1956, стр. 478.

² В послевоенные годы в Польше проводилась дискуссия, посвященная кельтскому вопросу. Итоги ее вкратце подвел А. Жаки в работе: A. Żaki. *Celtowie na ziemiach Polski*. — «Rocznik bibl. PAN w Krakowie», t. IV. Wrocław—Kraków, 1960.

³ Поселение расположено на левом берегу притока Днестра р. Гнилая Липа. Здесь открыто более 20 жилых и хозяйственных сооружений, относящихся к разным эпохам, от неолита до древнерусского периода включительно: Л. И. Крушельницкая. Дослідження верхніх шарів багатощарового поселення біля с. Бовшів Івано-Франківської обл. у 1961 р. — МДАПВ, 1964, вип. 5, стр. 130.

⁴ Jan Filip. Указ. соч., табл. LXXXIII, 89; LXXXI, 10, 11; Blažej Benadik. Zur Frage, von chronologischen Beziehungen der keltischen Gräberfelder in der Slowakei. — SIA, XI — 2, 1963, стр. 339—384. Abb. 6, 5.

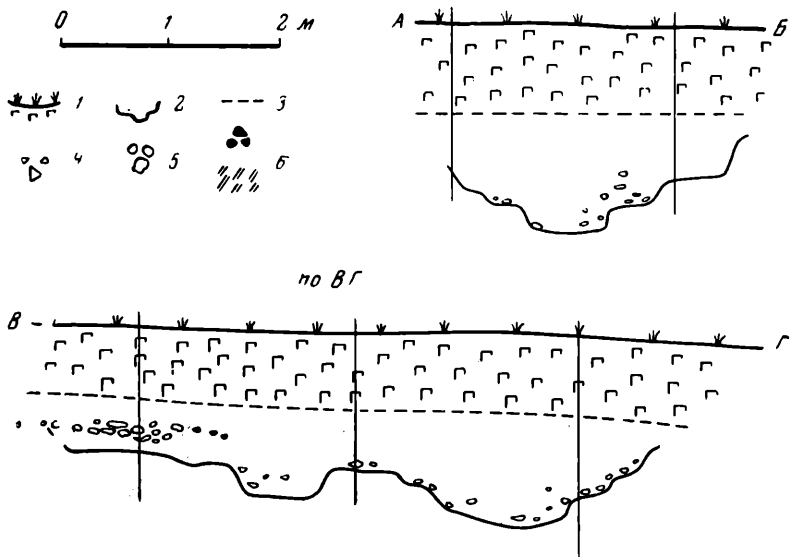
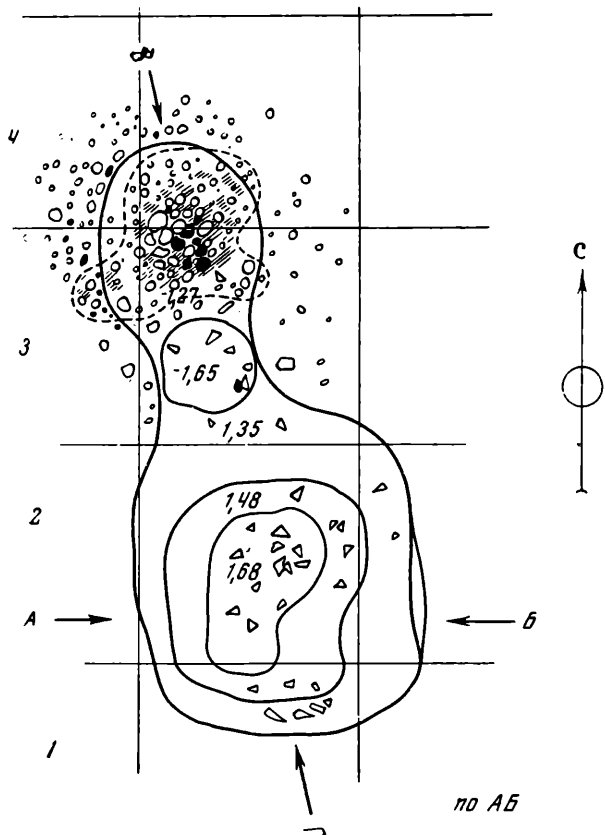

Рис. 28. Поселение у с. Бовшия (1962), кельтское жилище. План землянки

1 — гумус; 2 — контур землянки; 3 — граница развала печи; 4 — керамика; 5 — обвалки; 6 — обломки пола; 7 — пепел

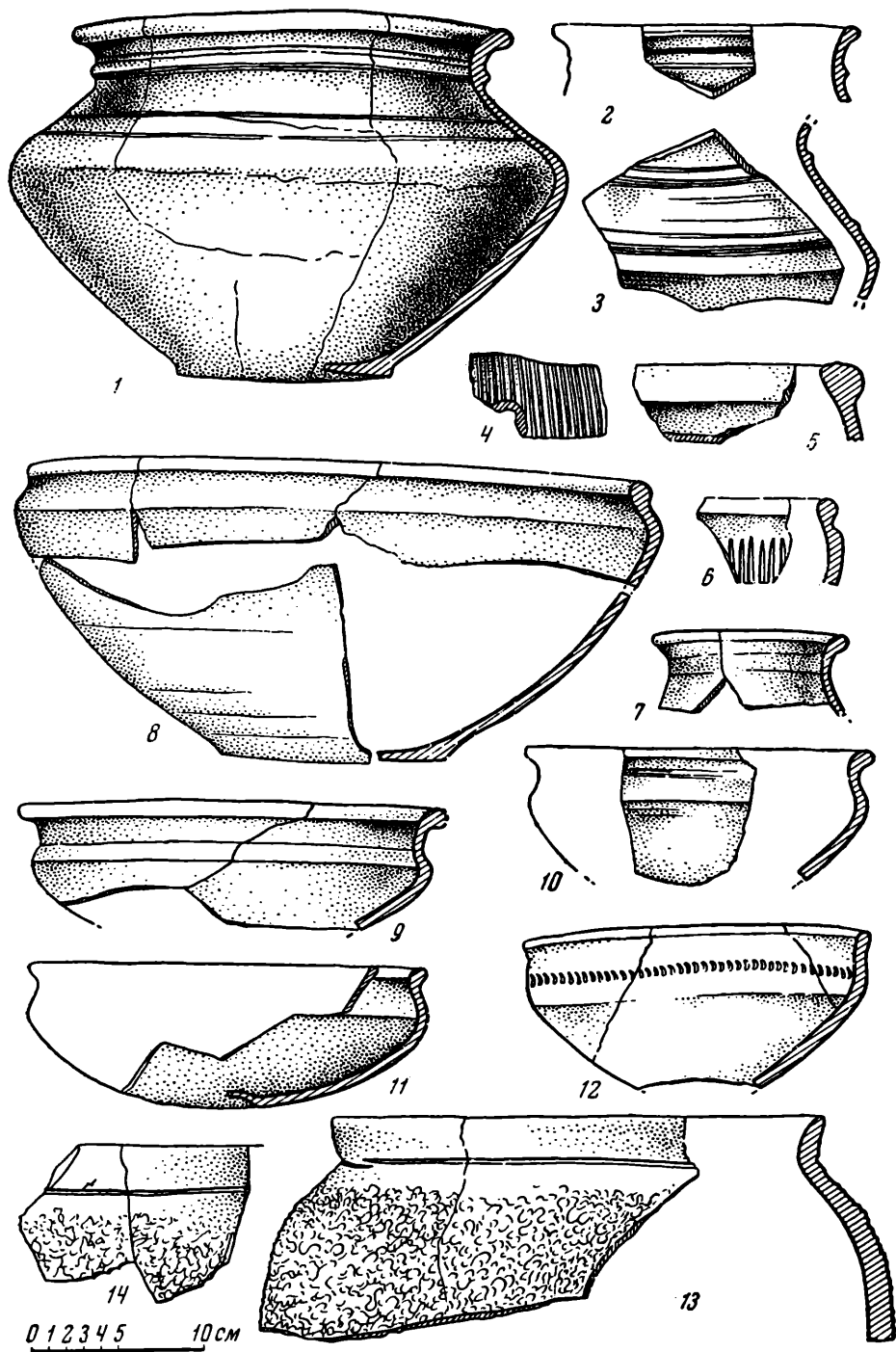

Рис. 29. Керамика из кельтского слоя поселения близ с. Бовшив
 1—5, 7—14 — из жилища; 6 — из культурного слоя

относятся фрагменты характерных для кельтской керамики ситул с вертикальным рифлением, изготовленные из графитного материала (рис. 29, 4). Лепная керамика представлена мисками и фрагментами больших толсто-стенных горшков. Последние имеют слегка отогнутый наружу венчик, под которым прочерчена углубленная полоска (рис. 29, 13, 14). Поверхность их на шейке сглаженная, ниже — шероховатая. По фактуре такие сосуды напоминают керамику поморской культуры, отличаясь от нее формой венчика. В культурном слое памятника были обнаружены фрагменты поморской керамики. Возможно, здесь те же явления, что и на некоторых кельтских поселениях в Силезии, где кельтские пришельцы принимают элементы местной культуры (лепная керамика, обряд трупосожжения)⁵. Примером заимствования кельтами некоторых элементов местной культуры может быть и найденная в жилище лепная миска гальштатского типа (рис. 24, 12), орнаментированная штампом в виде полумесяца — характерным украшением кельтских сосудов из Словакии и Моравии⁶.

Сопоставляя кельтскую керамику из поселения близ с. Бовшив с посудой датированных могильников Карпатской котловины, мы можем отнести ее к позднему периоду кельтской культуры, скорее всего к I в. до н. э. Так, например, ситулы с вертикальным рифлением, по мнению Я. Филипа, появляются во второй половине II в. до н. э.⁷ К позднему этапу II в. до н. э. можно отнести и амфоровидный горшок (рис. 29, 1). Аналогичные нашим миски с закругленными краями венчика (рис. 29, 8, 11) появляются лишь на рубеже двух последних столетий⁸, а миски с ребром (рис. 29, 9) относятся к памятникам самого позднего периода⁹. Правда, в Бовшиве нет расписной керамики, которую польские исследователи считают характерной для поздних этапов кельтской культуры¹⁰. Но к нам, в столь отдаленный от центров ее производства район, она могла и не проникнуть.

Наиболее близкие к нашей территории кельтские поселения известны в районе Кракова¹¹ и в Закарпатской Украине. Возможно, кельты в Поднестровье проникли из районов Южной Польши либо из Закарпатья, преодолев карпатские перевалы¹².

Как уже говорилось, известные раньше на Верхнем Поднестровье вещи кельтского типа были очень немногочисленны, обычно найдены случайно или в комплексах других культур¹³. Многие из них, главным образом металлические украшения, были общераспространенными во всей Восточной Европе и, как подчеркивает Ю. В. Кухаренко, могли быть или импортами кельтско-латенского происхождения, или вещами местного производства, подражающими импортам¹⁴. Очевидно, в связи с такой скудостью материалов находки латенского периода не выделялись в археологической литературе как древности чисто кельтского производства. Значение описанного памятника состоит в том, что впервые на территории Украинского Прикарпатья обнаружены вполне достоверные следы кельтского поселения. Это вносит корректив в установившиеся в последнее время взгляды о восточной границе распространения кельтских памятников к северу от Карпат.

⁵ А. Заки. Указ. соч., стр. 33.

⁶ Jan Filip. Указ. соч., табл. CXV, CXVI.

⁷ Там же, стр. 497.

⁸ Там же, табл. CI, 2; XCVII, 7.

⁹ Там же, рис. 60, 11.

¹⁰ А. Заки. Указ. соч., стр. 30.

¹¹ Там же, стр. 24.

¹² Кстати, А. Жаки считает, что карпатские перевалы преодолевались по крайней мере начиная с неолита: А. Заки. *Archeologia gór i problemy archeologii karpackiej*. — *Acta Archaeologica Carpathica*, t. 4. Kraków, 1963, стр. 63.

¹³ Например, в погребении близ Колоколина: М. Smiszko. *Stanowisko wczesnorzymskie w Kolokolinie pow. Rohatyn*. — *WA, XIII*, 1935, стр. 155—159.

¹⁴ Ю. Кухаренко. *Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы*. — *СА*, 1959, № 1, стр. 31.

И. А. РАФАЛОВИЧ

РАНЕСЛАВЯНСКОЕ СЕЛИЩЕ ХУЧА VI—VII вв.

Для изучения генезиса славянского населения в Днестровско-Прутском междуречье в последние годы начаты планомерные раскопки славянских поселений VI—VII вв. н. э.¹

К числу этих поселений относится раннеславянское поселение Хуча, раскопки которого велись в 1962—1963 гг.² Оно расположено в 3 км к юго-западу от с. Шептебаны Рышканского района МССР, в урочище Хуча. Селище Хуча находится в нижней, пологой части склона, переходящего в пойму ручья, занимает вдоль склона 180 м, при ширине 60—70 м.

На поселении вскрыта площадь около 1500 кв. м; исследованы семь раннеславянских и одна древнерусская полуземлянки, хозяйственные ямы, очаги, печи. Найдены остатки металлургического и ювелирного производств.

Раннеславянские полуземлянки расположены на обращенных к западу склонах, в два ряда, на расстоянии до 20—30 м друг от друга. Иногда рядом с полуземлянками находились зерновые и хозяйственные ямы, очаги, производственные сооружения, составляющие с ними единый комплекс.

Обычно в плане жилища имеют форму, близкую к квадрату, с плавно закругленными углами, стенки вертикальные. Полом служит необмазанный, чуть утрамбованный материк. В жилище 3 при расчистке пола были выявлены столбовые ямки, располагавшиеся по углам и по периметру стен. Площадь полуземлянок 7,8—11,4 кв. м. Жилища ориентированы по странам света. Жилища углублены в материковый грунт на 30—40 см (глубина от современной дневной поверхности 70—80 см). Лишь полуземлянки (№ 1, 3) были углублены в материк на 50—75 см (глубина от современной дневной поверхности 90—140 см). В северо-западном углу обычно располагалась прямоугольная или подковообразная в плане печь-каменка, размерами от 100 × 110 до 140 × 140 см. Под печи овально-удлиненной формы, в ряде случаев был обмазан слоем глины толщиной 4—6 см. В жилищах № 1, 3 и 5 печи сложены из кусков рваного известняка, крупных в нижней и более мелких в верхней части. Щели между камнями в этих случаях были плотно забиты глиной и кусками битой посуды. В полуземлянках 6 и 7 стены каенок были сложены только из довольно мелких кусков известняка. В развале печей в полуземлян-

¹ Работу проводит Прутско-Днестровская археолого-этнографическая экспедиция под руководством Г. Б. Федорова.

² Раскопки велись отрядом Прутско-Днестровской экспедиции под руководством автора.

как 3 и 5 были найдены куски толстостенных прямоугольных жаровен из рыхлой глины с обильной примесью соломы, которые, видимо, были укреплены поверх свода каменок.

Расположенная в непосредственной близости от жилища 3 полуземлянка 4, по-видимому, составляла с ним единый жилищно-производственный комплекс. Полуземлянка 4 слабо углублена в материковый грунт на 20—30 см (глубина от современной дневной поверхности 45—50 см). В плане сооружение имеет вид вытянутого прямоугольника с закругленными углами, размеры 4,80 × 3 м, ориентировано по сторонам света. Стенки отвесные, пол горизонтальный, слабо утрамбованный. Вдоль восточной стены сооружения на дне его прослежено скопление обожженных и необожженных обломков известняка, обугленные кости животных, металлургический шлак, стенки разрушенной домницы толщиной в 2,5—4 см, изготовленной из огнеупорной глины с большим содержанием песка. Внутренняя сторона обломков домницы оплавилась и ошлакировалась. В заполнении и на дне полуземлянки 4 найдено 297 фрагментов раннеславянской керамики.

Пропорции сооружения и форма, не характерные для раннеславянских жилых полуземлянок, отсутствие печи, насыщенность заполнения остатками металлургического производства — все это приводит к выводу о том, что сооружение предназначалось, очевидно, для металлургического производства.

К этому же типу сооружений, судя по конструкции и характеру находок в заполнении, следует отнести и полуземлянку 8, прямоугольную в плане, размерами 210 × 295 см, углубленную в материковый грунт на 35—40 см (глубина от современной дневной поверхности 75—80 см). Сооружение ориентировано по сторонам света; стенки отвесные, пол горизонтальный. Заполнение ее состояло из чернозема со значительным вкраплением древесного угля, обожженных известняковых камней, пережженных и кальцинированных костей животных, раннеславянской керамики. Особый интерес представляет находка мелких кусочков бронзы и шлаков со следами меди. В культурном слое рядом с полуземлянкой найдены обломки тиглей и фрагмент льячки. На дне постройки найдены тигель и бронзовый трехлопастной наконечник стрелы скифского типа, попавший сюда, возможно, в качестве сырья.

Полуземлянка 8, хотя в ней и не найдено никаких остатков печи или горна, по-видимому, связана с производством меди. С этим же производством, очевидно, связана и печь 1, расчищенная вблизи полуземлянки 5. Печь представляет собой слабо углубленное, до 20 см, в материк сооружение овальной в плане формы, размером 200 × 75 см. Ряд обожженных докрасна известняковых камней отделял круглую в плане камеру (собственно печь), размером 60 × 60 см, от продолговатой предтопочной ямы. Свод печи, сохранившийся в нижней части, был вырезан в материковом грунте и поднимался полого, что при незначительных размерах печи может говорить об относительно небольшой высоте свода. Разрыв в ряде камней, ограничивающих печь со стороны предтопочной ямы, соответствует ширине устья печи в 40 см. Глинобитная, хорошо обожженная обмазка пода толщиной в 4 см содержит значительную примесь песка. Материк вокруг печи прокален, что свидетельствует об ее длительном использовании. В предтопочной яме вместе с мелкими фрагментами раннеславянской керамики найдены обломки двух тиглей, изготовленных из глины со значительной примесью песка.

Расположенные вне жилищ очаги на поселении Хуча однотипны по конструкции и различаются лишь размерами. Они представляют собой каменные вымостки круглой или овальной в плане формы, размерами от 220 × 140 до 40 × 40 см. Камни вымостки сильно обожжены. Грунт вокруг очага насыщен мелкими вкраплениями древесного угля и золы.

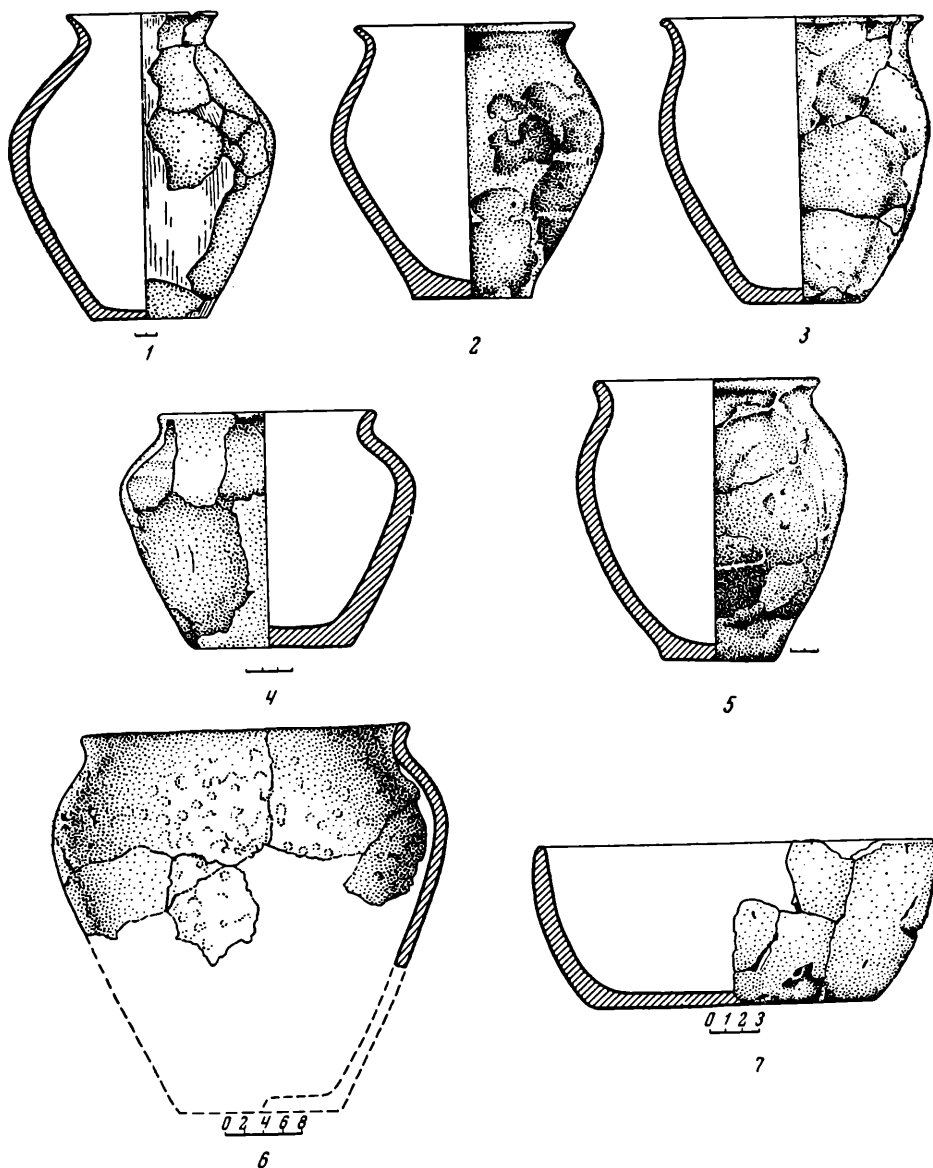

Рис. 30. Керамика с поселения Хуча (1—7)

При расчистке вымостки очагов найдены фрагменты раннеславянских горшков и сковород. В каменной вымостке очага 1 найдено биусеченно-коническое пряслице.

Из 12 хозяйственных ям, найденных на селище, 4 ямы (№ 3, 4, 8, 12) датируются раннеславянской керамикой VI—VII вв. Эти ямы круглые или овальные в плане, имеют кололовидную или грушевидную форму, их глубина варьирует от 0,60 до 1,30—1,60 м.

Как и для большинства раннеславянских поселений этого времени, для селища Хуча характерно незначительное количество находок в жилищах, большую часть которых составляют биусеченно-конические пряслица и ножи с прямыми спинками.

Раннеславянская керамика из поселения Хуча представлена полными формами лепных сосудов, изготовленных в ленточной технике, и большим количеством фрагментов.

Найденная в раннеславянских жилищах керамика однородна, что говорит об их одновременности, как и то, что ни одна полуземлянка не была перекрыта другим раннеславянским жилищем. В полуземлянке 1, яме 3 вместе с раннеславянской керамикой, характерной для Молдавии, найдены фрагменты лепной керамики житомирского типа, датирующиеся V—VII вв.³ (рис. 30, 6; 31, 5).

В целом керамика из поселения Хуча типологически близка к керамике типа Пеньковки⁴, хотя и не аналогична ей. С последней ее связывают прежде всего наличие сходных биконических форм горшков со слабо профилированным венчиком и сходство в орнаментации сосудов (насечки по краю венчика, налепной валик под венчиком⁵). Горшки из Хучи отличаются от найденных в Пеньковке менее выраженной биконичностью, отсутствием грани или ребра в месте перегиба, преобладанием сосудов с полого отогнутыми наружу венчиками и значительным количеством сосудов с яйцевидным туловом. Некоторое количество форм, сходных с посудой из Хучи, мы находим среди раннеславянской керамики VI—VII вв. из Румынии⁶ и Словакии⁷. Подавляющее большинство сосудов поселения Хуча изготовлено из глины с примесью мелкотолченого шамота. Поверхность сосудов довольно хорошо заглажена. Сосуды со значительной примесью песка и даже мелкой гальки встречаются редко, их поверхность шероховата.

Обе категории встречены в одних и тех же комплексах среди массового материала.

Из керамического материала селища удалось выделить небольшую группу фрагментов, характеризующихся примесью шамота и мелкотолченых кальцинированных костей. Наличие такого рода примеси в тесте пока не поддается объяснению. Аналогии такой керамике неизвестны.

Вся керамика изготовлена без гончарного круга, однако некоторые днища имеют характерный отпечаток круглой подставки и подсыпки песка.

Обжиг керамики костровой (возможно, небольшие сосуды обжигались в печах-каменках), неравномерный.

Ассортимент форм керамики на селище довольно беден: представлены горшки, миски, сковороды и лепешницы.

Горшки. Из них можно выделить три варианта, различающихся между собой пропорциями. Встречаются и такие горшки, в которых сочетаются черты, свойственные разным вариантам.

К варианту I относятся крупные плоскдонные горшки биконической формы. Наиболее широкая часть сосуда приходится на середину тулова. Дно и горловина горшка относительно небольшие. Венчик не выделен, либо чуть намечен. Иногда закраина днища выступает за стенки горшка. Горшки I варианта представлены фрагментами (рис. 31, 1—3, 7) и могут быть реконструированы графически.

Вариант II отличается от предыдущего лишь наличием низкого, полого, отогнутого наружу венчика (рис. 30, 1, 2, 4). Горшки II варианта представлены фрагментами и полными формами. Судя по массовому керамическому материалу, эта форма на поселении является преобладающей.

Вариант III представлен горшками относительно небольших размеров (рис. 30, 5), с невысоким, слабо отогнутым наружу венчиком. Плечи выра-

³ Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории Полесья. — КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 37.

⁴ Д. Т. Березовец. Поселение улочей на р. Тясмине. — МИА, № 108, 1963, стр. 153—154.

⁵ Раннеславянская керамика с налепным валиком под венчиком обнаружена также на поселениях Бранешты 13 и Ханска 2. Раскопки автора в 1960, 1964 гг.

⁶ Мирча Д. Матей. Славянские поселения в Сучаве. — «Dacia», IV, 1960, стр. 379—381.

⁷ Darina Bialekova. Nove vcasnoslovenské nalezky z juhozapadneho Slovenska. — SIA, X — 1, 1962, стр. 97—145.

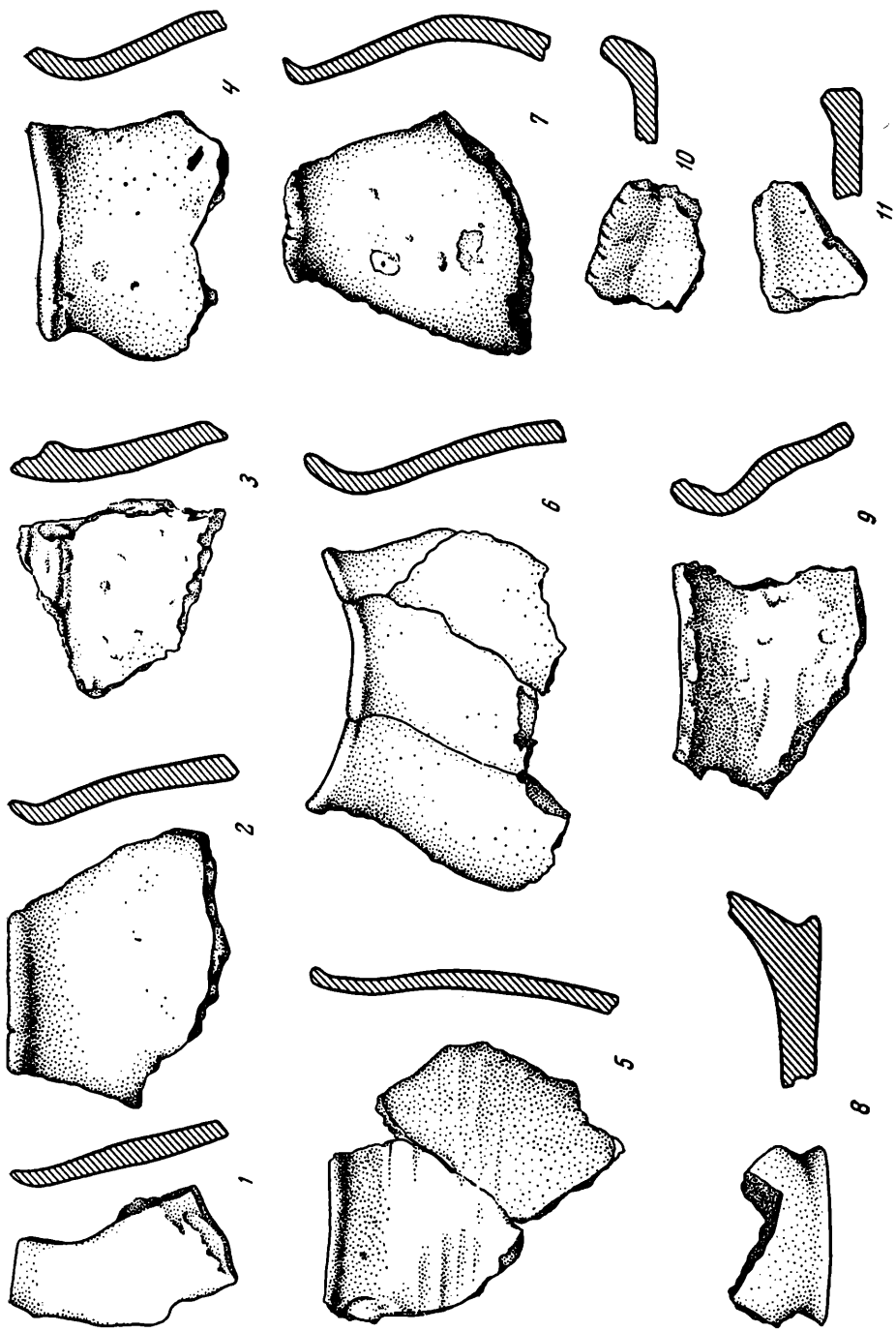

Рис. 31. Керамика с поселения Хуча (1—11)

жены слабо. Тулово яйцевидной формы. В единичных случаях край венчика сосудов этого варианта орнаментирован косыми неглубокими насечками, нанесенными при помощи палочки (рис. 31, 8).

Горшки всех трех вариантов обычно лишены орнамента. Орнаментированный край венчика встречается лишь изредка у горшков II варианта. Под одним из венчиков горшка I варианта встречен налелной валик (рис. 31, 2), ногтевые насечки — по краю венчика сосуда III варианта и вертикальная полоса ногтевых насечек — на горшке II варианта.

Сковороды из поселения Хуча различны по размерам (диаметр 12—25 см), бортик невысокий, закраина закруглена. В некоторых случаях бортик едва намечен. Лишь на нескольких экземплярах встречен орнамент из насечек по верхнему краю бортика (рис. 31, 10). Миски встречаются редко, стенки почти прямые (рис. 30, 7), венчик не выделен. Аналогичная форма посуды встречена на поселении Незвиско⁸. На поселениях VI—VII вв. миски встречаются крайне редко.

Лепешницы представлены незначительным количеством фрагментов, позволяющих графически реконструировать их в виде плоских или овальных дисков толщиной 1,5—2 см. В ряде случаев у лепешниц края несколько приподняты; они как бы представляют переходную форму к сковородам (рис. 31, 11).

Керамический материал из селища Хуча позволяет датировать поселение VI—VII вв. и отнести его к кругу синхронных раннеславянских памятников, распространенных в среднем течении Днестра⁹ и Южного Буга¹⁰.

⁸ Г. И. Смирнова. Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре. — «Památky Archeologické», I, 1960, стр. 228.

⁹ Д. Т. Березовец. Указ. соч., стр. 152—154.

¹⁰ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. — МИА, № 108, 1963, стр. 340.

В. А. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

КРЕПОСТЬ В СОРОКАХ

Среди оборонных сооружений Поднестровья большой интерес вызывает крепость в Сороках. В системе защиты Молдавского государства город и его крепость выполняли роль «сторожи от поганства», как их называли в письме господаря Богдана 1512 г., где Сорок названы «замком». Здесь сидел «пыркэлаб» (посадник)¹. По месту сорокских пыркэлабов в иерархии молдавских бояр крепость стояла не ниже первоклассных крепостей в Сучаве, Хотине, Белгороде, Няме, Романе и др. До нас не дошло описания этой крепости. Видимо, ее укрепления были недолговечными. Летописец Молдавии М. Костин в своей «Польской хронике» сообщает, что крепость в Сороках была сооружена господарем Петром Рарешом во втором княжении (1541—1546 гг.), а запись 1543 г. в архиве магистрата Бистрицы (Трансильвания) подтверждает, что Петр Рареш приглашал мастера для строительства крепости в Сороках: «...quia Fidelitas Tua maxime opus esset in labore et magisterio tua circa arcem unam nomine Sogocam»². Первоначальную деревянно-земляную крепость сменила каменная, не раз игравшая видную роль в военных событиях XVII—XVIII вв. После присоединения Бессарабии к России (1812 г.) она теряет свое военное значение.

Крепость расположена на слегка возвышенном правом берегу Днестра. От нее радиально расходятся улицы города, сохранившего, видимо, древнюю планировку. Ровная окружающая местность на расстоянии 200—300 м от крепости переходит в скалистый обрыв, образуя как бы естественный амфитеатр, в середине которого и стоит круглая в плане крепость, с внутренним диаметром 30,5 м и радиально расположенными под одинаковыми углами башнями (рис. 32, 2): четыре — круглые, пятая — приездная, обращенная к Днестру, прямоугольная. Толщина стен 3,0 м, внутренний диаметр башен 4,75 м, высота стен и башен 20 м. Прямоугольная башня двухъярусная; в первом ярусе — проезд, во втором — надвратная часовня (параклис; рис. 32, 2). По периметру двора устроены 13 сводчатых помещений, каждое в виде неправильного четырехугольника — 4 × 5 м (хорошо сохранились шесть из них). В центре двора крепости был круглый колодец; в северо-западной части — шахта прямоугольного сече-

¹ J. Bogdan. Documentele lui Ștefan cel Mare, b. II, 1913, стр. 425, 444; Е. М. Руссев. Молдавия. В кн.: Очерки истории СССР, XVII в. М., 1955, стр. 719; Е. Hurmuzaki. Documente privitoare la istoria Românilor, v. II. — 3. București, 1892, стр. 699.

² Е. Hurmuzaki. Documente privitoare la istoria Românilor, v. XV—1. București, 1911, стр. 432.

ния (возможно, потайной ход); в северо-западной части стояла стена, назначение которой не ясно (возможно, здесь был водоем).

Проезд шириной 3,8 м перекрыт двухчастным полуциркульным сводом. На подпружных арках, опертых на цокольный выступ, — небольшая надвратная часовня с прямоугольным алтарем, она не сохранила сводчатого перекрытия, стрельчатый портал ее имеет готическую профилировку, базы и построение кривых свойственны архитектуре Молдавии и Трансильвании первой половины XVI в. Сандрик над верхней нишей проездной башни с профилем в виде «гуська» — свидетельство проникновения элементов Возрождения в зодчество Молдавии.

Башни и стены крепости расчленены горизонтально. Сейчас первый ярус башен засыпан землей и камнем на высоту 6 м (рис. 32, 2). Второй ярус лежит на уровне верха перекрытий сводчатых помещений; здесь находятся и входы в башни. Третий ярус шел на уровне гнезд в стене крепости, где, видимо, была деревянная галерея на балках, связывавшая между собой башни. Конструкции галереи не сохранились. На уровне зубцов стены и башен шел четвертый ярус — боевой ход. Перекрытия башен на уровне третьего и четвертого ярусов были деревянными. Бойницы представлены на рис. 32, 4, 5.

Кладка стен выполнена из слегка притесанного известняка вперемежку с опокей. Из хорошо отесанной опоки сложены углы стен, порталы, обрамления проемов. Части стен и сводов сооружены из песчаника; встречаются вкрапления кирпича (27 × 14 × 6 см). Месторождения известняка и опоки находятся на расстоянии, не превышающем 1 км; песчаник доставлялся из Косоуцких карьеров (10 км вверх по течению Днестра). Раствор состоял из песка и извести. Внутренняя поверхность стен крепости была оштукатурена.

Крепость по композиции своего регулярного плана близка крепостям XV—XVI вв., в частности замку Капрарола, построенному по чертежам Перуцци, Сангалло и Виньолы. Общий вид и реконструкция Сорокской крепости представлен на рис. 32, 1 и 3.

Мы обнаружили около сотни рисунков и надписей, высеченных или процарапанных на камнях портала въездной башни или на ее стенах, а также на порталах круглых башен во время строительства или в более поздние годы. Большинство из них плохо сохранились и с трудом поддаются расшифровке. На рис. 33 приведены отдельные образцы граффити.

На камнях главного портала на высоте около 4 м от подошвы стен нанесены знаки в виде стрелок с различными хвостовыми окончаниями и пересечениями — это знаки мастеров-каменотесов (рис. 33, 1—10). В их начертании есть много общего с формой знаков на памятниках архитектуры XV—XVI вв. Молдавии и Трансильвании. Интересен рисунок «мерного квадрата», прочерченный на значительной высоте на стене проездной башни (рис. 33, 11). На ее южной стене помещен рисунок прямоугольника с вписанными в него кругом с крестом в середине, кораблем и квадратом (рис. 33, 12). Возможно, что это ситуационный план крепости: круг — крепость, корабль — место разгрузки судов, а квадрат — какое-то сооружение, возможно, первоначальное укрепление. На одном из камней дана схема геометрического построения: овал, пересеченный двумя взаимно-перпендикулярными линиями и секущей, проходящей вне центра (рис. 33, 13). Нельзя ли предполагать, что это построение остова корабля, какие, может быть, строились или ремонтировались в Сороках? Интересны рисунки кораблей: все они оснащены мачтами, это судна типа фелюг, плававшие не только под парусами, но и при помощи весел (рис. 33, 14). Фелюги широко применялись на Востоке и в особенности на Дунае. Серия изображений, видимо, представляет орудия и оружие (рис. 33, 15—19): это топор молдавского типа «бардэ», кельма, крюк, наконечники копий,

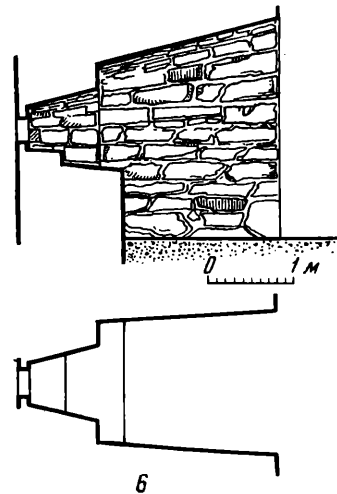
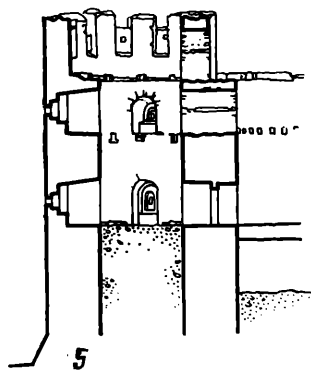
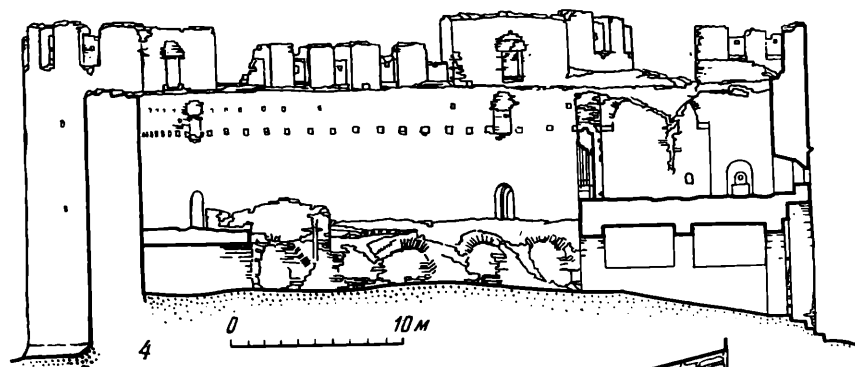
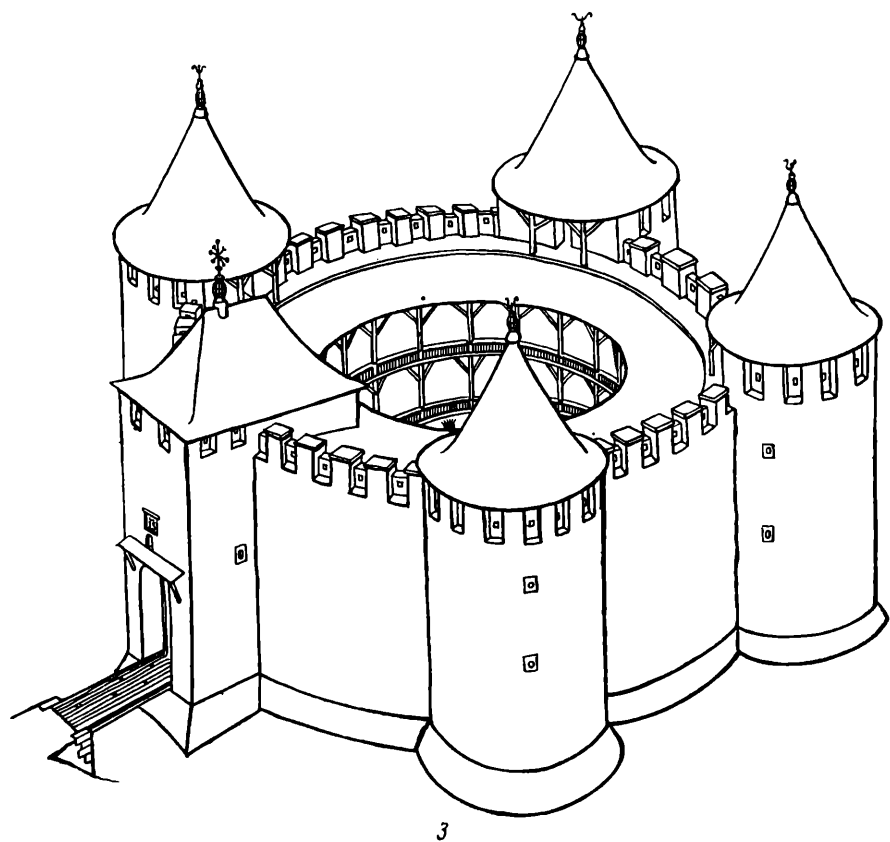
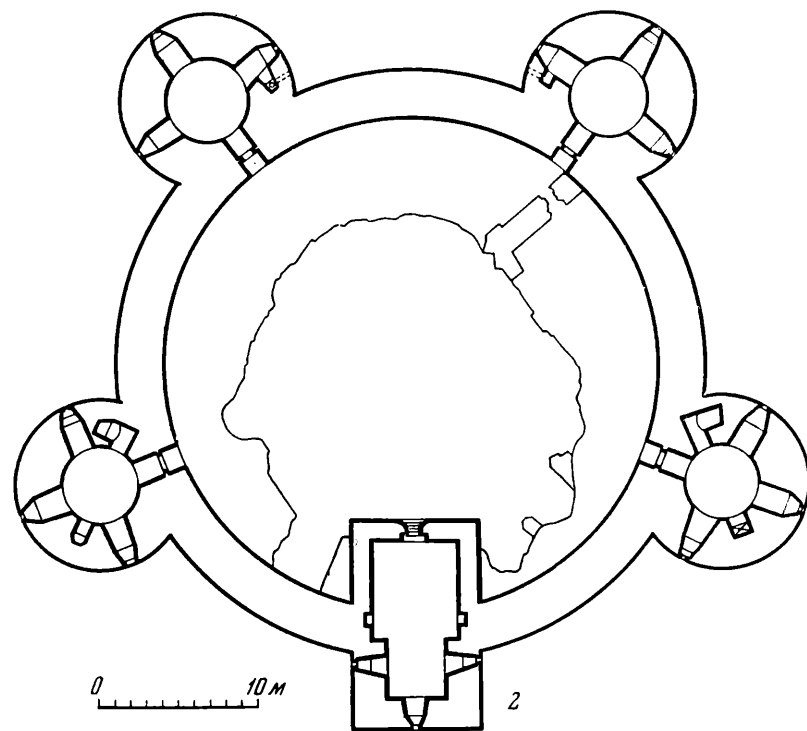
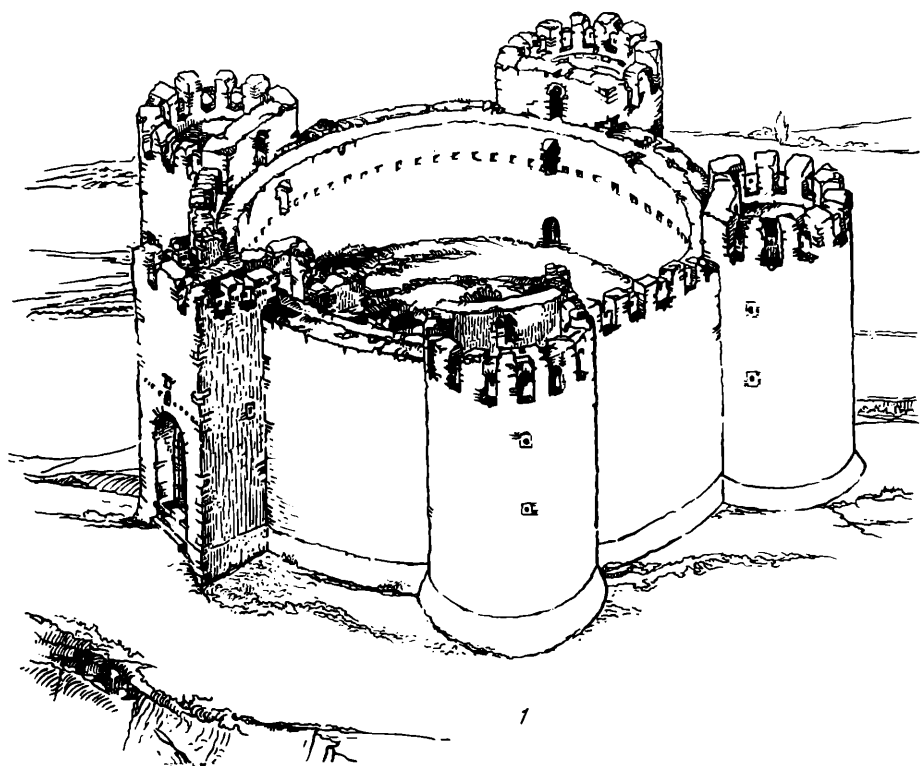

Рис. 32. Крепость в Сороках

1 — вид сверху; 2 — план; 3 — реконструкция; 4 — продольный разрез; 5 — разрез башни; 6 — деталь амбразуры

Рис. 33. Граффити на стенах крепости

1—10 — предполагаемые знаки мастеров; 11—23 — чертежи и рисунки; 24—33 — буквенные граффити

рыболовная снасть «ерш». Интересен дважды повторенный рисунок пчелы (рис. 33, 23).

Буквенные граффити (рис. 33, 24—33) написаны кириллицей, лишь одна надпись греческая. В таблице воспроизводятся наиболее характерные; отметим вероятные чтения: рис. 33, 25 — Глигор — молдавское прозвище Григория; рис. 33, 27 — сладил сий (?) замок ... Якоп...; рис. 33, 28 — 1657; рис. 33, 29 ... ще дакѣ (молд.); рис. 33, 30 — се штиѣ (молд.); рис. 33, 31 — 7163 (1655 г.); рис. 33, 32 — 7080 (1572 г.); рис. 33, 33 — Р (року) Б (божьего) 1668 м (месяца) сентябрия дня 19.

Превосходная сохранность Сорокской крепости и ее крупное значение в истории архитектуры Молдавии ставят вопрос об ее консервации и археологическом исследовании, тем более, что древние архитектурные памятники в Молдавии немногочисленны.

IV. ХРОНИКА

ПЕРВЫЙ СИМПОЗИУМ ПО АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ЮГО-ЗАПАДА СССР

С 15 по 24 мая 1964 г. в Кишиневе проходил организованный Институтом истории АН Молдавской ССР совместно с Институтом археологии АН СССР первый Всесоюзный симпозиум по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. В работе принимали участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Кишинева, Одессы, Львова, Белгорода-Днестровского и Ужгорода.

Симпозиум открыл вступительным словом президент АН МССР Я. С. Гросул, который отметил успехи археологических исследований в Молдавии. Этому способствовал тесный научный контакт между учеными Москвы, Ленинграда, Украины и Молдавии. Проведение симпозиума, сказал Я. С. Гросул, будет способствовать большей координации научных усилий.

Пленарные заседания открылись докладом Т. С. Пассек (Москва) «История племен V—III тыс. до н. э. на территории Молдавской ССР», отметившей открытие на указанной территории предшественников трипольских племен — культур буго-днестровской, линейно-ленточной керамики и Боян. Развитие племен неолитических культур на территории Молдавии сходно с развитием населения балкано-дунайских стран. Установлен высокий уровень культуры энеолитических племен, связанных с балкано-дунайской культурно-исторической общностью.

Большой интерес вызвал доклад Б. А. Рыбакова (Москва) «Семантика трипольского орнамента». Автор показал, что орнамент на керамике является источником для понимания идеологии земледельческих племен и вскрыл в системах изображений пласты индоевропейской мифологии.

Вопросы исторических судеб славян в Прутско-Днестровском междуречье, начиная с их появления на указанной территории в первые века н. э. и вплоть до XIV в., и вклада их в формирование молдавского народа нашли отражение в докладе Г. Б. Федорова (Москва) «Основные итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР».

О роли севера Балканского полуострова как «моста», связывавшего древнейшие цивилизации Восточного Средиземноморья с остальными областями Европы, говорилось в докладе Н. Я. Мерперта (Москва) «Балканы и Северное Причерноморье в бронзовом веке». Докладчик отметил, что изучение древнеземледельческого очага на Юго-Западе СССР поможет разрешению коренного вопроса о появлении и распространении в Европе производящих видов хозяйства.

Наличие ряда общих черт в историческом развитии Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху и необходимость изучения античного общества этих областей в целом подчеркнуты в докладе *Д. Б. Шелова* (Москва) «Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху». Этой же эпохе посвящено выступление *Г. П. Сергеева* (Кишинев) «Клад греческих доспехов из с. Олонешты». Теме о восточнославянских племенах был посвящен доклад *Г. Ф. Соловьевой* (Москва) «Союз племен по археологическим данным». Об археологических памятниках Прутско-Днестровского междуречья XIV—XV вв. доложил *Г. Д. Смирнов* (Кишинев).

Работа симпозиума проходила в трех секциях: первобытной и средневековой археологии, этнографии.

В секции первобытной археологии было заслушано 17 докладов и сообщений. Вопросам изучения палеолита посвящено сообщение *Н. А. Кетрару* (Кишинев) «Исследования палеолитической стоянки в гроте Старые Дуруиторы». Основное внимание автор уделяет мустьерским и мадленскому слоям.

О находках мустьерских орудий в районе Белгорода-Днестровского сообщила *Г. К. Авербух* (Белгород-Днестровский).

Была зачитана информация *А. И. Имшенецкого* (Москва) о геологическом возрасте палеолитической стоянки Выхвatinцы на Днестре.

В. И. Маркевич (Кишинев) выступил с сообщением «Исследование раннего неолита в Среднем Поднестровье (буго-днестровская культура)». Автор указывает, что развитие этой культуры шло на местной мезолитической основе.

Дискуссию вызвал доклад *В. Н. Даниленко* (Киев) «Общие задачи изучения неолита Молдавии и Украины». Основные возражения вызвало отнесение автором ряда мезолитических памятников Молдавии к докерамическому неолиту.

Поселениям трипольской культуры были посвящены сообщения *Т. Г. Мовша* (Киев) «Многослойное трипольское поселение Солончены II на Днестре» и *В. И. Маркевича* «Трипольское поселение Варваровка VIII», которое автор датирует этапом VI (по периодизации *Т. С. Пассек*). С сообщением «О кинжалах усатовского типа» выступил *В. Г. Эбенович* (Киев). О разведках на Дунае в окрестностях г. Измаила сообщил *В. К. Чигирик* (Измаил).

Вопросы истории племен поздней бронзы были подняты в выступлениях *И. Т. Чернякова* (Одесса) «Разведки археологических памятников в приморской части междуречья Дуная и Днестра на территории Одесской области», в докладах *Г. И. Смирновой* (Ленинград) «Основные этапы развития фракийской культуры Прикарпатья XII—VII вв. до н. э.», *Э. А. Балагури* (Ужгород) «Итоги пятилетних исследований памятников позднебронзового времени в с. Островец Ивано-Франковской области» и в докладе *Т. Д. Златковской* (Москва) «Этнические процессы во Фракии во II—I тыс. до н. э.», посвященном формированию южных фракийцев.

Проблеме «Геты и скифы в Днестровско-Дунайском междуречье и в Добрудже» был посвящен доклад *А. И. Мелюковой* (Москва). На секции были заслушаны также сообщения *А. А. Нудельман* (Кишинев) «Античный клад из с. Ларгуца», *М. А. Пелях* (Кишинев) «Виноградарство и виноделие в античных городах Западного Причерноморья», *Л. И. Крушельницкой* (Львов) «Новый кельтский памятник в Верхнем Поднестровье».

На секции средневековой археологии заслушано девять докладов и сообщений.

В докладе *Э. А. Рикмана*, *И. А. Рафаловича* (Кишинев) «К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской (VI—VII вв. н. э.) культур в Днестровско-Дунайском междуречье» авторы отмечают отсут-

ствии прямой генетической преемственности в основных категориях материальной культуры черняховцев и ранних славян, но допускают, что в числе носителей черняховской культуры могли быть и веныды. Сопоставлению антропологических типов племен черняховской и славянской культур посвящено выступление *М. С. Великановой* (Москва) «Антропологический состав населения Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.». Автор указывает, что в антропологическом отношении носители черняховской культуры не были однородными, хотя количественно выделяется основной средиземноморский тип. Что касается славян Поднестровья, то наибольшая близость и генетические связи у них с древлянами. Соотношение антропологических типов черняховцев и славян позволяют считать последних пришлыми на территорию Поднестровья.

Материальная культура ранних славян рассматривается в сообщениях *Л. Д. Поболь* (Минск) «Славянский бескурганый могильник VI—VII вв. н. э. в Нижней Тошице» и *И. А. Рафаловича* (Кишинев) «Раннеславянское поселение Хуча VI—VII вв. в Молдавии (по раскопкам 1962—1963 гг.)».

Г. Ф. Чеботаренко (Кишинев) выступил с докладом «К вопросу о балкано-дунайской культуре»; критические замечания были высказаны по докладу *И. Г. Хынку* (Кишинев) «К вопросу о судьбах романизованного населения дунайско-днестровских земель в VI—IX вв. (волохи и славяне)».

П. П. Бырня (Кишинев) в докладе «Северо-западный путь заселения территории Молдавии волохами» на основе метода картографирования показывает два этапа продвижения восточнороманского населения на указанную территорию.

С докладом «Итоги археологических исследований в Белгороде-Днестровском (по раскопкам 1954, 1958 гг.)» выступил *М. Г. Рабинович* (Москва). Археологические раскопки показали наличие в средневековых слоях внутри крепости горизонтов, которые могут быть связаны с турецким Аккерманом и молдавским периодом истории города. Ниже можно ожидать открытия горизонта славянского Белгорода.

Архитектуре Сорокской крепости посвящено выступление *В. А. Войцеховского* (Кишинев).

В заключение участники симпозиума прослушали сообщение *Н. Я. Мерперта* об археолого-этнографических работах в Африке.

Секцией этнографии был заслушан ряд докладов и сообщений, касающихся славяно-молдавской проблематики, этнографии гагаузского народа¹.

В резолюции, принятой участниками симпозиума, отмечены успехи, достигнутые в изучении прошлого Юго-Запада СССР, подчеркнута необходимость дальнейших исследований по основным проблемам древней истории племен на территории Молдавии.

В. С. Бейлекчи

¹ *Л. Л. Полевой*. Симпозиум по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. — СЭ, 1965, № 1, стр. 152.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археологічні пам'ятки
АС	— Археологический съезд
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии
ЗООО	— Записки Одесского археологического общества
ИА	— Институт археологии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИМФАН	— Известия Молдавского филиала Академии наук СССР
ИЭ	— Институт этнографии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КС ОГМ	— Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского Государственного археологического музея
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МДАПВ	— Матеріали і дослідження в археології Прикарпаття і Волині
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН	— Международный конгресс археологических и этнографических наук
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГЭ	— Сборник Государственного Эрмитажа
СЭ	— Советская этнография
ТМНО	— Труды Московского нумизматического общества
ААН	— Acta Archaeologia hungarica
ААР	— Analele Academiei Romîna
AR	— Archeologické rozhledy Praha
BSNR	— Buletinul societătu numismatic Române
CNA	— Cronica Numismatică și Archeologică
ГСУ ИФФ	— Годшиник на Софийския университет Историко-философский факультет.
DIR	— Documente privind istoria Romîniei
ИАИ	— Известия на археологическия институт Българска Академия на науките. София.
ИБАД	— Известия на Българского археологического дружество
Materiale	— Materiale arheologice privind istoria veche a RPR. Editura Academici RPR
MCA	— Materiale și cercetări arheologice. București
PZ	— Praehistorische Zeitschrift
SCIV	— Studii și cercetări di istorie veche. Editura Academici RPR. Bucuresti.
SIA	— Slovenská Archeológia. Bratislava
WA	— Wiadomosci archeologiczne
WPZ	— Wiener Prähistorische Zeitschrift

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Т. С. Пассек. История племен в V—III тысячелетиях до н. э. на территории Молдавии	3
Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке	10
Г. Б. Федоров. Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР	21

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. И. Мелюкова. Скифские элементы в гетской культуре	32
Э. А. Рикман, И. А. Рафалович. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье	42
М. С. Великанова. К этнической антропологии Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.	59
П. П. Бырня. Северо-западный путь заселения территории Молдавии восточно-романским населением	68
Л. Л. Полевой. Происхождение молдавской денежной системы (XIV в.)	75

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. А. Кетрару. Палеолитическая стоянка в гроте Старые Дуруиторы	79
В. И. Маркевич. Исследования неолита на Среднем Днестре	85
Т. Г. Мовша. Многослойное трипольское поселение Солончены II	91
Г. Ф. Чеботаренко. Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре	101
Г. И. Смирнова. Раннеголиградский комплекс Магалы	109
Л. И. Крушельницкая. Кельтский памятник в Верхнем Поднестровье	119
И. А. Рафалович. Раннеславянское селище Хуча VI—VII вв.	123
В. А. Войцеховский. Крепость в Сороках	129

IV. ХРОНИКА

Первый симпозиум по археологии и этнографии Юго-Запада СССР (В. С. Бэй-лекчи)	132
---	-----

Древности Северо-Западного Причерноморья (КСИА—105)

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Г. В. Моисевко. Технический редактор Ф. М. Хенюх

Сдано в набор 3/VIII 1965 г. Подписано к печати 30/XI 1965 г. Формат 70×108^{1/16}.
Печ. л. 8,5 + 3 вкл. (2/4 печ. л.) = 13,01 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 1400 экз. Т-15433
Изд. № 390/05. Тип. вак. 420.

Цена 68 к.

Издательство „Наука“, Москва, К-62. Подсосенский пер., 21

1-я тип. издательства „Наука“, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12